

Annotation

Славянская игра престолов. Все начинается с охоты князя, которая выльется во множество интриг.

Я родился всего лишь третьим сыном князя, особых талантов я не имел, кроме разве что охоты. Хорошо у меня получалось налаживать отношения только с лошадьми, но не с людьми, хорошо обращался с мечом, но никак не с управлением княжества. Тем не менее отец меня любил больше всех своих детей, даже жену подобрал восхитительную мне, к тому же, я, благодаря ей, становился князем. И я ее люблю, она такая красивая!

Помню одну историю, как моя охота чуть не стала причиной моей гибели. Забрался я однажды глубоко в лес на лошади, заблудился, а затем услышал, как несется на меня нечто большое — это был здоровенный тур. Я таких больше и не встречал. Своими рогами он убил моментально лошадь подо мной, я упал и только чудом успел достать клинок. Я вспорол брюхо им, как же много крови из него текло, а ревел он так громко. Я едва выскользнул, чтоб он не придавил меня, затем убил, чтоб не мучился.

Не знаю, как я оттуда выбрался, словно по неведомой нити шел, моя темная одежда сливалась с темными елями, и меня никто не видел, значит, на помощь мне не приходилось рассчитывать. Когда я выбрался и рассказал отцу об этом, как же сильно он испугался. И все же я надеюсь, что погибну не из-за зверя, а на поле битвы, как герой.

Темный лес переливается в лучах летнего солнца, деревья слегка покачиваются в такт ветру. Птицы стихли, перестали распевать свои причудливые песни, даже небо сегодня просветлело после нескольких дней проливных дождей. Нигде ни звука, все смолкло в страхе.

Из своего убежища выбрался аспид. Своими большими крыльями огромный змей нагоняет ветер, деревья под ним яростно зашатались, на нескольких осыпалась листва. Вместо пасти у него два хобота и клюв, из которого вырывается пламя, яркое, почти бордовое. Весь змей черный, кроме крыльев, которые на солнце переливаются цветами радуги. К тому же, они почти что сияют из-за драгоценных камней, что усыпали все крылья аспиды. Глаза зверя, цвета изумруда, злобно засверкали от трехнедельного голода.

На землю он сесть не может, потому и ищет жертву покрупнее, чтобы схватить и улететь назад в горы. Боги наказали аспиды за дерзость так, чтобы земля его обжигала, ранила, как только он на нее садился. Но голод сильнее зверя, тем не менее он не может поймать ни одно животное: все спрятались в убежища.

Аспид кружится, ищет большой камень, а из носа валит пар — зверь в отчаянье. Ему страшно, но он хочет есть. Его глаза бегают из стороны в сторону. Он чувствует запах зверей, прошедших здесь пару часов назад. Похоже на стадо оленей, но где они теперь? Почему все спрятались? Раньше аспид легко ловил добычу, наверное, пора поменять место охоты, поскольку животные уже запомнили его запах и прячутся. И все же змей не может улететь голодным, у него просто-напросто не хватит сил на полет. Его громадное тело потребляет слишком много энергии, и, естественно, зверь сильно ослаб за 3 недели голода.

Змей сидит на камне, прислушиваясь к каждому шороху, неожиданно где-то обламывается ветка. Уши приподнимаются, аспид настораживается, поворачивает голову в сторону источника шума. Притоки слюны заставляют зверя облизываться. Шум этот в километре от него, голод и тишина в лесу обострили его чувства. Зверь максимально тихо взлетает, взмахивает аккуратно крыльями, инстинкты зверя проснулись и жадно хотят скорее насытиться. Но что же за зверь столь не осторожен, что не почуял аспиды?

Змей медленно приподнимает крылья, которые постепенно сливаются со светлым небом. Лапы застыли в готовности, оттопырились когти. Змей уже видит несмышлёного дикого кабана и вот-вот поймает.

Хрясь!

Добыча в его лапах. Жирненький кабан, мечта любого охотника, извивается и пищит, молит зверя. Последний неспешно сжимает лапы так, чтобы добыча начала задыхаться. Глоток воздуха сейчас так нужен пойманной добыче, но жертва все меньше трепыхается. Аспид слишком долго ждет, поэтому усиливает хватку. Последний вдох... Больше не шевелится.

Хищник возвращается на камень, на котором сидел несколько минут, а не часов, как показалось несчастному кабанчику. Понемногу он выпивает кровь, а потом принимается за мясо, зубы вгрызаются в податливую плоть, языком аспид слизывает струйки стекающей по камню крови. Змей разрывает добычу на куски и, подобно человеку, аккуратно ест по кусочкам. Он утолил свой голод, разум снова к нему возвращается. Теперь аспид раздумывает, как бы лучше ему лететь, а главное, куда? Сейчас он собирается лететь в горы, но слышит шум, очень сильный шум. Уши зверя снова приподнимаются, и он рассчитывает на еще одну добычу.

Со стороны города выехала довольно большая конная процессия. Князь, любитель охоты, выбрался в лес. Его страсть к охоте слишком сильна, чтобы обращать внимание на упреки со стороны жены или совета. Каждую неделю он вырывался из замка на охоту, его опьянял вкус победы над дичью. Никакие заботы о княжестве не могли предостеречь от охоты.

Князь был добр и простодушен, потому людям он нравился. Действительно князь умел хорошо договариваться, был мудрым казначеем, чем обогатил край и не провел ни одного военного похода. Стекались иноземные купцы, привозя удивительные товары. Вроде бы все хорошо, если бы не козни недовольных, ведь умен был все-таки не князь, а его жена. Зачем им он вообще, если можно жениться на княгине и стать самому князем?

Первая попытка убить князя случилась пять лет назад, когда трое прокрались в замок и попытались в темноте заколоть возвращающегося с охоты, уставшего князя. Но он сумел ловко увернуться и обнажить меч. Князь слишком хорошо умел обращаться с оружием, так что исход был предрешен. Ему не составило труда убить неудавшихся убийц. Дальше покушения стали изощреннее. Это был не только яд, но и закаленные заклинаниями ведьм клинки. Самое изощренная “пакость” произошла 2 года. Но не на князя, а на маленькую княжну. Это было не так и сложно, учитывая, что с девочкой были лишь няньки. Схватив княжну, похитители потребовали выкуп. Твердо уверенные в любви князя к единственному чаду, они просили привезти к их терему драгоценности в сундуке к одному старому помещику. Причем, сопровождать сундук должно не более 10 человек, включая князя.

Конечно, все, кроме самого князя, все поняли и настойчиво уговаривали не ехать самому, во всех красках описывая безумие этой затеи. И это им удалось: князя отправляет своего друга, воеводу Ярополка. Он и похож внешне на князя, да и княгиню весьма устраивал. Отдали ему сундук, пустой, правда, о чем не знал князь. Пожелали воеводе удачи, наконец, отправили в путь. Однако, несмотря на приказ князя, княгиня велела: главное, убить мятежников, сундук, конечно не отдавать. Хотя отдавать, естественно, не чего. Маленькая княжна оказалась не так нужна — княгиня носила в себе наследника. И все, вроде бы, складывалось, как нужно княгине, но по прибытию на указанное место никого не

нашли.

Страх, охвативший дружинников и воеводу, не поддается никакому описанию. Растерянные, они оказались в пустом, старом тереме без признаков обитания. Это было громадное, но ветхое строение, простоявшее, словно не один век. Войны принялись обыскивать каждый покой. Но, к их удивлению, внутри они находили дорогую, хоть и пыльную посуду, изображения забытых людей на рельефах, потрепанная, крепкая мебель. Наткнулись они также на тяжелый, массивный стол, рядом два стула под стать столу. Они казались самыми новыми из всего, что обнаружили дружинники, однако и на них осел слой пыли. Все это свидетельствовало о том, что поместье покинули несколько дней назад. Поиски затягивались, а драгоценное время стремительно ускользало.

Тем временем, все оказалось гораздо проще: похитители просто еще не прибыли. Держали княжну они в другом тереме, а этот выбрали из-за его старости, к тому же, рядом никто не жил. А принадлежал он одному из похитителей, который им, правда, не пользовался. Княжна только-только приехала в сопровождении похитителей, ее лицо выражало спокойствие и сосредоточенность, ни намек на слезы. Поразительная стойкость для любого взрослого, а уж тем более для маленькой девочки. Ее детское личико, обрамленное светлыми кудрями, с яркими наивными голубыми глазами не сочеталось с серьезностью ребенка. Малышку переодели зачем-то в праздничное платье, а другое, в котором ее похитили, выбросили.

Княжна нужна была всем не для выкупа, на ней жениться можно потом и самому стать князем. Тем более, что она обещала стать очень красивой девушкой. А управлять девочкой проще, чем князем. Его лучше убить. Так что княгиня все правильно оценила: это мятежники, которые собираются убить посланцев и объявить тем самым войну князю. Каким-то образом они узнали про то, что князя среди посланцев нет. Так что они разделились, и одни направились к замку князя, чтобы его там убить. Но в самом начале все пошло не так из-за того, что путь пролегал через лес, и один спутников заблудился и его так и не нашли, а время потеряли. Хотя к поместью добрались, но там, несмотря на ярмарку в городе, где должно были собраться и слуги, они наткнулись на слугу. Его пришлось оглушить, а спрятать его было негде. Поэтому пришлось оставить и надеяться, что его не найдут и в себя придет он не скоро. Пока они пробирались к покоям князя, их заметили еще раз — теперь они сами стали жертвами.

Одна из нянек княжны, увидев их, тут же отправилась докладывать о происшествии, надеясь вернуть себе расположение после пропажи княжны. Так что дружинники начали сразу поиски непрошенных гостей, найти их и схватить после обнаружения оказалось совершенно просто. Их бросили в темницу, пока князь сам не решит, что с ними делать. Правда, их немного пытали, и они все с удовольствием рассказали. В итоге князь приказал их всех убить, а, может, и не князь, а княгиня.

Несчастную маленькую княжну воевода Ярополк освободил, истребив всех похитителей. К счастью, так, чтобы княжна этого не увидела. Когда отец обнял вернувшуюся девочку, она гордо произнесла: “Отец, я вас не опозорила”. Наверное, тогда по лицу князя прокатилось несколько скупых мужских слезинок. А, может, это лишь песчинка в глаз попала.

Семейство воссоединилось, княгиня ждала наследника...Но...Ребенок родился мертвым. И это стало вторым сильным потрясением в жизни маленькой княжны. Казалось, что она винила себя в этом, и уж точно мучилась больше всех из-за этого. Князь ходил

поддавленный, а княгиня плакала. Но они скоро оправились, а девочка — нет. Навсегда в ее сердце останется пустой кусочек, предназначенный для не рожденного брата.

А князь сейчас скакал на своем белом коне. На этой лошади, животном верном и шустром, князь разъезжал повсюду. Его он заполучил от приезжего купца, который женился и собирался отойти от дел, а потому распродал все очень дешево. Светлые, немного волнистые волосы князя трепыхались от ветра, лицо его повеселело, как и всегда на охоте. Голубые глаза, узкие, улыбающиеся губы, вытянутый, небольшой нос, округлое лицо с короткой бородкой, а сам здоровый, коренастый. Он бодро скакал, выискивая добычу, шустро туда-сюда в нетерпении, словно ребенок, ждущий прихода матери. Охотники подстрелили зайца, но князь искал добычу покрупнее, которая почему-то пряталась.

Какая необъяснимая оказия! Два охотника решили выбраться в одно и то же время.

Собаки, рыскали по лесу с большим удовольствием, пока ветер не подул со стороны аспида. И собаки почуяли его запах, от страха волосы у них встали дыбом, животные жалобно заскулили. Но хозяева не почувствовали нависшей опасности, и подгоняли: собакам пришлось подчиниться. Собаки, уже забывшие об угрозе, в запале мчались на запах, люди подгоняли коней и двигались следом. Периодически люди, не замечая веток из-за скорости, врзались с треском в них. Ловчий остановил собак: добыча рядом, все привыкли к охоте на крупную дичь, но никто не ожидал настолько большой добычи. Люди осторожно раздвинули заросли и узрели прекрасное.

Аспид ел уже свою вторую жертву, раскрыв радужные крылья, блистающие на солнце. Необъяснимое желание убить этого зверя возникло у князя, его тянуло к этому змею, что-то похожее на себя он увидел в нем. А как известно, тех, кто подобен нам, выносить рядом мы не можем. Князь, словно обезумел, к тому же он был немного пьян. Он выхватил меч и понесся на величавого аспида, а змей не взлетел и не почувствовал хоть какой-нибудь опасности. Змей не использовал и пламя, а перекусил самонадеянному князю шею. Нет, даже просто проглотил голову.

Глупейшая смерть для князя! Не было ни прощальных слов, ни битв и сражений с врагом, ни даже страшной болезни — все закончилось за несколько секунд. Свита вовсе ни сразу смогла понять, что произошло. А вот змей распробовал все хорошо, раньше людей он боялся, а теперь жаждал их плоть. Столь нежный и приятный вкус, солоноватая, но вкусная кровь. В ней что-то было не такое, как у этих бездушных диких животных. Теперь любой, кто попытается подойти к аспиду или случайно с ним столкнется, будет съеден.

Другие не спешат на помощь к князю, а ждут, когда змей улетит. Зверь с интересом обнюхивает тело, так что все понимают, что сейчас аспид может съесть и оставшиеся части тела. А хоронить-то что-то надо! Некий смельчак, решивший спасти князя, начал рубить дерево, что было рядом. Свист, треск привели в чувство змея. Он вспомнил, что не окреп после голода и раны, полученной от другого аспида, разум зверя прояснился, и он больше не понимал, зачем убил этого человека. Осмелевшие вдруг люди выходят из тени, тогда зверь совсем теряется и решает отступить пока что.

Змей взмахивает огромными крыльями, некоторые от поднятого взмахом ветра теряют равновесие и падают. Зверь хочет вернуться домой скорее, он хочет забыть и новый вкус, и этих людей. Зверь летит над лесом, потом через озеро, кажется, что он любит виды. Потом замечает, как приближается к пещерам и скалам, понемногу его возбуждение исчезает, и приходит умиротворение. Уже спокойный, он заходит в свое убежище. С любовью, затаив дыхание, она смотрит на свои яйца, они крепкие, твердые, защищенные от

любых ненастий и людей. Ей нужно хорошо питаться, чтобы накормить детенышей, которые скоро появятся на свет. Пятеро малышей аспида расправят свои крылья через несколько месяцев, а сейчас мать заботливо ополоснёт яйца огнем.

Пока одна мать занималась детьми, у людей были другие проблемы. Те, кто был с князем застыли в ужасе, когда аспид улетел. Они и сами поразились своей смелости, от которой ничего не осталось. Опасались они за свою судьбу, ведь другая мать будет в гневе из-за смерти своего мужа. Они не уберегли князя! Люди уже представляли реакцию совета и своенравной княгини — кто-то из них должен пойти и сообщить новость совету и княгине.

Они аккуратно привязали тело князя к его верной лошади и выдвинулись из леса. Один из них, все тот же смельчак, что спас тело князя, решил поведать княгине о случившемся. Видно, жизнь ему была не так и дорога: возлюбленной у него было, да и детей тоже. А вот приключений ему хотелось с детства, а чувство страха не вызывало отчуждения. Жажда новизны переросла в желание бравировать. Юноша был довольно красив: голубоглазый блондин с правильными чертами лица и телосложением. Он силен и ловок. Юноша любил князя, как отца, а тот в свою очередь был к юноше добр и снисходителен, помогая ему в становлении в качестве дружинника. И потому он согласился стать вестником беды.

Группа специально направилась к княжескому замку обходным путем, чтобы не привлекать внимание местных жителей. Осторожно они шли по тропе из леса прямо к замку, эту дорогу многие предпочитают обходить из-за ее опасности, а многие даже забывают об ее существовании. Скоро вырастет поколение, не знающее об этой тропе. Тем не менее она обросла легендами и сказаниями, например, будто бы здесь встречается индрик-зверь. Ходит-бродит он здесь по ночам и властвует над животными. Однако везде в лесу обыскали смельчаки, но зверя не нашли. Разве что дом ведьмы им повстречался, да и тот пустой. А еще поговаривают, что и леший здесь живет, но все, что он вам сделает, так это заставит поблуждать по лесу. Видели здесь и кота Баюна, этот не опасен, но зубы заговорит сказками еще как.

Впрочем, эти байки лишь на руку нашим героям. Они могут пройти незамеченными, благодаря им, а извилистая, крутая дорога вполне под силу молодым крепким мужчинам. Но чем ближе к замку, тем меньше деревьев, а обстановка напряженней. Дорога, как ни странно, становилась лучше, переход сделался легче. Хотя, возможно, это лишь воображение.

Они подошли к воротам, немного успокоившись, однако недостаточно, чтобы сразу войти. В тишине они стоят несколько минут с каменными, обреченными лицами. Одному из них достало ума вспомнить маленькую княжну вслух, что усилило чувство вины для всех. Наконец, они все вместе нажимают на дверь и отворяют ее, а затем по очереди проходят. Но впереди все тот же смелый юноша, за которым все следуют. Сразу они никого не встречают, но дальше начинают попадаться слуги. Все они ведут себя одинаково: сразу равнодушие, потом озадаченность, а затем испуг. Они срываются с места и бегут скорее рассказывать другим, так что скоро многие скапливаются возле, чтобы увидеть тело. В итоге они отдают тело и приказывают занести его в покои князя. Они спешат, потому что, если княгиня узнает весть от слуг (которые вечно все извратят), то разгневется она еще неизвестно как...

Спутники поспешили к главе совета Путимиру, но он уже был не один, а значит, они уже узнали. Десница заговорил первым, это был мужчина 55 лет, но возраст его точно никто не знал, даже он сам, но волосы его полностью поседел, а глаза были такими же серыми. Сам весь серьезный, однако на его происхождение указывали большие крестьянские руки.

— Мы уже слышали весть, а точнее мне доложили все очень быстро, — он вытянул руки в стороны, как всегда, когда не знал, что сказать дальше, — Вы должны рассказать все в подробностях.

Глава совета был потомком крестьянин, еще его дед пахал землю, а его внук теперь правая рука княжества. Отец разжился добром на торговле и все передал старшему сыну, но, к несчастью, десница был вторым сыном. Так что он отправился на службу к князю в поисках счастья, а безразличие отца подтолкнуло добиться признания. А княгиня в отличие от своего покойного отца, хорошо относилась к купечеству. Парень был юн и мечтателен, но целеустремлен, а значит, умел превращать желания в реальность. Начав со счетовода при старом князе, стал десницей при молодой княгине, а теперь вдове.

— Совету необходимо время на обдумывание происшествия, а вы должны отправиться к княгине и передать эту печальную весть, — вот, и все, что они слышали.

Княгиня была женщина 23 лет, очень красивой с черными, длинными волосами, ресницы, тонкие, опоясывали голубые глаза так, что, когда она часто моргала, была удивительно похожа на куклу. Ее маленькое, белоснежное личико лишь подчеркивало это сходство. Все ее жесты преисполнены благородства и грации, девушка рождена была, чтобы быть великой княгиней. Но была до жути гневливой, так что мужчины в тайне надеялись, что всю свою злость они вылила на слугу, который по своей глупости ей все сообщил. Но так не случилось.

Вот сейчас она сидела в окружении молоденьких девушек, вышивающих что-то причудливое, а сама перебирала что-то на своем столе среди табличек. Княгиня с детства понимала интуитивно, как вести себя с подданными, как надо себя преподносить, как жить посреди красоты. Вот и сейчас чутье ее не подвело, и она сразу, увидев пришедших к ней мужчин с опущенными глазами, она махнула девицам рукой так, что они сразу собрали вышивания и строем вышли из покоев.

— Что привело вас ко мне в столь печальном виде? — княгиня заговорила в привычной ей манере с ноткой высокомерия, хотя сама ее никогда не замечала.

Вперед выступил выбранный смельчак, который на миг забоялся, а лицо его все еще покрывало марево детства, возможно, этим вызвана его бесшабашная смелость. Он никогда не видел смерть близких людей, сразу его опекал отец, а после князь, он не видел смерть младшей сестры — ему даже никто не говорил об этом. Полумальчишка, полумужчина, верящий в чудеса, он смело приближается к княгине. Юноша элегантно кланяется, несколько секунд выжидает, а затем собирается и говорит. За его спиной взрослые мужчины рассчитывают на милость княгине, а юнца, что принес весть, она вряд ли накажет. Пусть ореола “доброты”, как у ее мужа, у нее не было, но и злобной ее не считали. Скорее, хладнокровной.

— Великая княгиня, я приношу дурную весть: в лесах объявился аспид, а в это время мы были на охоте вместе с князем, — юноша замолкает, чтобы сдержать рвущихся наружу слез.

— Аспид его убил? — догадывается княгиня.

— Да, — он уже почти дрожит.

Княгиня молчит, горя она не чувствует, как все ожидали. Плакать и стенать, тем более, не собирается. Глядя на юное лицо, она понимает, что от нее ждут гнева, печали — все, что угодно, но не спокойствия. Самой княгине показалось, что она смогла выпрямиться полностью впервые, а груз, который сидел на спине, свалился, легкие вздохнули свободно. Но никто этого не заметил, однако она теперь может довольствоваться одиночной

властью.

— Вы храбрый юноша. У вас многое впереди.

А потом надежда рассыпалась, но не для всех. Не знала, правда, княгиня, что юноша этот, искупавшись зимой в проруби, сляжет с тяжелой простудой и умрет.

— Ты будешь жить, я не вижу в тебе хоть капли злобы. А вот в трусах позади тебя вижу. Ты свободен, — княгиня Милана сделала паузу, дожидаясь, пока юноша уйдет. — Вы же все должны покинуть город в течении двух дней, ваших семей и родственников это не коснется. Но ваше имущество перейдет к княжескому дому.

Гробовое молчание! Это позор! Страшнее смерти!

— Вы свободны господа, можете идти.

Безропотно, покорно, как беленькие овечки, выходили когда-то гордые мужчины. Но один все же не утратил гордости, он знал, если княгиня чего-то хочет, она этого добьется. Он даже слегка улыбнулся этой мысли, а ожидающему их юноше сказал, что тот ни в чем не виноват. Мужчина ободряюще похлопал товарищей по несчастью. А потом никто и не заметил, как тот ускользнул. Мужчина нашел тихий, темный уголок, вытянул пояс из одеяния, привязал к гвоздю, привязал к крепкому крюку. Затем он... просунул голову в петлю и повис. Сожаления он не чувствовал, даже не вспомнил семью. Лишь лицо княгини стояло перед глазами, он любил ее всю свою жизнь. Когда он прибыл на службу к старому князю, ей было 12, а ему 27, он уже даже женился и имел трех детей. Его добротная, крепкая жена родила бы и еще 10, а то и больше. Но он не хотел... Ему нужна была тоненькая фигурка княжеской дочки. Он пользовался служанками, выбирал самых юных, но ни одна не походила на нее. Он выискивал возможности, чтобы хоть мельком увидеть Милану.

Хрясь!

Веревка выпрямилась полностью, тихие предсмертные звуки, он задыхался, глаза выпучены, пару минут и жизнь обрывается. Через несколько минут веревка с шумом тоже обрывается, и тело падает. Не самую лучшую веревку он выбрал, впрочем, дело свое она выполнила. Даже внимание не привлекла, когда оборвалась, тело, вряд ли, скоро найдут.

Пока мужчина сам решил свою судьбу, княгиня отправилась напрямиком к совету, как только отпустила виновных. Власть заиграла для нее по-новому, а потому опьяняла, женщина чувствовала себя всемогущей. По пути она вдруг вспомнила о дочери. Ведь неприятно будет, если узнает от слуг и начнет при них рыдать. Поэтому пришлось развернуться и направиться в противоположную сторону. Здесь обычно было мало слуг, а сейчас они вовсе собрались, чтобы посудачить вволю. Шаги в тишине отдавали легким эхом, странное, смутно знакомое чувство из детства встало поперек горла, мешая двигаться также уверенно. Княгиня замедлилась, желая отложить разговор с дочерью. Но она уже слишком близко, а вот она уже возле покоев. Женщина слышит два голоса, скорее всего, это старик-слуга, который, словно своей внучке, рассказывал девочки сказки.

Дверь внезапно распаивается, было бы весьма забавно, если бы княгиня не успела отскочить. Но забавно лишь для ее дочери...потому что княгиня обзавелась бы здоровенным синяком, в пол-лица, а слуга уже был нежилец. За дверью показался старик, уставший от работы, весь сутулый, как положено, с бородой. Однако ему лет было меньше, чем казалось, а энергии у него было не занимать. В молодости он успел объездить не одно княжество. Другие слуги его побаивались, считая, что старик занимается колдовством, поэтому и не умер еще.

Старик нервно улыбнулся княгине, наверное, понял, чего избежал только что.

— Великая княгиня, — старик задумывается, что-то вспоминает и поскорее хочет уйти, — Извините меня, я не знал, что вы придете, я бы...

— Ничего страшного, — вероятно, лицо ее и слова расходятся во мнениях, так что старик все так же улыбается нервно. — Мне нужно поговорить с княжной. Иди.

— Конечно, извините меня, — старик обходит княгиню и начинает пятиться, а как только Милана отводит взгляд переходит на быстрый шаг.

Княгиня недовольно замечает, что дверь в покои дочери толщиной с кулак. И зачем только такие двери ребенку? Княжна же уже вытянулась в ожидании матери, она стоит слегка испуганная неожиданным приходом матери и теребит платье. Девочка поднимает глаза, нежно голубые, волосы у нее светлые, как у отца, но тонкие черты лица, как у матери, странно все сочеталось на детском лице. Какая-то излишне худая, слишком высокая, совсем непропорциональная. Все по отдельности у нее красиво, а вместе соединяется в “гадкого утенка”, но все еще есть надежда, что с возрастом она превратится в “лебедя”. Княгиня Милана, глядя на все это, просто негодовала, как у нее мог родиться такой ребенок? И словно в подтверждение ее негодования, девочка оступается и чуть не падает. Еще и неуклюжая! Мысли княгиня перетекли в сторону ближайшего замужества, а девочку эту она терпеть не сможет.

— Великая княгиня, — девочка поприветствовала мать.

— У меня для тебя прискорбная новость, — девочка не отреагировала, от чего княгиня злилась больше. Еще и бесчувственная! — Твой отец мертв.

— Как это произошло? — почти что шепчет.

— На охоте убил зверь.

— Но ведь отец такой замечательный охотник! Как он умер?

Княгиня ловит себя на том, что не удосужилась разузнать подробности гибели, а это плохо для нее же.

— Был замечательным охотником. Потом все узнаешь.

— Но ведь это мой отец, я хочу знать...

Девочка недоговаривает — резкий взмах руки, и княжна получает пощечину.

— Благодарю за весть, великая княгиня, а также за мягкость, проявленную ко мне после смерти отца.

Княгиня готова была поклясться, что услышала в словах ребенка иронию, но разбираться не стала. Вместо этого оставила дочь и отправилась собирать совет. Тем временем спутники князя успели пожаловаться деснице, но тот равнодушно пожал плечами, мол, ничего не могу. Слуги уже успевают обсудить тему, начинают расходиться. Скоро начнут готовить похороны неудачливого охотника, отца, мужа и друга. А аспид укрывается в логове и ждет появления детенышей.

Когда умерла мама, отец сказал, что сложил все ее одежды, украшения в сундук, и приказал мне туда никогда не заглядывать, пока я сама не стану княгиней. Мне почему-то казалось, что отец лжет, и в сундуке хранится нечто большее, чем вещи матери. Там нечто важное. И я все-таки не вытерпела.

Когда отец куда-то уехал. Я шла в покои матери, помню, как было тихо и эхом отдавали мои шаги. Я захожу, вижу этот сундук, он простой совсем и к тому же не заперт. Я распакиваю...и вижу там аккуратно сложенные вещи. В ярости я раскидываю все вещи, потом заглядываю вниз— там остался только янтарь. Захлопываю крышку, не утруждая себя сложить все на место, я выбегаю. Что-то поменялось, как будто все несчастья вылетели оттуда, не оставив для меня надежды.

Отец потом обо всем, конечно, узнал, позвал меня и при мне сам складывал вещи матери. Он мне и слова плохого не сказал. Но мой дядя (который сейчас невесть, где, наверное, уже и умер) сказал, что это была наверняка проверка. Я ведь провалила все? Но и мой отец не так и чист. Я знаю о его грязном секрете, о моем братце бастарде. Но разве меня это касается? Отец уже сказал, кому все оставит. И это буду я!

Озеро здесь с непамятных времен, и, как водится, существует о нем легенда. Говорят, что когда-то вода пропала из этих мест, все реки и озера пересохли, дожди не шли несколько месяцев, запасы воды кончились, а урожай пропал. Надвигался большой голод. Повсюду сновали худые, ищущие хоть каплю еды, дети. И дичи не стало: большая часть животных либо ушла, либо погибла, а оставшихся уже переловили. Люди отощали, оголодали, одни хотели ограбить соседнюю деревню, другие ударились в молитвы богам. Но вскоре узнали, что такая напасть поразила все близлежащие деревни, а вскоре каждый день кто-нибудь умирал от голода. Умер маленький мальчик, ребенок свалился прямо на дороге, а мать рыдала над его телом, там и заснула, и больше не встала. А затем случилось чудо! Пошел дождь, который не прекращался несколько дней. Вот так появилось это озеро, а деревня разрослась до княжества, люди стекались в это место, отмеченное богами.

Прошло с тех пор много времени, люди позабыли историю, считая ее лишь легендой. Тем не менее озеро стало важной составляющей жизни людей. Они приходили сюда стирать одежду да даже просто полюбоваться природой. Озеро, и правда, красиво: изумрудно-голубое, окруженное лесом. Зимой, когда лед схватит озеро, начинался наплыв детишек, а весной смельчаки катались на откалывающихся льдинах.

Сейчас стояла ранняя осень, когда деревья успели пожелтеть, но в ветре уже чувствовался холод. Вот княгиня, наслаждающаяся видом, тишиной и спокойствием. Здесь она наконец-то смогла забыть назойливые предложения о браке со стороны совета. После смерти мужа она испытала облегчения, и мысли о замужестве ее скорее раздражали, чем привлекали. Когда ей было тринадцать, они познакомились, и его доброта и наивности впечатлили Милану. Тогда он поднял птицу со сломанным крылом и выхаживал ее на протяжении нескольких недель, но птица все равно погибла, и юноша ее похоронил.

Их брак был сделкой родителей, что до этого враждовали, но смогли примириться из-за женитьбы детей. К тому же, для обеих сторон это был выгодный союз. Отец княгини не смог оправиться после смерти жены во время вторых родов и не женился больше, а первенец умер от простуды. Князя через несколько лет постигнет даже судьба. Чтобы дочери было

спокойнее править, отец выбрал ей мягкого, покладистого мужа — родители жениха не могли обеспечить лучшей доли для третьего сына. А соседям- князьям спалось лучше рядом со спокойными соседями.

Что же эта была за птица? Теперь Милане трудно вспомнить, тем более что она умерла. Тот месяц она вовсе плохо помнит, какая-то катавасия, туман, марево, а потом свадьба и пир. Муж ее был совершенно не властолюбив, он был лишь третьим сыном, которого научили только обращаться с оружием, к тому же, он был слишком любим отцом. Так что совет понимал, кто на самом деле будет править, а простой люд не задумывался о таких делах. Но он был для Миланы прикрытием, которого теперь не стало.

— Княгиня, — окликнул ее спутник, — желаете посетить лес?

Женщина кивнула, ловко и достаточно грациозно вскочила в седло. Не дожидаясь спутника, она галопом направила лошадь к лесу, через пару метров они поравнялись.

Спутник княгини явно был ей под стать своим поведением и внешностью, в отличие от князя. Прямая осанка, высоко поднятая голова, уверенность в седле, слегка заостренные, красивые черты лица, русые волосы ниже плеч и серые, энергичные глаза. Попадая под его взгляд, казалось, что ты полностью изучен, раскрыт, его глаза докапывались до все глубин твоей души. Подтянутый, хорошо сложенный, единственный недостаток внешности — это сломанный с детства нос. Мужчина, конечно, рассказывал, как сломал его в драке с княжеским сыном, что был старше. Но на самом деле он просто хорошенько вмазался в добротный дверной косяк.

Оба в хорошем настроении, покрасневшие от быстрой езды, кони у них одинаковые, черные с тонкими ногами, очень ловкие и шустры, явно привезенные из далека. Парочка, придерживая коней, постепенно спускаются в лес, а там из-за прошедшего дождя с веток падают на голову мелкие капли. Спутников это не смущает, и они продолжают идти в этом направлении, затем спешиваются и ведут коней за поводья.

— Как давно мы не оставались полностью одни, — шепчет княгиня.

— Разве? Надо почаще, — улыбается он в ответ.

Они замолкают и не нарушают больше сложившуюся идиллию, они так и идут почти вплотную друг к другу. Но Милана неожиданно (скорее для нас) целует мужчину, развернувшись и опередив его на несколько шагов.

— Не стоит, Милана. Он же только недавно умер.

— Значит, теперь он точно не будет против, — прыскает княгиня.

— Ведь он тебе все же был дорог, как и я. Везде тебе свойственна двойственность, — он проводит рукой по волосам, спускается к шее, плечу, локтю и кисти, целует руку. — Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Молча они теперь не идут, а тем более не грустят.

— Как ты собираешься справляться с советом?

— Придется выйти замуж, — улыбается она.

— Серьезно? Ты же не хотела. Кто на примете?

Милана всматривается в лицо мужчины и не понимает: он говорит с обидой или нет?

— Зависит от обстановки, я пока не выбирала и хочу оттянуть этот момент. Но, возможно, я смогу...

— Ты можешь обручить Лану и сделать ее своей преемницей, тогда тебе можно будет не выходить замуж.

— Нет, — лицо ее скривилось, но голос остался прежним. — Я выдам ее повыгоднее

замуж, но наследницей делать не желаю.

— Стой, давай привяжем коней.

— И что это за дебри? — улыбается.

Они оставляют лошадей и спускаются по холму, останавливаются. Прекрасные люпины! Все покрыто ими! Растения выглядят крепкими, чудными, многочисленными фиолетовые цветки заполнили все лучшее свободное пространство, словно люди. Маленькие цветы на растениях как раз недавно открылись, и княгиня сполна насладились необычным зрелищем, и достаточно редким. Люпин — один из самых нужных ингредиентов для лекарств у ведуний, несмотря на ядовитость. К тому же, поговаривают, что нужен он для колдовства, и скорее всего это главная причина уничтожения люпинов.

— Прекрасно, они чудесны, — на душе у нее стало невероятно тепло, она садится прямо посреди цветов.

— Не хочу, чтобы этот момент кончился, — неуверенно начинает мужчина, хочет подойти, но в итоге застывает.

Княгиня сама встает и подходит к нему, целует, но тот едва отвечает на нежность.

— Что не так?

— Ничего, — лжет он, пересиливая себя, обнимает ее.

Ярополк так никогда и не признается, что после смерти князя, внезапно проснулись муки совести. Когда князь был жив, его не особо волновало, что он спит с женой друга. А теперь появилось это мелкое чувство, нет, он не избегал любимой, и ему также нравилось находиться с ней рядом, однако прикасаться к ней было страшно.

— Я люблю тебя, — шепчет он, зная, что никогда не получит ответ — надежду на это он потерял давно.

Позже, когда они вернулись за своими лошадьми и оседлали их, но еще не выдвинулись, Ярополк решил попробовать что-то предпринять:

— Я думаю, нам стоит ненадолго отдалиться друг от друга, потому что Путимир что-нибудь заподозрит. А тебе сейчас хватает проблем.

— Плевать я на него хотела. Я могу разогнать весь совет.

— И лишишься последнего прикрытия, тебя и так не любят, того и глядишь будет переворот, — подумал он в ответ, но ей сказал. — Это лучше решить мирно. Тем более, что без совета будет тяжелее, а Путимир дает толковые наставления.

— Я не уверена в этом.

— Серьезно? Они тебе плохого не скажут, а тем более слово “нет”. Они побаиваются тебя. Подумай, прежде чем выкинуть их.

— Давай лучше отдохнем от этих дел.

Они направили лошадей шагом, и ехали так до самого озера. Здесь же княгиня и вовсе остановилась.

— Ты хотел отдалиться на время. Так подбери мне мужа получше.

— Нет, — а сам вздохнул с облегчением: она выйдет замуж и будет в безопасности, даже если будет управлять новым князем.

— Совсем меня не боишься. Тебе же и лучше, впрочем.

— Выберу самого богатого, но тупого и страшного.

— Хорошо, — она широко улыбнулась.

***

Ведунья сегодня окончательно поняла, что состарилась безвозвратно. Из рук все

валилось, и, вот тебе, сломала полку, склянки вместе с содержимым упали, естественно, все порошки и зелья смешались. Старухе еще очень повезло, что ничего не взорвалась. Впрочем, ей пора на покой, а внучка уже и сама прекрасно справляется, да и сколько же может она помогать людям — за 110 лет все соки успели выпить из нее. Но ведь и других хлопотав хватает. Старуха чихает, и вся пыль взлетает. Как же давно здесь она не убирала, а внучке не дает: переставит еще все. До полной атмосферы логова ведьмы не хватает полутьмы, но здесь напротив светло, да и не ведьма она, а ведунья. Бесит, когда путают ее! Старушка слышит легкие, тихие шаги, удивляется, почему внучка вернулась. Однако в дверь постучали и, не дожидаясь дозволения войти, открыли дверь. Ведунья определила, что это мужчина среднего роста и веса, хотя скорее легче обычного. Но шаги кошачьи, точно внучка ее ходит. По привычке ведунья обернулась к посетителю.

— Что вас беспокоит? Если вы от ребенка хотите...ээ... вам к внучке моей.

— Дурная, старая и слепая.

Какой это был голос, столько лет прожила, но красивее не слышала. Ведунья полностью себя убедила, что пожаловал к ней колдун, небось еще красивый и умный. Сразу заметил, что слепая, хотя она старается это скрыть. Но зачем такой пожаловал к такой, как она?

— Я никакой не колдун, поэтому и пришел.

— Точно дурит меня, старую, — убедила себя ведунья.

— Тебе ведь много лет, вот я и пришел за мудростью.

— А что я получу взамен?

— Кувшин. Не спеши с выводами. Он стоит больше, чем ты заработала за всю свою жизнь. На нем черты и резы древних колдунов, — он действительно поднимает кувшин, который возник, словно из ни откуда. Но такие фокусы ему легко давались.

— Ох, — она тянет к нему руки.

— Подожди-ка.

— Чего же тебе надобно?

— Я хочу знать, как можно справиться с аспидом?

— Колдун ты. Обычный человек на такое не решился бы, да и не знаю я. Тебе может помочь только птица гамаюн, — старушке хотелось максимально задержать мужчину, уже очень ей понравился его голос.

— Как же мне ее найти ее? Она же за тысячи километров от сюда.

Старуха напрягается и действительно хочет помочь, усердно пытается вспомнить.

— Ох, не та уже память, но я знаю, как это сделать. Вот, только не могу вспомнить.

“Колдун” на нее удивленно уставился, на остался ждать.

— Вспомнила, но это довольно сложно.

— И как же? — мужчина улыбнулся.

***

Настал день богини Мокоши, что покровительствовала женщинам, а еще день похорон князя. Уже подготовлено все для костра, выложены дрова в виде прямоугольника, достигающего до плеч взрослому мужчине. Покойника нарядили в белые одежды, многие отметили, но, к своему же счастью, смолчали, что после смерти князь и в этой одежде помрачнел, как будто все хорошее из него исчезло. Правда, дело было скорее в отсутствии головы, но она ему и при жизни особо не нужна была.

Тело покойника положили на напоминающую внешне привычную нам лодку. Закрыли плотным покрывалом, к ногам поставили горшок с едой, а рядом с телом сложили дары,

такие, как украшения, оружие. Ладью поставили носом на закат, это было обязательная традиция.

— Кто пойдет на кряду вместе с ним? — спросил Ярополк княгиню, подойдя к ней перед церемонией, при этом сделал акцент на последнем слове.

— Полупьяная рабыня, — равнодушно ответила княгиня, даже чересчур безразлично, что и Ярополк удивился такой бесчувственности.

— Без толп преданных князю дружинников в этот раз?

— Я настойчиво отговорила их, — немного приврала она.

— Отговорила? К вашему отцу бросались, несмотря ни на что.

— Между ними слишком большая разница. Мой отец был настоящим войнам и правителем, а этот, — княгиня кивнула в сторону будущего костра, — даже не сумел держать в узде дочь. Я думала в начале, отправить неудачливых охотников, но и так достаточно одного висельника.

— Где Лана? Вы с ней говорили?

Княгиня утвердительно кивает, и Ярополк поспешил ретироваться, пока приглашенные князя, а особенно десница, не заметили их.

С каждой минутой (если не секундой) людей становилось больше. В основном это были князя и люди из дружины, они стояли ближе всех к костру. Но чем дальше, тем больше было слуг, крестьян. Эти хотели подобраться, как можно ближе, прикоснуться к своему правителю, что внушал столько надежд. Однако дружина их близко не подпускала. Вышел жрец, это был полностью седой, но крепкий мужчина. Как и у всех жрецов у него были длинные борода и волосы, покрытые белоснежной сединой. Для церемонии он разделся до пояса, в руках у него факел, жрец подходит к сложенным в определенном порядке бревнам, на них кладут домовину с князем. Жрец поджигает, огонь разгорается, под молитву жреца выводят рабыню в белых одеждах, она улыбается, как это делают пьяные люди. Ее поили алкоголем три дня, и сейчас, как удачно выразилась княгиня, полупьяная, но способная все еще самостоятельно держаться на ногах, хотя она уже не может здраво мыслить. Девушка идет ровной поступью худенькими ножками, белая легкая одежда только подчеркнула красоту и стройность девушки. Таковую не стыдно выдать в качестве княжны, но она рабыня, отданная жадным костру и небу. Девушка весело и уверенно подбирается к смерти, к ней подходят дружинники, чтобы помочь забраться. Хотя они скорее на случай, если девушка испугается и заупрямится. Но нет. Она забирается без помощи, страх и боль пронизывают бледное личико, лишь когда пламя начинает заглатывать очередную жертву. Огонь вздымается к небу, значит, души достигли покоев Сварки. Обряд закончен, а первый день Тризны завершен.

***

О том, что старуха-ведунья умерла, мужчина узнал в тот же день. Люди побаиваются таких, как она, но уважают за их помощь обычным людям. Хоронили ведунью, как колдунью, перед смертью, поговаривали, передала силу правнучке, дотронувшись до нее наделенным силой пальцем. Старуха не мучилась, просто легла и попрощалась с правнучкой, которая одна и жила с ней, потом спокойно умерла. Отказалась от них семья, вот, и жили вдвоем. Старуха жила сразу одна (тогда моложе, конечно, была), а, как родные поняли, кто в семье родился, отослали девочку прабабке. Та обучила всему, что знала сама, так что умерла, не беспокоясь о том, что опыт пропал ее.

К ведунье люди относились настолько хорошо, как можно к ним относиться, давали ей

что-нибудь за услуги, которые часто требовались людям. Приносили и мед, и мясо, и хлеб, а она в свою очередь их лечила, и живность лечила даже.

Тем не менее, хоронили ее со всеми мерами предосторожности: похоронили лицом вниз, череп пробили заговоренными гвоздями, а в рот положили камень, несмотря на протесты правнучки-ведуны. Пожалуй, в ней говорил страх того, что ее похоронят также.

В тот же день, что умерла старуха, в деревне родилась девочка. Понеслись слухи, что судьба у нее будет плохой. Родители новорожденной девочки пребывали в расстроенных чувствах, некоторые местные полагали, что не проживет ребенок и недели.

Но ему уже плевать на все это: мужчина знает, как призвать птицу гамаюн. Все должно пройти, даже сможет найти жар-цвет, который так нравится гамаюн. Однако опаснее всего — это гнев птицы, кто знает, как она отреагирует на призыв какого-то там человека. А еще опаснее не рассказать ей то, чего она сама не знает. Пока об этом лучше не задумываться, а отправляться за цветком и зеркалом для призыва. По слухам, цветок этот растет в Северном, самом дремучем лесу, а находится он достаточно недалеко, однако очень уж он опасен. За годы обособленности там расплодилось куча всякой нечисти и дикого крупного зверья.

Нет, сам он туда не пойдет: глупо будет погибнуть в начале своего плана. Он найдет какого-то смельчака, тот и выполнит всю грязную работу, конечно, он получит деньги. Смельчак этот, правда, не узнает о истинной ценности найденного цветка.

***

Ярополк, не смотря на свои же слова, идет ночью в покои княгини. Он сразу быстро шагает, но, чем ближе, тем медленнее и осторожнее он идет. В невинной, благородной темноте ему никто не попадался, без преград он проходит в неохраняемую комнату.

Он слышит, как тяжело дышит его любимая женщина, он глядит на нее спящую, немного бледную, несмотря на глубокий сон, ее пронизывает сильная дрожь. Он легким движением дотрагивается до лба — он холодный. Смерть мужа, которого она хоть и не любила, но дорожила им, княгиня переживает хуже, чем думал Ярополк. Наверное, не стоило приходить сюда, лучше оставить ее одну, чтобы она сама переборола горе. Но Ярополк не может так поступить, он садится рядом, гладит ее волосы, греет холодные руки. Еле-еле дотрагивается, чтобы Милана не проснулась. Но на утро оба все равно будут выглядеть болезненно, словно уставшие навечно. При первых порывах победить ночь со стороны рассвета он все также незаметно уходит, перед этим получше укрыв княгиню. Мужчина спокойно шагает в сторону своих покоев, однако в этот раз он столкнулся с десницей. Тот не просто оглядывает подозрительно Ярополка, но ещё и останавливает фразой:

— Что же вам не спится в такую рань?

— Всем нам не спится в такое тяжелое время, — аккуратно и элегантно парирует в ответ.

— Кроме княгини.

— Любой бы свалился от столь внезапного тяжелого несчастья.

— Что же вы уже наружу?

— Нет, поспать все-таки решил, — язвит Ярополк.

Обиженного Путимира мужчина быстро оставляет, он думает о княгине, которая вскоре после ухода любимого проснется. Она чувствует мужской знакомый запах, что так дорог. Радость быть любимой переполняет ее, но встать она не может: тело говорит ей, что пора встать, а разум просит остаться здесь. Силой она заставляет себя подняться, ведь сегодня

обряд продолжается. Тем более, что придется терпеть это еще один день.

Сегодня, как это называется, поминальная трава. Готовится большое пиршество, которое пройдет на возвышенности, на кургане, что находится вблизи княжеского терема. Он всегда покрыт летом травой, а зимой — чистейшим снегом. Крестьянские дети здесь часто играли. Здесь же будет установлен стол, скоро слуги загремят посудой, польется запах жареного мяса.

Княгиня встает, поправляет руками волосы, чтобы они не лезли в лицо. Служанка должна скоро прийти и наполнить деревянную ванну. А пока княгиня может обдумать несколько важных вопросов.

***

Смельчаки действительно нашлись на такую работу, их интересовала плата больше, чем собственная жизнь. Видно, хорошо же они живут! Все добровольцы были из обычных крестьянских семей, где ртов хватало, а еды нет. Так что вернуться героем и с деньгами гораздо приятнее, чем умереть от голода или работы.

В лес отправилось несколько юношей, но цветок нашел только один из них. К удивлению мужчины, никто не погиб, не покалечился даже, да и семьи их не особо тревожились, деревенские жители не беспокоились вовсе. Похоже, что походы в Северный лес для них не опасное, а обычное, повседневное дело. По рассказам местных он понял, что там они собирают травы, ягоды, грибы, охотятся, бортничают. Детям, конечно, запрещено ходить в лес даже в сопровождении взрослых, а нарушение правил строго наказывалось. В остальном можно было всем ходить в лес, но главное осторожно. Цветок ему принес подросток лет 12, о его появлении вешала вся деревня, а отдали цветок в окружении целой толпы.

Мальчишка очень хотел опередить своих соперников, тем более что лес он знал очень хорошо, но открыто туда не заявлялся, так что остальные считали, его себе не ровней. Почти ребенок ведь! Но для него это был шанс стать кем-то важным. Поэтому он бежал, как только мог, тем более что уже знал, где растет цветок. Сколько раз он видел его, садился напротив и рассказывал о своих несчастьях. Но с цветком придется расстаться, подросток без сожаления срезает поближе к корню. Кажется, что цветок немного склонил головку и стал сиять ярче, и он бережно заворачивает растение в ткань, а затем уже не бегом, а шагом несет в деревню. Отобрать, к счастью, никто не попытался, все честно приняли его победу. Мальчик, как пришел молча, так взяв оплату, тихо ушел — теперь он почувствовал истинную цену цветка.

Единственное, чего не понимал мужчина, так это, почему ему говорили, что только взрослые ходят в лес, а цветок ему приносит почти что ребенок.

Глядя на этот цветок, можно легко понять птицу гамаюн. Растение, казалось, с виду хрупким, но цветок не опускался в руках мужчины, он прочно держался на крепком стебле, тонкие нити, выходящие из сердцевины цветка, при покачивании источали блестящую пыльцу. Лепестки же раскрылись еще не полностью, но в скором времени они распустятся, и мы увидим всю красоту. Мужчина бережно берет цветок, укутанный тканью, разворачивает, чтобы рассмотреть тщательно. На людях он не прячет его, а сделает это после, играя из себя замороженного цветком.

— Великолепен, не правда ли?

Мужчина кивает в ответ и уходит из деревни по дороге, он поворачивает, теперь все готово. Стоит дожидаться только ночи, выбрав удобное место. Дорогу загораживает двое мужиков, явно больше счастливого обладателя цветка.

— Богатый у нас? — нагло вато интересуется один из них.

Они подходят ближе, тыкают в плечо, мужчина с удовольствием думает, что цветок сейчас хотя бы в сумке и будет не вредим.

— Чего вы хотите?

— Отдавай, что есть.

Мужчина обнажает одноручный меч, а вот у этих нет даже клинка нормального, так что они, что-то лепеча про “перепутали”, бегут в сторону деревни.

Мужчина продолжил путь из деревни, немного бросая взгляд на окружающие его деревья. Это были дубы-исполины, росшие добрую тысячу лет и достигшие в ширь такого обхвата, что и сосны, что выше дубов, казались хрупкими в сравнении с этими исполинами. Именно такие большие, корявые, старые дубы отражали его мечущуюся душу. Несмотря на старость, они все также неумолимо росли, все новые и новые сучки прорастали по всему стволу. Деревья жили и хотели жить. Мужчина повернулся в противоположную сторону и больше не глядел на дубы.

***

Тишина стояла полная, нельзя смеяться на тризне, поскольку засмеявшемуся вскоре придет весть о смерти близкого человека. Все сидели спокойно, даже дети, которых отсадили в самый конец стола, чтобы отгородить от смерти. Первым за стол посадили княгиню, после близких родственников и друзей, чем дальше к концу стола, тем более дальние родственники.

По традиции на столе стоят кутья, постные блюда, кисель. Каждый из присутствующих должен попробовать это. Княгиня полушепотом переговаривалась с тетей погибшего. Они проговорили почти 2 часа! Но разве для женщин это много? Сидящие рядом говорили громче, но никто не смеялся, хотя и развлекались, как могли. Княжна и вовсе сидела неподвижно, несмотря на ухищрения окружающих ее детей. Гости разламывали пироги, немного хмелели, но драк нигде не было. К вечеру детей отправили спать, а вот сейчас началось самое интересное.

Княгине Милане слово дали первой, как вдове. Она начала говорить размеренно, словно объясняла что-то мужу:

— Однажды князь ездил на охоту, там в лесу гуляла по лесу крестьянская девочка одна. Князь забеспокоился и решил разузнать, откуда девочка и что делает одна. Несмотря на заверения девочки, что все хорошо, а ее родители отправили лишь собирать ягоды, князь понимал, что такому маленькому ребенку здесь опасно. Но девочке нужно было собрать ягоды, так что князь самолично помог собрать ей ягоды, отвез домой и передал лично в руки родителей.

На этой части Тризны нужно было вспоминать все хорошее о покойнике, учитывая доброту князя (что ни день, то доброе дело) это было не сложно. Эта часть проходила приятнее всего: здесь никто не умирал, никто ни кричал, ни дрался, ни плакал. Был только позитив. Каждый смог вспомнить о князе что-нибудь хорошее. Кто-то вспомнил, что князь относился к нему всегда с добротой, взял к себе в дружину. Княгиня напомнила о любви князя к дочери, тетушка рассказала, каким замечательным ребенком он был. Кто-то из совета назвал его мудрым и замечательным правителем. Почти всем нашлось, что рассказать хорошее о князе. Однако остались и молчуны, одним из них был Ярополк, который знал слишком много неприглядного о князе.

Закончилась трава в конце ночи, люди разошлись немного пьяные, немного грустные,

немного веселые. Завтра же последний день Тризны.

***

Мужчина сидел посреди леса в старой, заброшенной избушке. Прямо перед ним лежало зеркало, назначение которого в ритуале не совсем ему понятно. Воск свеч капает растаявшим на блюдце, где взять свече в этой глуши уже непонятно нам. С собой что ли всегда носит? Мужчина кладет цветок на зеркало, начинает шептать что-то на древнем языке — это призыв гамаюн. Речь обрывается и вновь дает свободу вечно одинокой тишине. Но продлиться тишине суждено недолго: птица появляется почти сразу же.

Невозможно понять, как она возникла: ее появлению предшествовал туман, исчезнувший мгновенно. Это создание прекрасно не только духовно, но и внешне. Ее глаза отдавали серебром, перья радужные, покрывающие все тело, также выглядел длинный хвост, а крыльев у нее не было. Летала птица с помощью хвоста. В ее взгляде, направленном на мужчину, нет злости, только удивление.

— Зачем меня призвал, смертный?

— Я хочу узнать все возможное про аспида, — он заговорил самым прекрасным тоном, каким мог.

— Почему я должна помогать? Ты же хочешь его убить? Почему, когда человек ест оленя, никто его не хочет убить? Аспид, как и человек, имеет право жить.

— Это мудрые слова. Однако люди с ними не согласятся, ведь мы совсем не похожи на оленей, — он сделал паузу, а затем вновь продолжил: — Но аспид уже голоден, а в его логове лежат яйца. Он сильно зол.

Гамаюн призадумалась, ведь человек явно имел цель и многое разузнал уже. Поэтому, она несильно заботясь о судьбе аспида, перешла к цене:

— Что же ты можешь мне предложить? — ей, пожалуй, и голос его даже по душе.

— Знание, — невозмутимо ответил.

— Что же тебе может быть известно, что не ведаю я, мудрейшая птица, — тщеславия не была лишена, не смотря на интеллект

Все еще неизвестно зачем зеркало, однако стоило повесить ему этот предмет у себя за спиной. Мужчина понимает это слишком поздно, потому что никто об этом ему не сообщил, а сам он не догадался сразу. Он злится на себя за свою оплошность, тем не менее птица любит себя в зеркало, что привлекло ее внимание цветком, который лежал на нем. Своей когтистой лапой она захватывает крепко цветок и вставляет его в свои перья на голове. На миг она становится похожа на девушку, глядящую на свое отражение в зеркале.

— Неужели она когда-то была человеком? Но за что ее наказали? — раздумает с жалостью к птице мужчина.

— Так расскажи же, что ты знаешь.

— Вы знаете, кто станет следующим князем этих земель?

— Нет, да и не могу я предсказать будущее.

— Это буду я.

Гамаюн с самого начала понимала, что такому человеку нельзя помогать. Однако она никогда не встречала человека с таким огнем в глазах, она видела его целеустремленность и смелость. Он ей определенно нравился, поэтому она согласилась на обмен. Обычно тем, кому птица желает помочь она делает добро безвозмездно. А этот человек необычный, он тщеславен (как и она, но гамаюн этого не чувствует, конечно), однако содействовать ему хочется.

— Я расскажу все, что знаю об аспиде.

Человек торжествует.

***

Третий день тризны княгиня считает самым ужасным, бесполезным и глупым. Словно мало одной крови, людям нужна еще. Конечно, никого не убивали, не ранили. А все недовольство княгини лишь предубеждение к празднованию похорон. А самое глупое, что роль князя в этом игрище будет исполнять Ярополк, как близкий друг князя.

— Почему ты не сказал ничего за вечер?

— По-моему и без меня хватило доброты. Аж, тошно, — огрызается резко Ярополк.

Княгиня не злится, а просто не понимает неожиданно проявившуюся ненависть к умершему.

— Нам точно не стоит сейчас ничего говорить дурного об покойнике.

— Я и сам знаю. Странные интересы князя я сохраню в тайне.

— Спасибо.

— Нет. Это не столько ради твоей безопасности, ведь я и сам замешан в этой истории.

Мы знали и позволяли ему заниматься этим... колдовством.

— Это не совсем так. Но мы действительно ему потакали.

— Мы не дети, и должны были понять все сразу.

— Что сегодня будет? — перевела тему Милана.

— Это будет неожиданностью.

— Не люблю неожиданности, — свет от лучиков восходящего солнца пляшет на ее лице.

— Я тоже, — улыбается. — Всего лишь разыграем охоту, притащим даже нечто похожее на аспида. Думаю, сейчас бессмысленно рассказывать все.

Мужчина склоняется и целует княгиню на прощание. Ему еще необходимо надеть кольчугу для представления. Как будто князь погиб, как герой, сражаясь за княжество! Нужно проверить все ли участвующие в постановке собрались, напомнить, как все должно пройти.

Ярополк хочет просто сесть, закрыть лицо руками, а потом встать и понять, что все это происходит именно с ним. Хоть кто-нибудь может помочь им двоим? Он не живет, он видит себя лишь со стороны— это чужая жизнь. Но ему приходится идти.

В своих покоях он облачается в кольчугу, когда он приходит на место для постановки, там уже собралось много людей. Его коня уже вывели. Тем временем княгиня следила, чтобы все пришедшие спокойно расселись на местах. Обстановка была гораздо веселее, нежели вчера, но все еще обходились без драк. Милана садится теперь сама на свое место, во главе стола. И ей, как назло, попадает на глаза юная княжна, растерянно стоявшая среди толпы, княгиня сразу начинает злиться из-за бестолковости дочери. Девочка замечает лицо матери, выражающее гнев, но не может сдвинуться с места. От этого мучения ее спасает друг отца. Он что-то спрашивает у нее, и княгиня успокаивается. Никто не должен видеть ее такой, а тем более Ярополк.

Девочка вскоре усаживается на свое место— представление начинается. Дикость! Глупость! А не похороны!

Процессия на конях выдвинулась, впереди для красоты едет Ярополк, при этом лицо его закрывается шлемом. Кольчуги, как и шлема, тоже не было на князе, все это для того, чтобы показать, какой красивый и мужественный князь был. Словно он погиб не от лап

гигантского змея, а в бою от рук хитроумного врага.

Ярополк ведет коня неспешно, чтобы растянуть постановку. Внезапно выбегает или вылетает нечто, закутанное в шкуре, оно издает странные рычащие звуки, скачет вокруг охотников. Естественно, наш смелый князь не может не защитить народ этих земель от злобного чудовища. Он размахивает клинком, бьется с чудищем, кровожадным, после долгого, утомительного боя, когда чудище, казалось, устало, князь решается нанести последний смертельный удар. Но в звере вдруг появляются последние силы, и он рывком набрасывается на смелого князя, ранит его. Конечно, сразу же чудище со злобным, удовлетворенным смехом убегает. Конечно, сразу же друзья князя спешиваются, пытаются спасти князя. Они горюют.

На этом заканчивается то ли веселая, то ли грустная постановка. Впрочем, решать не нам — зрители выглядят довольными. Все участвовавшие в спектакле садятся за стол, перед этим сняв броню. Ярополк садится тоже, какое-то время он разговаривает с соседом. Почти все достаточно интересно проводят свое время, а еще в этот день детям можно задержаться подольше.

Но в какой-то момент один из опьяневших гостей подходит к Ярополку, незнакомец выглядит как обычный безопасный пьяница, однако в руке он сжимал нож. Ярополк это замечает, но не может уже остановить противника, тот наносит колющий удар, Ярополк успевает лишь схватить нож рукой, ведь сам совершенно безоружен. Он сжал руку слишком сильно — кровь потекла на пол, причем очень сильно. Первое, о чем подумал Ярополк, что это плохая примета. Потом он решил, что это плохо как-то проливать свою кровь на похоронах друга.

— Почему это тебя не было на охоте вместе с князем? Ты ж его друг! Почему ты его не защитил? — интересуется пьяный.

Княгиня вскакивает.

— Потому что он был со мной, — думает княгиня, но вслух отвечает. — Все огорчены смертью моего мужа, вашего князя, для кого-то отца, брата, друга. Но мы не должны поддаваться гневу и обвинять друг друга.

Ярополк тем временем легко прокручивает кисть с оружием и забирает нож себе. Встряхивает покалеченной рукой и еще больше забрызгивается кровью. Все смотрят на него, тем не менее он спокойно, никем не остановленный, выходит из-за стола.

Княгиня садит буйного гостя, кто-то первый решает продолжить разговор, а за ним следом остальные загомонили. Княгиня обещает себе, что обязательно поцелует его рану, и обнимет его крепко. Ей уже все равно на совет и Путимира.

Мужчина идет в палаты, чтобы промыть рану и перевязать. Однако, уйдя от шума и людей, останавливается. Внезапно старые дубы привлекают его внимание, это были жутковатые, с кривыми и старыми, и молодыми суками деревья. Новые ветки прорастали везде, словно боялись остаться внутри, в темноте, они тянулись к солнцу.

— Прямо, как люди, — сам себе прошептал Ярополк.

Я помню, как раньше мне часто снился один и тот же сон. В нем неизвестная мне женщина окунала меня в реку, она держала меня за левую кисть и купала, хотя скорее это можно назвать “поласкала”. Я никогда не видел этой женщины, она не особо красивая, но очень яркая сама по себе, поэтому лицо ее я запомнил. У нее рыжие, густые волосы и дикие зеленые глаза, в них словно горят ярость и боль. Мне кажется, когда-нибудь я с ней встречусь по-настоящему. Впрочем, также я мечтал увидеть однажды отца, я надеялся, что он заберет меня когда-нибудь с собой. И мы будем жить втроем дружной семьей.

И отец однажды приехал, но он не забрал меня, не сказал даже доброго слова, а говорил что-то про мою грязную кровь. Но разве я виноват в том, что моя мать не княгиня? Видно, он этого не понимает. Потом он приезжал еще один раз, тогда ему недолго оставалось. Я чувствовал на нем печать смерти, а от того, что он мне предложил мне стало дурно.

Княгиня не знает, что ей делать, как удержать власть. Еще нужно максимально оттянуть замужество, успокоить претендующих на нее князей, с местными жителями тоже не стоит расслабляться. А еще ей нужен наследник, так что замуж надо в любом случае, но так, как хочет она. А где-то еще ходит-бродит ее брат-бастард.

Как и все люди в эти темные времена, она решает обратиться к знающей. Она отправляется в ближайшую деревню, где есть ведунья. Несомненно, она бы предпочла обратиться к старой ведьме, но та недавно умерла, поэтому придется довольствоваться внучкой ведуньи. Ей тоже передался дар. Говорят, что у нее даже два ряда зубов и хвост есть. Но все слухи рождаются только у суеверных крестьян, поэтому княгиня об этом не думает.

Милана заходит в ведьмовской дом под покровом ночи, ведунья не спит: она знает, когда к ней придут. И это придает уверенности Милане в силе ведьмы, но она все еще ошибается, считая новую ведунью слабее старой. Ведь у внучки дар порядком сильнее, чем у умершей бабки. Такие ведьмы могут и не одно столетие прожить.

— Зачем, ты скрываешься, княгиня. Я знаю, кто ты, — голос у нее был сонный, тягучий, словно сейчас запоет ритуальную песню.

— Тогда ответь на мои вопросы. Прошу, — говорит впечатленная княгиня.

— Твои проблемы решатся вскоре. Придет твой спаситель, тебе больше не придется взваливать на себя все решения.

— Кто же он?

Словно не слыша, ведунья продолжила свой монолог:

— Но ты об этом пожалеешь. И ты бессильна повлиять на судьбу, — потом ведунья стала прежней. — Все?

— Глупая ведьма! — княгиня бросает злостно монеты на стол, а перед уходом хлопает дверью.

На утро женщина разочаруется в том, что ходила к ведунье. Не поймет даже, зачем? Тем не менее направляется узнавать о боеготовности дружины, толком не понимая для чего:

— Сколько мы сможем собрать людей?

— Смотря для чего?

— Для борьбы с аспидом. Он уже попробовал человеческую плоть — будет убивать еще.

— Но пока этого не произошло. Мы можем разгневать богов своим поведением.

— Я понимаю, аспид погубил только одну жизнь, жизнь моего мужа, и я готова

смириться с этим. Но мы должны быть готовы к новым зверствам. Аспид очень опасен.

Совет еще обсуждает повседневные нужды, решает, куда направить деньги, разбирается с купцами. Княгиня предлагает и свои варианты, некоторые из них выбирают. Но почти открытое недовольство совета Милана остро чувствует, они больше не хотят ей подчиняться.

Когда князь был жив, была видимость сильной руки, но теперь все поняли, кто управлял всем тогда и сейчас.

Совет расходится, и измотанная княгиня идет в покои матери, что так никто не занял. Она садится напротив сундука, который не принес ничего, кроме несчастий. Милана не знает своей матери, поскольку та умерла почти сразу после рождения дочери. А вот отец умер уже, когда ей исполнилось 15. А через пару недель родилась Лана. Как же ей не хватало порой отца!

Он знал, казалось, все на свете, его за это прозвали мудрецом. Все приходили к нему за советом день, а то и ночь. Порой, они могли не говорить по несколько дней из-за этих выпрашивателей советов, но у нее все еще был дядя. Дядя и вполнину не был так умен, как отец, правда, в габаритах раза в три больше был. Он же и в племяннице души не чаял, ведь у самого детей не было (а если и были, то он о них не знал). Так что он рассказывал ей байки, а отец дополнял реальными историями.

Но сейчас она с трудом вспомнила, что ей рассказывали дядя и отец про аспида: врагов нет; единственная слабость— нельзя садиться на землю; сам он наполовину жив, а наполовину мертв; чрезвычайно ловок и свиреп. Но как его убить она не знала, да и никто не знал. Аспиды уже давным-давно не появлялись на глазах людей.

Милана обхватывает руками плечи. Ее власть слаба, как никогда. Наследника у нее нет, только глупая дочь, а советники настроены явно против нее. Кто-нибудь из окружающих князей обязательно захочет напасть, а в войне она не сильна. Сможет ли Ярополк выиграть битву?

О состоянии боеготовности дружины она спрашивает теперь не у совета, а из первых рук, у Ярополка. Она ловит себя на том, что даже не заметила его отсутствия на совете. Находит она Ярополка в конюшне, где он за что-то активно отчитывает главного конюха. Ей не интересна причина: она здесь не для этого. Княгиня, не подходя ближе, просит мальчишку позвать Ярополка, чтобы самой не лезть в эту грязь.

Ярополк поворачивается, и их взгляды встречаются еще до того, как мальчишка успеет передать просьбу княгини. Он подходит к своей любовнице, ему не особо хочется, чтобы Милана видела его таким, но уже поздно. Он немного наклоняется в знак почтения.

— Пойдем подальше, — говорит она ему осторожно.

Настороженный Ярополк следует за женщиной, пока той, не показалось, что они ушли достаточно.

— Я хочу узнать, как можно больше о нашей дружине.

— Я уже подумал, что что-то случилось. Не стоит так меня уводить внезапно.

— Случится, если не будем осторожны.

— Около четырехсот человек. Это опытные дружинники, на каждого можем найти коня.

— Ополчение собирается быстро?

— Относительно. Если о противнике узнаем заранее, то успеем провести подготовку, — внезапно он понимает в чем дело. — Ты боишься из-за своего брата-бастарда?

***

Мужчина возвращается в свой полудом. Теперь он одет прилично и скачет на хорошем коне, а не идет пешком в простой одежде. К тому же он не один: рядом с ним молодой парень, похожий немного на девчонку, а длинные волосы это ощущение усиливают. Тем не менее он мечом владеет прекрасно, да и наездник хороший.

Их встречает большущий, высокий, широкоплечий, с огромным животом мужчина. Здоровье его уже никуда не годно, однако он весел, продолжает пить и все также имеет необычное, как говорят, увлечение.

Дело происходит во дворе, где этот огромный растрепанный мужчина улыбается, встречая их. Два путника спешиваются, причем оба не в настроении, словно только что поругались. Впрочем, так и есть.

Огромный мужчина обнимает своими ручищами за плечи бастарда, называя его “сынком”, что вызывает раздражение у всех, кроме его самого.

— Надеюсь, ты с хорошими вестями.

— Да, отец, — издевку не заметил только названный отец. — Начали ходить слухи, что он потихоньку сходит с ума, но об этом подробнее чуть позже.

— Конечно, вам следует отдохнуть.

Бастард всегда знал, что он не родной сын, даже будучи совсем малышом. А чем больше рос, тем больше убеждался в своем низком положении. О своей матери он ничего не знал, а об отце знали все, да даже сестра успела прославиться своим умом! Хотя, по правде говоря, ее в народе не очень любили.

В этом человеке зависть и гнев множились с каждым часом. К другим он относился хорошо, пока те не пытались стать для него другом. Вот этого он терпеть не мог, и он отдалялся. Не может быть у него друзей...

А теперь он, как никогда, жаждет мести за свое испоганенное детство своим приемным и родным отцами. Его приемный отец был владельцем небольшой земли и имел даже маленькую дружину, однако этого было мало, чтобы считаться князем, поэтому прозвали “княжонком”.

Но самое интересное в самом бастарде так это то, что ему все верили, благодаря природной харизме, а прекрасный голос играл не последнюю роль. Даже сыновья князя верили бастарду, хотя из-за него могли лишиться всего. Да что уже говорить про дам, он мог любую поманить за собой, и она сделает все, что он прикажет ей.

Мужчина вместе с отцом зашли в просторное помещение, похожее на сегодняшние кабинеты, что оборудуют у себя дома. Там стояло три шкафа, добротный деревянный стол с такими же крепкими стульями вокруг. Окна тоже большие, поэтому света хватало с лихвой.

— Я многое узнал за время своей поездки. И многие готовы нам помочь. Как видно, слава и величие моих отца и сестры многим не по нраву. Даже среди приближенных княгини нет согласия. Особенно после смерти князя.

— Это радует. Какая у них дружина?

— Это неважно, потому что она будет на нашей стороне.

— Неужели и воевода предал Милану? Он ведь был близким другом князя.

— Нет, все куда проще.

— Но какого размера должна быть наша дружина?

— Нам хватит и пятидесяти человек, можно даже не особо подготовленных, — самодовольно отвечал мужчина.

— Как же такое может быть? — словно ребенок распытывал княжонок.

Мужчина мысленно вернулся к своему плану, вспомнил тех людей, что повстречал. Многие из них переходили на его сторону, не испытывая любви к злобной княгине. Он же привлекал людей своими спокойствием, уверенностью и харизмой. А кто-то рассчитывал на щедрость со стороны нового князя.

***

Аспид тихо лежал рядом с яйцами, периодически он вставал, чтобы согреть их, самка выдувала жар огня прямо на яйца, их прочная кожура от этого никак не портилась, а малышам было хорошо...Пока не пришли эти люди...

Они принесли с собой трубный глас. Самый главный страх зверя, обезумевший аспид забыл о детях, он полетел в лес, движимый гневом. Ему вдруг резко захотелось есть, однако от шума, что он натворил, не разбежались только люди. Но оно и к лучшему, они еще и на конях. Дичь прямо сама шла ему в лапы. Аспид с легкостью убил одного из людей, а затем заглотил голову, однако вскоре послышался непонятный пилящий звук. Этот-то звук и привел в себя зверя. Бедный, замученный, он бросился домой, свернулся там клубочком, и люди его уже не трогали.

Но вот спустя всего лишь неделю он опять слышит эту какофонию: люди идут с этими трубами. Как и тогда, аспид, ничего не понимая, бросается наружу. В голову ударяет жар, все вокруг сливается в кашу. Зверь пронзает воздух своими мощными крыльями, он вертит головой в разные стороны, ему страшно хочется есть.

Зверь видит небольшую деревню, в которой уже поселился страх. Наверняка там уже слышали о героической смерти князя. Зверь летит напрямик к людям, он даже не знает, как здесь оказался. Змей подлетает совсем близко и хватает нечто маленькое. Этого мало— он забирает еще одну жертву, быстро все пережевывает. Хочется еще. Аспид уже хватается людей без разбору. Однако, когда он уже приготовился заглотить седьмого человека, в его глазах нечто меняется. И он улетает. Спасенный человек назовет это не иначе, как “чудо”.

Зверь размахнул крыльями, улетая на защиту детенышей. Зверь вспомнил о покинутых им детей и опасных людях. Змей стремится в пещеру, там все, как обычно, словно ничего и не произошло. И он ложится рядом с яйцами.

***

Пожалуй, власть княгини была неустойчивой всегда. Для всех она лишь слабая, но злобная истеричка, которой все досталось от отца в подарок. Это вечное ощущение, что сейчас, именно сейчас, все рухнет. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже весь совет, кроме Ярополка, на стороне бастарда. Непонятно, конечно, как его восхождение на княжение сможет резко улучшить их жизнь. Тем не менее все они ему поверили, а к каждому он сумел найти подход: кому-то пообещал денег, кому-то власть, а кому-то землю. К тому же он дико походил на умершего отца, сходство их даже пугало, сложно представить, чтобы люди, пусть и близкие родственники, были словно копиями друг друга в разных возрастах. Ну а прекрасный голос заканчивал дело. У него нет ни одной возможности уступить сестре!

— Когда же все свершится? — спрашивали его новые приспешники.

— Все готово. Нужно лишь подождать, когда аспид начнет нападать на деревни.

— Почему обязательно ждать этого?

— Необходимо, чтобы народ отчаялся и надеялся на чудо, тогда они будут готовы к моему приходу. Вашей задачей будет помешать княгине подготовиться к нападению аспида. Она должна быть абсолютно безоружна.

— Как же понять, когда вас ждать?

— Я пошлю кого-нибудь из своих людей, — спокойно разъяснял все, — хотя, думаю, вы сами услышите обо мне, — он тщеславно улыбнулся.

Подготовил он и группу людей, с которыми отправится. В нее вошел даже сын княжонка. Он такой же высокий и огромный, но он без живота, которым обязательно обзаведется с возрастом, как и отец. Несмотря на навыки детей княжонка, он выбрал его не за габариты и ловкость, а скорее из мести.

Ему было только семь лет, когда княжонок им впервые воспользовался. Мужчина до сих пор помнит эту смесь чувств, состоящую из беспомощности, отчаяния и стыда. И это будет преследовать его всю жизнь. Он даже не помнит, благодаря своей детской памяти, как все происходило, не помнит и боли в теле. Есть только эмоции, жаль, что их нельзя забыть.

В основном группа состояла именно из таких людей, которых не жаль убить даже самому. Например, этот юноша, больно похожий на девку. На него княжонок променял своих маленьких мальчиков. Пусть так лучше для всех, но бастарда жутко раздражал этот юноша, служивший напоминанием о прошлом. Странно, что княжонок отпустил свою любимицу. Есть еще один дружинник, о котором тоже хорошего сказать мало что. Детей у него нет, а жена от скуки и холодности мужа по отношению к ней умерла в прошлом году. А вот разных деревенских девок он любит, но зачем-то их часто бьет. По его словам, он даже и не знает, зачем это делает. Не будем же мы сразу обвинять человека в жесткости, если он сам не понимает, почему так ведет.

Наиболее интересным для бастарда кажется спокойный мужчина лет тридцати пяти, о нем никто ничего плохого не слышал, но и хорошего тоже. Он быстро пробился поближе к княжонку, но льстецом не был, да и особого внимания мужчине не уделялось. Его словно не существовало.

Любимцем, однако, можно сделать одного семьянина, который имеет достойную жену и подрастающих детей. У него нет любовниц, он не особо увлекается алкоголем. Но вот развлечения интересные имеет, именно поэтому он нравится княжонку — нашли они друг друга. Семьянину этому больно нравилось унижать других: то мелкого дружинника, то слугу, то деревенского. Он мог и спеть заставить того, кто не умел, а потом смеяться. Мог толкнуть, чтоб вода разлилась из ведер девушки. Странно, но пакостил он так часто.

Бастард поглядел на свое отражение в воде. А кто же он такой? Может, он еще и хуже их всех?

Он был немного выше среднего мужчины, худее и выносливее. Особой силой, мышцами или хотя бы жиром никогда не отличался. Однако обладал выразительными чертами лица: яркие зеленые глаза с длинными ресницами, тонкий нос, островатый подбородок. Волосы черные прямые, хоть и красивые, стриглись покороче. Но лучшее, чем он владел это харизма и его волшебный голос. Людям хотелось ему верить, слушать этот голос и глядеть в эти спокойные глаза.

Теперь он садится на коня, в голове проскакивает странная мысль: “Когда же он прошел путь от мальчика, которого насильовал княжонок до этого человека?” За его спиной на конях сидели люди, отобранные им самим. Мужчина видит гонца, а это означает, что все готово. Аспид опять вышел на охоту.

Они во все оружие, а главное, с медными трубами, скачут прямо к аспиду, который сильно разъярен. Однако они не бросаются к аспиду, а тихо подбираются к камню, с которого началось наше повествование. Они разбрасывают вокруг камня подготовленные

заранее хворост, ветви, выбрав те, что гореть будут лучше всего. Приходится ускориться, ведь аспид уже должен возвращаться в логово от места охоты. И действительно, вдали намечается черная точка, пока еще слишком далекая. Но часть группы уже ушла в тень леса. Другая же зачем-то достала большие клешни.

Черная точка стала расширяться, формируются очертания крыльев, лап.

Кто-то достал огниво, сделал несколько искр трутом. Костер начал медленно разгораться, но пока этого хватало.

Аспид приближается, он вот-вот пролетит над ними. Первая группа, что стоит незаметно в зарослях, достает трубы. Издаётся протяжный и страшный для аспида звук. Зверь сделает сейчас все, чтобы уничтожить тех, кто все время истязает его этим звуком. Он спускается, приближается к источнику звука. Но идет прямо в лапы к людям с клешнями. Его хватают за крылья, лапы, морду. Змей рычит, извивается. Но, нет. Его тянут прямо к костру, который разгорается все сильнее. Аспид уже заметил главную опасность— огонь, теперь он и почувствовал ее. Крылья его уже обожжены, изранены. А трубы продолжают свою мелодию, не давая возможности аспиду думать.

Аспид кричит так, что, кажется, сейчас задохнется. Его рык становится хриплым, почти детским, он, как ребенок, плачет. Его тело горит, одна голова еще возвышается над пламенем, камни осыпаются с когда-то ярких крыльев.

Что-то дрогнуло в душе мужчины: детский крик его напугал. А теперь ему хочется отрубить змею голову, лишь бы этот звук закончился. Однако он знает, что это невозможно: аспиду можно навредить только огнем.

Голова зверя дрогнула и опустилась, пламя медленно пожирает его, ласкает. Змей больше не кричал, а лишь тихо постанывал. Постепенно все успокоилось, возбуждение прошло, клешни разжались, люди отошли подальше. Наконец зверь затих насовсем, теперь нужно затушить огонь, чтобы добраться до останков.

Огонь не распространялся благодаря тому, что люди выкопали небольшое углубление вокруг костра. Им оставалось только надеяться, что скоро огонь потухнет. А, быть может, пойдет ливень, ведь сейчас стоит осень. Они убирают вокруг всю траву, сухие ветви, чтоб ненароком не подкормить огонь. Однако ожидание длится слишком долго, и тихие разговоры потихоньку замолкают. Хотя, наверное, ему кажется, и прошло всего лишь минут десять. Он закрывает глаза и опирается спиной о дерево. Почему-то смерть этого животного опустошила его.

Мужчина знает о яйцах аспида, он считает, что их следует забрать ради безопасности окружающих: кто знает, что вытворят детеныши без родителя? Но он опасается отправлять людей сделать это самим.

— Пламя потухло почти.

Сколько же он так простоял?

Люди лезут прямо в неостывший пепел, собирают драгоценные камни и чешую. Все еще горячее — легко обжечься. Но все, словно чувствуя его настроение, хотят покончить с этим побыстрее. Люди складывают все собранное в небольшие мешки, ему помочь сборам не разрешают, а просто ставят все это к его ногам.

— Мы все разделим.

Люди смотрят на него с искренним удивлением. “Неужели он имеет над ними такое влияние?” — еще больше удивился мужчина.

— Чтоб в старости ваши рассказы внукам было чем подкрепить.

— Мой дед мне и не таких историй рассказывал, — вспомнил сын княжонка.

— А ты теперь сможешь рассказывать, как погиб грозный аспид.

Бастард не солгал, и он действительно выдаст впоследствии часть из собранного, что составило приличное состояние для этих людей. Удивительно только, почему люди до сих пор не истребили аспидов? Видно, страх сильнее жадности.

Теперь они разделились: одна группа возвращается к княжонку, а другая отправляется за яйцами аспиды. Он не волнуется от том, что кто-то захочет прикарманить себе пару камушков. А даже если и так, то много не сможет забрать незаметно от других— несильно это повлияет на общую сумму. Яйца волновали его гораздо больше. Ему хотелось увидеть их, узнать, какие они.

Они уже добрались до горной местности, поэтому лошадям становится все труднее, они замедляются, но люди их подгоняют. Иногда чья-нибудь лошадь спотыкалась о бугристый камень, но люди упрямо двигались дальше.

Местность из ровной преобразилась в холмы, а затем стало попадаться все больше камней, валунов. Вдали завиднелась самая высокая гора, туда им и нужно попасть. Чем дальше они идут, тем бледнее становится трава, тем меньше цветов. В конечном счете остались одни камни.

До логова аспиды осталось совсем немного, люди двигаются уже быстрее. Лошадей пока оставили, их уже и без того долго вели за поводья рядом с собой. Люди карабкаются по скалам, к их счастью, это не такая уж и высокая гора. Но им она показалась бесконечной. Вот уже правая рука прикоснулась к обиталищу аспиды. Бастард залазит в пещеру. Яйца сразу попадаются на глаза. В какой-то момент он просто застывает, из ступора его выводит появление сообщников.

Яйца лежат там, где их оставила мать, они никогда бы не подумали, что пострадают от рук каких-то людишек. Яйца необычного нежно-красного цвета, по форме ничем не отличаются от куриных, но намного больше, их поверхность немного шершавая. Они лежат прикрытые старой соломой, а в пещере странно тепло. От жившего здесь аспиды остались только тепло и яйца.

Руки тянутся к ним, хватают и...ничего не происходит: не обрушивается пещера, как в сказках, ничего не шевелится. Впрочем, скорлупа одного из яиц стала издавать шелестящие звуки, покрылась трещинами, а потом и вовсе отрастила ноги.

Люди застыли в нерешительности: никому не хочется убивать детеныша, но оставлять в живых или брать с собой еще меньше. Тем временем скорлупа полностью раскалывается— бастард проклиная все, что здесь есть.

На них смотрит маленькое существо, покрытое чем-то липким. Огромные глаза, непропорционально большие для этого тела, маленькие лапки. Оно слегка попискивает и, словно радуется всему происходящему. Вот только радоваться здесь нечему, а особенно аспиду-младшему. Люди смотрят на детеныша со смесью отвращения и страха. Это длилось недолго: один из людей стряхнул с себя оцепенение. Он подается к змеенышу, мгновенно вытаскивает клинок и также быстро ударяет. Тело малыша раскалывается на две половины, причем такие ровные, словно перед ударом кто-то измерил детеныша.

Это нехорошо, — подумал бастард, — но, с другой стороны, как по-другому?

Яйца сложили в мешок, теперь люди отправляются домой...героями. Бастард предоставит все, что в мешках как доказательства. Он понимает, что многие предпочтут уничтожить яйца, но не он. Мужчина собирается положить их в холодный склеп, чтобы они

не вылупились. Так он сможет ими любоваться не только у себя в голове. Он сможет приходить к ним, чувствовать себя сильным: он же смог одолеть аспида! Но он так ни разу и не взглянет на них, как спрячет. Он будет надеяться лишь на то, что в будущем для них найдется место на поверхности.

А сейчас ему нужно проявить себя еще раз, забрав власть у сестры. Главное аккуратно прославить себя победой над чудищем. Их славили, как богов. Причем больше всего простые люди, особенно те, кто как-то пострадал от безумного аспида. Некоторые потеряли родственников, поэтому ненавидели еще больше. Люди тянулись к терему княжонка, чтобы отблагодарить спасителей и увидеть останки зверя.

Кругом стоит шумиха, витает возбуждение, устроился пир, а в центре выложили чешуи дракона, несколько камней. К чуду тянулись, хотели потрогать, а то и украсть. Некоторым это, конечно, удалось. Хорошо, что бастард показывал лишь самую малость из добытого и самые мелкие камни, что не отменяло их ценности, но о яйцах и вовсе речь не шла: их спрятали подальше. О их существовании мало кто и знает. О них и даже узнали лишь во время выполнения задания большинство.

Слава об подвиге распространялась быстро, люди шептались и передавали друг другу, история обрастала подробностями. Вскоре вести дойдут и до княгини Милены, и тогда она испугается по-настоящему. Она будет дрожать от ожидания.

— Милана, он не посмеет сюда заявиться. У него даже войска нет. Он ничего не сможет тебе сделать, — ласково успокаивает ее Ярополк.

— Он уже начал. Как он смог убить аспида?! Это должна была сделать я!

— Все будет хорошо. Что он сделает там, у княжонка?

— Вокруг нас наверняка предатели!

— Ты слишком напугана. Давай обсудим это завтра.

Бастард тем временем мучился тоже от ожидания. Правда, для него это было гораздо приятнее. Он разглядывал карты, раздумывал, все ли он правильно сделал. Порой ему казалось, что он что-то упустил, чего-то не учел или забыл о чем-то. Каким-то образом обоим удалось пережить эти несколько дней, последних дней отдыха.

В тот день он проснулся от кошмара, в котором аспид его все-таки убивает. Он был там весь в крови, а губы открывались в безмолвной мольбе. Было больно. Но голову ему не откусили. Бастард вскочил, прикрыл лицо руками, потер лицо. Во рту был соленый привкус крови, а по телу прокатилась волна дрожи. Еще было темно и можно было спать, но он все же встал.

В этот раз отряд уже больше порядком, однако не похоже, чтоб им можно было захватить хотя бы княжеский, охраняемый группой дружинников замок. Зато перемещаться они могут достаточно быстро и незаметно. Они разделились на три группы, которые должны встретиться у цели. Двигаются они по не людным местам, иногда через лес. На них нет полного обмундирования: только одноручные мечи. Но и те скрыты. Иногда они останавливаются, но ненадолго, чтобы поспать несколько часов и дать лошадям отдохнуть. Главное в плане — это незаметность. И они ее смогли создать.

Когда они соединились и подошли к замку, как могли близко, все было тихо и спокойно. Один из всадников, высокий мужчина, зажигает лучину. В ответ из окон появился огонек, через мгновение вновь кругом стояла темнота.

Это не похоже на обычную борьбу князей за власть: здесь нет великой битвы, смелых людей. Они даже не подвергаются особой опасности. Все, что нужно сделать — это идти

тихо и надеяться на предводителя и его дар убеждения. В последующем бастард сможет только удивляться доверчивости и вере этих людей. Приспешники его не стали особо дожидаться, но подготовились старательно. Нигде возле покоев нет стражи, всех их собрали в одном месте.

Их встречает человек с лучиной, вероятно, дружинник, просто без кольчуги. Он стоит с лучиной, а чтоб его узнали на несколько секунд прикрывает ладонью огонек, а затем убирает руку. Он шепчет бастарду, что совет его ожидает, и на этом он заканчивает свое маленькое задание. Но новый князь наверняка его запомнит!

С каждым пройденным этапом плана мужчина становится все спокойнее, он все больше верит в собственную победу. Он неспешно делит людей, останавливаясь возле нужных покоев, и отправляет туда своих людей. Он знает весь план замка наизусть, знает, где чьи покои. Несмотря на то, что к нему отправили человека, совет банально лег спать, не зная точного времени переворота. Так что, как странно, их придется разбудить. Ну а верных людей княгини наверняка уже схватили. Будут сопротивляться, он разрешил и убить. Ну а спокойным он даст возможность уйти.

Часть людей, в которой удивительным и совсем случайным образом, очутился предводитель, направляется на захват Миланы. Группа спешит, подгоняемая волнением бастарда.

Женщина вскочила сразу же, как отворилась дверь. Ей всю ночь плохо спалось из-за того, что сейчас явилось к ней вживую. Она догадывается, что среди этих людей ее брат, но не может понять, где он из-за темноты. Милана встает грациозно, не сопротивляется. Гнев она почувствовала только тогда, когда они заговорили. Он выходит вперед, и Милана различает семейные сходства и черты. Несмотря на разных матерей, брат и сестра достаточно похожи.

— Почему стражи не было?

— Потому что теперь она подвластна мне.

— Что же будет со мной?

— Пока не знаю, — солгал он, совсем не раскаиваясь.

— Ты оскорбил память отца, Самбор.

Она подумала уже, что он сейчас ее ударит, однако ошиблась, как и в том, что ее убьют.

— Заприте ее здесь и стойте на выходе, — приказал Самбор.

А сам он отправился проверять состояние совета, который уже наконец-то должен его ждать.

Помню, как я однажды сидел и играл со своим деревянным корабликом. Я вырезал для него деревянных зверей, каждого по паре. Я напускал их туда вместе на корабль и отправлял по реке, на веревочке держал корабль. Никто не утонул на моем корабле, у каждого осталось своя пара. А отец тогда застал меня за вырезанием новой фигурки, он был зол, я ведь второй сын. Он купец, а его сын вырезает фигурки из дерева. Он вырвал их у меня из рук, собрал все и сжег.

Сейчас у меня моя тогдашняя обида вызывает скорее смех, но с отцом я больше не общаюсь. Хотя он бы хотел, ведь теперь я сын, за которого не стыдно, я десница. Я жизнь свою положил за этот пост, так не обзаведясь ни близкими людьми, ни привязанностями. Стояло ли это того?

Милана сидела несколько дней в своем же покое, не зная, что происходит снаружи. Ее беспокоила судьба Ярополка, она не знала, что сделают с ней самой и ее дочерью. Все, что ей было необходимо, приносили слуги, никто из знакомых к ней не приходил, а уж тем более из новой власти. На седьмой день заключения к ней пришел Ярополк, которого события последних дней совершенно не изменили. Его странный вид изумил Милану, ожидавшую увидеть уставшего и замученного мужчину.

— Ты уезжаешь, — поняла она сразу.

— Да, навсегда.

— Ты просил взять меня с собой? — мечтала Милана.

— Милана, ты должна понимать, что мы не можем уехать вместе.

— Ты не пытался! Тебе предложил мой братец уехать отсюда, забыв обо всем, и ты сразу же согласился. Я не хочу тебя больше видеть, — она закончила уже шепотом.

— И не придется, — последовал холодный ответ. — Я хотел расстаться по-хорошему. Но ты меня никогда не любила. Прощай.

Милана не плакала из-за Ярополка, она вообще не плакала тогда. Она сильно волновалась, но не плакала. В тот же день в дверях у нее возник новый посетитель, принесший новости похуже. Только сейчас Милана заметила, какой у него прекрасный голос, а его похожесть на отца пугала. Она никогда не разговаривала с ним, не встречалась с ним близко, только знала, что он старше. Один раз она видела его, тогда они ехали проездом мимо земель княжонка. Отец говорил там с темноволосым мальчиком, сильно похожим на нее и отца. Для Миланы никогда не было секретом, что у отца был ребенок, кроме нее, и это не было для нее чем-то ужасным.

Он достаточно симпатичный, высокий и худощавый. Он смотрел на нее совершенно спокойно и уверенно, а в глазах горел огонь, какой бывает только у энергичный людей.

— Добрый день, Милана, — уже вечер, но она побоялась его исправлять. — Я к тебе с предложением.

— Каким же? — насторожилась.

— Как тебе остаться здесь и сохранить свой статус княгини.

Сказать, что Милана удивилась, значит попусту использовать слово, так ничего и не сказав.

— Ты же любишь власть, — он откровенно смеялся над ней.

— Чувствую подвох.

— И он есть, — улыбнулся он. — Я на тебе женюсь.

— Позвольте мне уехать. Я никогда не вернусь сюда.

— Нет, мне не нужна ты как угроза моей власти. А так я укреплю свой статус среди других князей. “Неужто великая Милана покорила ему?”- скажут они.

Милану затрясло, она бросается к окну, ее тут же ловит Самбор. Он сжимает ее плечо и тащит, он рывком бросает женщину посреди комнаты. Хватает за плечи, в последующем у нее останутся синяки.

— Ты будешь делать, что я скажу. И остается еще один вопрос, — Самбор отпускает ее, выпрямляется. — У тебя милая дочь, весьма сообразительная.

— Делайте с ней, что хотите.

— Вот, в этом и дело. Почему у нее на теле синяки? Я видел только руки, могу поспорить, что она вся в синяках. Почему же ты бьешь собственного ребенка?

Та обсуждаемая девочка маленькая ростом, голубоглазая блондинка, на вид лет 6, как оказалось 7. В ее глазах Самбор не увидел страха, как в материнских. Даже ее детский голос не выдавал страха:

— Теперь вы будете князем?

— Пожалуй, вы правы, — он не упоминал об их родстве, да и не нужно было.

— Вы брат великой княгини?

— Опять верно, — его поразила смелость девочки. — Но она больше не великая. А ты, может, и станешь.

— Что же с ней будет?

— С ней будет все хорошо, — ответил мужчина, но, подумав немного, добавил: — если она не станет делать глупостей.

С девочкой проблем не будет, он это прекрасно понял, ведь она по характеру совсем не походит на мать, разве что умом. Но трудностей хватает. Вопрос верности стоит сейчас остро, как не был даже при Милане. Многие стремятся угодить князю, но тому до них сейчас особого дела нет. Он расхаживает повсюду: вечно у кого-нибудь находится глупый вопрос, который без Самбора не решить. Как только Милана это выдерживала?

Совет покоя тем более не дает, и дело не в проблемах, которые они решали. А в страхе Самбора, что они предадут его, как и Милану. Особых способностей он не заметил, поэтому с облегчением избавился ото всех, кроме главы совета, выходца из низов.

Новый князь медлит все менять под себя, но решил проверить все помещения. И из-за своего же волнения приказал замуровать малейшие щели в стенах. Мало ли что. Но, осматривая хоромы и помещения, слуги обнаружили интересную комнату, которую решили показать князю. Комната не могла не заинтересовать. Она полна небольших дощечек с неизвестными символами, склянками, странными инструментами. Единственное, что ее загрязняло это пыль, однако воняло в ней ужасно невесть чем.

Самбору все показали сразу же. Он приказывает позвать Милану, думая, что только она могла все это сотворить. Приводят ее быстро, а хоть она бледная, как снег, идет нехотя, но не сопротивляется. Слуги и дружинник, что ее привел, отходят подальше, чтобы не мешать князю.

— Что это?

Женщина внимательно смотрит на это, раздумывает, чтобы сказать, а затем отвечает:

— Здесь мой муж занимался алхимией.

— Чем занимался?

— Как по мне, колдовство.

— Неужели слухи были правдивы? Никогда бы на него не подумал.

— А на меня так подумал! — злобно подумала Милана, но вслух сказала: — Пожалуй, да. Но никаких огромных тварей отсюда не сбегало. Но думаю, здесь лучше все уничтожить.

— Без тебя знаю, женщина. Можешь идти.

Милана идет под руку с дружинником быстро, нервно, что появилось в ней недавно. Словно потеряв власть, она лишилась чего-то еще, никому неизвестного.

Самбор в одиночестве заходит в комнату, рассматривает склянки, до сих пор заполненные чем-то, раскрывает одну из них. Неприятный запах ударяет в нос, и он морщится, как от боли. Мужчина, недолго размышляя, выходит, жестом подзывает слуг.

— Заприте тщательно комнату, так чтобы проникнуть было сложнее, чем сжечь.

Почему он так поступил, Самбор понимает: вдруг понадобится выставить умершего в плохом свете. Но вероятность такой необходимости столь мала, что, возможно, это подсобное помещение навсегда утеряется и никогда не откроется больше.

Но на этом неожиданности не заканчиваются. К Самбору прилетает донесение с воинственных соседях. Мысль, как решить этот конфликт приходит мгновенно, и он зовет к себе княжну. Эта в отличие от матери приходит спокойно, она стоит перед ним с чистой совестью, даже светлое одеяние подчеркивает это.

— Твои родители ни с кем не договорились насчет жениха для тебя? — он все же уточняет: не хочется иметь дело с обиженным женихом.

— Это действительно так.

— Почему же?

— Видно, не нашли выгодного для себя жениха-князя.

— Слишком правдивый язык для княжны. Тем не менее нашел я.

— У князя Рогволода замечательные отпрыски.

— Как узнала?

— От этого княжества всегда было много проблем, а сейчас и вовсе о нем только и шепчутся. Ну а свадьбы решают многое.

Самбору показалось, что в последней фразе он слышит насмешку, но он не придал этому значение.

— Значит, можно засылать туда сватов, — задумчиво, скорее сам себе говорит Самбор.

— Княжество их немного меньше вашего, однако оно богато, такой союзник нам пригодится.

Его приятно удивляет использование ее слова “вашего”, она все-таки говорит умело и с умом. Сейчас ей только 7, а что же будет через лет 10 —она и мужем будет помыкать. Нужно лишь научить ее не выставлять свой ум, и она сможет много добиться. Тем более что она обещает вырасти красивой девушкой.

— Со свадьбой попридержим, и постараюсь сделать так, чтобы до 13–14 лет ты осталась дома.

— Смирюсь с любым исходом.

Опять он слышит иронию. Сколько же злобы в ребенке взрастила собственная мать! Он отпускает девочку, отдает распоряжение слугам: теперь зовет Путимира.

Старик появляется быстрее всех, несмотря на усталость. Они долго обсуждают предстоящие планы до тех пор, пока не стемнело, и приходится зажечь лучину. Они все сидят, пока глаза не начинают слипаться. Тогда они наконец расходятся. Возможно, они

обсуждали свадьбу, возможно, соседей, а, может, вовсе войну.

Весь люд теперь спит, и маленькая княжна тоже, она лежит, погруженная в сон, однако вскоре чувствует, что что-то вылезло из-под кровати. Оно щекочет ее крохотные, детские ноги, нечто шершавое, немного влажное скользит по ее ступне. Она уже догадалась что это, но верить не хочет. Она всегда считала, что этот ночной дух — вымысел взрослых для непослушных детей. Но вот он. Бука...

Девочка накрывается с головой одеялом — ощущение пропадает. Теперь существо не может найти ребенка, однако завтра оно попытается вновь. Правда, к сожалению, для духа девочка знает еще одну его слабость. И успокоенная этим девочка засыпает. А утром она просит лучину у престарелой служанки:

— Не забирайте у меня на ночь, пожалуйста, лучину.

— Княжна, думается мне, что вы уже выросли из этого.

— Пожалуйста, — нежно, не приказывая, просит девочка.

— Ладно, — с любовью соглашается женщина, что не особо одобрила бы Милана, но она и не узнает.

Женщина пришла в услужение князьям, когда ей было 11, поэтому она помнила хрупкую добрую мать Миланы. Тогда сама она была щуплой девчонкой, теперь же она располнела и растолстела. Что же еще можно о ней важного сказать? Она действительно любит княжну, как своего родного ребенка, которого у нее никогда не было. Поэтому женщина так легко простила девочке беспочвенный, как думается взрослым, страх.

День ребенка выдался бы совершенно замечательным, если бы не неожиданный визит матери, та в такой злости на дочь еще ни разу не приходила. Видно, приобретенная свобода далась нелегко.

— Хорошо тебе живется при новом князе?

— Мне не на что жаловаться.

Милана хватает девочку рукой за подбородок, заставив смотреть вверх, но не в глаза.

— Не сойдет тебе это просто так.

— Посмотрим, — тихо отвечает девочка.

— Не будь такой самоуверенной.

Женщина резко отталкивает дочь, быстро, злясь, уходит.

***

Хотелось бы мне сказать, что история теперь постепенно распутывается, однако не все так просто, а некоторых героев не стоит сводить со счетов.

Ярополк долго ехал на коне, а из-за ужасной погоды несколько раз он останавливался у местных жителей. Тем не менее, несмотря на его осторожность, переменчивая погода насмеялась над ним: дождь застал его в дороге из-за чего он прибыл полностью мокрый, а с одежды текло ручьем. Здесь полоса невезения закончилась, случайно, но и он, и его брат оказались в одном месте.

Они не родились близнецами, но были очень похожи: те же серые глаза, русые волосы, заостренные черты лица. Воссоединение этих детей оказалось гораздо радостнее, нежели Миланы и Самбора. Они горячо обнялись, похлопав друг друга по спинам. Но все же они посмотрели друг на друга с грустью.

— Как же я тебе сочувствую, Ярополк, — сказал брат, обнимая за плечи.

— Я сюда не за сочувствием приехал!

— Конечно, не горячись. Думаю, старый князь тебе будет рад.

— Надеюсь, я его уже около трех лет не видел, — вздохнул тяжело. — Но перед этим нам нужно будет поговорить.

— Это насчет княгини Миланы?

— Не совсем.

— Тогда мне интересно, — весело ответил брат.

Они проехали еще немного, чтобы людей стало порядком меньше. Однако из-за опять начавшегося дождя поехали дальше, напрямую к дому князей. Здание это представляло собой большую деревянную избу, окруженную небольшими домиками. В отличие от князей-соседей роскошью эти не хвастались, а уж тем более не ценили. Это были настоящие, как они себя величали, войны. Склонность к простоте проявлялась во всем: от покоев до еды. Впрочем, конюшни, броня и оружие всегда были в чистоте и порядке, передовыми и исключительными. Отдавая лошадей конюху, Ярополк в это убедился своими глазами. Лошади там первоклассные, таким позавидует любой, даже не интересующийся лошадьми.

Благодаря дождю, братья смогли вдоволь насладиться уединением, они вспомнили детство, говорили о будущем и своих делах. Но к главной и опасной теме так и не подошли, пока не оказались в покоях Изяслава.

— Что же ты хотел сказать важное?

— Ты знаешь о новом князе Самборе?

— Конечно, сейчас о нем только и говорят. Бастарды уже не так часто становятся наследниками, тем более так.

— А в этом случае это даже опасно, поскольку его матерью была ведьма.

— Как? Откуда тебе это известно?

— Источник достаточно надежный, — уклонился аккуратно Ярополк.

— А точнее? — настаивал брат.

— Наш отец.

— Почему? — весь прямо осел Изяслав.

— В смысле?

— Почему только тебе доверил?

— Просто ты оставался здесь, а я уезжал. Тебе это просто ни к чему.

— Есть ли какие-нибудь доказательства? — перескакивает на другое, чтобы скрыть обиду на отца.

— Я, к сожалению, лишь примерно представляю, где может жить эта ведьма.

— Этого слишком мало. Что ты хочешь сделать, если докажешь правдивость своих сведений?

— Свергну Самбора, — уверенно отвечает сразу.

— Ради Миланы?

— Нет, — процедил с трудом Ярополк. — Между нами все кончено.

— Тогда зачем?

— Я лишь выполняю долг перед ее отцом...и своим. К тому же, Милана больше не в состоянии править после смерти мужа. Она словно сходит с ума.

— Тогда кого садить на княжение?

— Княжну Лану. Девочка сообразительная — проблем от нее будет всяк меньше, чем от Миланы.

— В любом случае тебе нужны доказательства. Попробуй разыскать ведьму, но ничего нельзя обещать.

— Потому что ведуньям не доверяют.

— Именно, хотелось бы чего-нибудь еще. Да и ведьма может не захотеть говорить. А пока ты можешь рассчитывать на наше гостеприимство, а может ты и захочешь остаться на совсем.

Изяслав понимает, что его брат зацепился за эту мысль лишь выискивая для себя новую цель в жизни. Ярополк впервые почувствовал себя не нужным. Изяслав посмотрел на брата с сочувствием, тот, казалось, сильно задумался. Ярополк действительно поглощен мыслью: он вспомнил о помещении, где умерший князь занимался алхимией или, как думала Милана, колдовством. Место, по правде говоря, похоже на работу ведьмы.

— Спасибо, нам нужно держаться вместе, Изяслав.

— Прямо как в детстве, — улыбнулся.

— Мы все время так говорили, потому что мы побочная ветвь рода князей.

— И наследство никакого не получим, — спародировал угрозу Ярополк.

Братья рассмеялись, но расслабиться у них не получилось. Да и настроение у них будет испорчено до конца дня.

***

Самбор даже сам не понял, как так получилось, что княжна Лана проводит с ним так много времени. Когда он занимается делами, особенно у себя в покоях, она зачастую сидит где-нибудь рядом. В конце дня он взял за обыкновение спрашивать ее мнение. Порой, в свои недавно исполнившиеся восемь, она говорила толковее совета и любого дружинника. Вот и опять он уперся в недостаток ума в людях вокруг.

Тем временем приходится решать вопрос с соседями: спокойным и мирным он отправляет дары, к князьям покрупнее ездит сам. Там уже он сидит, слушает их пьяные речи на пирах. Однако вопрос с ближайшими соседями, явно недовольными сменой власти, решить не удастся, хотя еще недавно с ними царила дружба. А что еще хуже так это то, что свое неудовлетворение они высказывают открыто и неистово. Они прекратили с княжеством любую торговлю, перемещаться из одного в другое княжество стало невозможно, сватов они отправили назад вместе с дарами — желают, чтобы князь Самбор приехал лично. А вот Самбор этого не желает, потому что боится западни. Однако, видно, по-другому никак.

Конечно, же поехал он не один, но, что может маленький отряд против целого войска. К тому же, шел сильный ливень, почти не переставая. Пытаться укрыться от непогоды — пустая трата времени. Завалило крыши, кругом огромные лужи, земля больше не может впитывать влагу. Тем не менее ни разу не ударила ни одна молния, что хорошо сказывалось на лошадях. Пожалуй, к концу пути они выглядели еще хуже, нежели Ярополк. На пути, к их счастью, больше ничего не помешало, и в княжество воинов они прибыли через два дня после выезда. Их пропустили через ворота сразу, как только заметили, не задав ни одного вопроса. В городе их встретил отряд из пяти человек, который сопровождал к князю-воину.

Князь-воин, правда, уже очень постарел, называют его так только по привычке. Стоит отметить, что ум его не поблек с возрастом.

Самбор, однако не знает, что совсем недавно здесь состоялся разговор с Ярополком на сходную тему, но идущий в другом направлении.

Князь был рад встречи с Ярополком, и первое время разговор был о самых простых, обыденных событиях. Правда, вскоре они ступили на зыбкую почву.

— Чем ты собираешься заниматься? — спросил князь Рогволод.

— Пока не совсем уверен, тем более что есть пара не завершенных дел.

— А что из себя представляет этот Самбор?

Ярополк медлит: он не знает, стоит ли открыться или лучше промолчать. В итоге, он сказал то, что у всех было в головах, но никто не осмелился произнести.

— Как по мне, настоящий трус! Захватывать власть ночью, пробираться через заросли — низко. А уж тем более столь неправильно поступать так с княгиней Миланой. Свадьбу он с ней сыграет — боится, что власть потеряет! Совет против нее настроил заранее!

Внезапная вспыльчивая речь Ярополка не могла не растрогать князя. В конечном счете именно он видел детство Ярополка, можно сказать и юность, но в это время он все больше жил у соседей, появляясь здесь заездами, все более редкими со временем. Но князь Рогволод проявил искреннее сочувствие и прекрасно понимал своего воспитанника. Можно только догадываться, что же будет делать этот безземельный молодой человек?

— Брат имеет право на сестру, и так делали наши предки. Но сейчас так мало кто поступает, — наконец последовал ответ князя. — Но я согласен, что он трус. Однако же я не хочу с ним войны: мы недостаточно восстановились после предыдущей. Да и нам засылали сватов.

— И что же вы сделали?

— Я отправил их назад, потому что я хочу, чтобы он сам сюда приехал. Впрочем, было бы неплохо, если бы наши дети сыграли свадьбу. Тогда бы вновь настал для нас мир с соседями.

Сердце Ярополка отбивало удары отчаяния, однако терять надежду он не спешит. Рано или поздно он сможет найти доказательства. Теперь его решимость только окрепла, он нашел свою цель. На следующий день, когда получили известие о том, что Самбор уже в пути, Ярополк не расстроился. Да и скрываться от Самбора не собирается, поэтому, когда князь приедет, столкновение неизбежно.

Самбор же сейчас не знает с чего начинать разговор с Рогволодом, хоть и долго об этом думал. Поэтому вздыхает с облегчением, когда Рогволод начинает первым говорить. Враждебности Самбор не чувствует, так что рассчитывает на успех.

— Я знаю, что вас привело князь Самбор. Пока мы не придем к согласию, вы будет нашим желанным гостем.

В конечном счете оба вздохнули с облегчением, увидев миролюбие друг друга. Политика в это время требует от них мира, особенно от Рогволода: его дружинники измотаны предыдущей военной кампанией. Поэтому даже воинственные сыновья спокойно и понимающе отнеслись к решению князя, а его сын Часлав согласился на свадьбу старшего сына с княжной Ланой.

Единственное в чем никто не мог сойтись — это где же будут жить дети, тем более что они не достигли возраста зрелости. Никому не хочется, чтобы сосед, почуяв что-нибудь неладное, тут же убил ребенка или начал угрожать его жизнью. Словно долго сдерживаясь и выискивая к чему придраться, они неистово кричат друг на друга, совсем забыв про изначальное спокойствие. Дело чуть не дошло до мечей, если бы не вмешался Рогволод, который напомнил Самбору, что тот гость, а Чаславу, что тот его гость. Тем не менее споры продолжились, пусть и не столь жарко. Они даже перестали оскорблять друг друга, пусть и под надзором взрослого. На самом деле они даже немного сдружились, поэтому в прискотре реальной необходимости не было.

Вскоре решение, которое удовлетворяет обоим, нашлось: они собираются провести лишь часть свадебных ритуалов и пир, при этом детей оставляют у себя во владениях.

Предложение “поменяться детьми” отменили сразу. Так что с каждым годом дети будут проводить больше времени вместе, а союз между князьями будет крепчать все больше.

— Неужели вы смогли договориться с ним? — недоумевал Ярополк.

— Договориться можно с любым человеком, — отвечал Рогволод со спокойствием, свойственным старикам.

— Он вам даже понравился.

— С чего ты взял? Чаславу, может быть, но я предпочитаю не делить людей на тех, кто мне нравится и не нравится.

Ярополка это, конечно, не удовлетворяло. Ему хочется лично, хотя бы увидеть Самбора, а напрашиваться на встречу не позволяет гордость. Даже странно, что за это время они ни разу не встретились, словно боги их остерегали от конфликта.

Тем не менее, пожалуй, это был день отъезда Самбора, они вышли примерно в одно время во двор. Сразу они занялись своими делами порознь, где-то в разных сторонах. Но они оба свернули в одном месте так, что столкнулись лицом к лицу в прямом смысле этого выражения. Самбор улыбнулся, довольно заискрились его глаза, Ярополк же стоял хмуро и озлобленно.

— Как поживаете теперь на свободе?

— Очень хорошо, очень даже хорошо, а тем более спокойно.

— И без Миланы?

Ярополк напрягся: неужели знает и Самбор?

— Без княгини Миланы немного скучно, как и любому лишившемуся дела.

— Может, на меня поработаешь?

Для Ярополка это было ужасное унижение, он смог сдержаться, только думая о сделке Рогволода с Самбором. Ему не особо хотелось терять расположение старого князя, поругавшись с трусом.

— Нет, — спокойно ответил он. — Сейчас я хочу попутешествовать.

— Далеко же ты ушел, — продолжил Самбор измываться, однако в конце передумал. — Что ж, счастливо оставаться.

Он уехал тем же утром к облегчению Ярополка. Но оба думают, что встретятся еще раз непременно, и если Ярополк добьется успеха в поиске доказательств, то так обязательно случится. У князя Рогволода он пробыл еще две недели, потом отправился в путешествие, обещая бывать почаще. С братом он прощался отдельно, заодно получил наставление о том, как важно себя беречь.

— Я надеюсь, что в следующий раз мы встретимся не через много лет.

— Я еще о себе заявлю! — передал манеру говорить Часлава Ярополк.

— Подумай хорошо о своем ближайшем будущем, о том, чем ты действительно хочешь заниматься.

— Вот только не надо меня учить. От князя Рогволода уже наслушался.

— Тогда все, — Изяслав улыбается на прощание. — До скорого.

Ярополк находит своего отдохнувшего коня, седлает его и скачет в не совсем понятном направлении. Его окружает вскоре лес, немного замедливший спутника.

В это время Самбор уже прибыл в свое княжество, довольный своими достижениями. Правда, скоро придется ехать назад уже с княжной для проведения ритуалов.

Но если бы не одно происшествие с княжной, то не пришлось бы Самбору поволноваться.

Девочка справилась с тем существом, что приходило к ней ночью, но нечисть словно полюбила девочку. В этот день дети вместе со взрослыми (ведь княжна среди детей) отправились в лес для веселой прогулки. Весело, правда, княжне не было: она много раздумывала о предстоящей поездке. Ее пугала неизвестность, она боялась подвести княжество, а еще больше опозорить мать. Девочка была столь задумчива, что и перестала замечать, где остальные, а с другими детьми ей не хотелось играть, так что она так и бродила вдали. А потом стало совсем тихо, тогда княжна и увидела, что заплутала. Никто даже не понял, как так получилось.

Девочка вспомнила о речке, текущей рядом через лес, и решила попытаться найти ее, тогда она сможет легко выйти к дому. Ее словно вел кто-то — она вышла к речке за минут двадцать. А там она увидела шишигу. Это существо похоже на сгорбленную старуху с длинными всколоченными волосами, совершенно уродливая, но девочка не испугалась, а наоборот устремилась к существу. Только сейчас девочка заметила, как темно стало вокруг, но она и не думала уходить от воды. Шишига зашевелилась, встrepенулась. А потом бросилась на ребенка и потянула в речку.

Княжна даже не сопротивлялась, хоть страха она не чувствовала и все понимала. Девочка уже почувствовала воду вокруг, воздуха вскоре стало не хватать, только теперь девочка попыталась вырваться из нечеловеческих лап, но было поздно. Поздно пытаться что-то сделать девочке, но мог помочь кто-то другой.

Девушка появилась из ни откуда, надет на ней был рваный сарафан, волосы распущены и не причесаны, длинные и русые, большие серые глаза, цветом почти как река, сама бледная. Девушка зашла в воду, отыскала ребенка и взяла на руки. Шишиги уже и не видать, так что русалка несет девочку на песок, смутно девочка разглядывает красивое лицо незнакомки. Девушка ласково гладила девочку, лежащую на коленях. В какой-то момент девочке показалось, что девушка запела.

Дышать стало намного легче и девочка стала замечать, что начинает рассветать, а потом она услышала голоса взрослых. Девушка вздрогнула, опустила голову княжны на песок и ушла. Не осталось ни следа: все скрыла. Несколько позже, через пару лет, княжна поймет, что эта была русалка. А эти существа, несмотря на враждебность к людям, часто спасают детей. Но сейчас девочка даже не уверена, что все произошедшее не сон.

Взрослые уже подобрались к девочке, приходившей в себя. Кто-то большой и высокий взял ее на руки и нес до самого дома. Сейчас ей действительно лучше притворяться беспомощной и больной. К тому же, как приятно ощущать безопасность и заботу со стороны взрослых. Она даже не поняла, как оказалась дома, а потом у себя в кровати. Наверное, приятно остановиться на этих мгновениях, но появляется княгиня, настроенная не на заботу о дочери, и все портит.

— Вставай! Ты давно не спишь!

Княгиня и сама не знала, почему не то, что любви не испытывает к своему ребенку, но и вовсе ненавидит дочь. Женщину раздражало, как мертвый князь до ужаса любил дочь, как он с ней возился. Все считал, что девочка хорошенькая, слуги вечно что-нибудь дарили княжне. А ребенок, как казалось матери, рос высокомерным, избалованным, распущенным. А внешность вовсе неприятная: эти водянистые голубые глазки, сжатые губки, растрепанные жидкие волосы. Но, когда и Ярополк оказался среди этих людей, княгиня не смогла выдержать. “Неужели он думает, что это его ребенок”, - недоумевала княгиня. А вот князь не

сомневался, что ребенок от него.

Девочка присела на кровати, чтобы мать не вытащила ее насильно. Но княгиня уже все равно намерилась сделать больно. Она хватает девочку за волосы и тянет к себе, никогда еще здесь не чувствовалось столько гнева и отчаяния. Всю свою обиду на родителей Милана выплеснула дочь, за то, что мать бросила ее, за то, что отец был равнодушен к ней. Она мстила его внучке. Милана помнила, как отец, заноса руку на удар, приговаривал: “Может, вырастет из тебя что толковое!”. Он вырастил Милану на своих выносливости, жестокости и равнодушии. Только от дяди она увидела любовь. А теперь ей ничего не досталось, даже жалости.

— Почему мне никто никогда не помогает? — думает княжна, пока мать решает, чтобы такое сделать.

Княжна и не поняла ничего, пока не обрушился тяжелый удар. Дыхание перехватило, глаза от боли налились мокрым, а живот горит огнем. Падает что-то железное, послышались уходящие шаги. Она осталась одна, совсем одна, нет, были еще слезы. Лана лежала долго, очень долго, свернувшись клубочком. Пока ее не позвали, настойчиво позвали к Самбору. Что он хотел от нее, она не знала и не хотела знать. Слишком больно, чтобы встать, казалось, она больше не сможет никогда встать. Но пришлось. Сразу несмело зашагала, а потом смогла.

Перед Самбором она появилась почти не потрепанная, даже волосы постаралась поправить. А он сразу начал давить на больное:

— Твоя мама тебя бьет?

— Мама меня любит, — первое слово ей далось с трудом: слишком редко его произносила.

— Не уверен, но не важно. Теперь она не сможет к тебе прийти без моего разрешения.

Он сказал это с такой легкостью, что Лану впечатлил больше тон фразы, чем ее смысл. Девочка даже не сразу поняла, что он сказал. В будущем она будет часто вспоминать Самбора в это мгновение: его спокойное выражение, уверенный голос.

— Надеюсь, твое состояние позволит ехать в ближайшее время.

— Конечно, я не против того, чтобы ехать завтра, как и договаривались.

— Я же сказал, что Милана к тебе больше не прикоснется. Не надо от нее прятаться.

— Спасибо, — она опустила голову. Ей стало так стыдно перед матерью и этим мужчиной напротив.

Только сейчас она задумалась о том, что поведение матери по отношению к ней может быть неправильным. Ребенок верил, верил искренне, что он ужасный ребенок, что ему лучше было бы не родиться.

— Мне кажется лучше не заставляя наших соседей ждать.

— Что ж, тогда ничего не меняем. Как думаешь, для чего нам нужна эта свадьба?

— Намного приятнее иметь рядом с собой союзника, нежели врага, готового напасть в любую минуту.

— Кратко и понятно, — Самбор тяжело вздыхает. — Можешь идти. И будь готова к отъезду.

Он проводил девочку взглядом, а сердце сжалось от нахлынувших воспоминаний. Самбор прекрасно понимал, что чувствует Лана, ведь он в детстве испытал даже ужаснее испытания. Забытые чувства заставили ускориться сердце, и Самбор тяжело осел на стуле.

Вставать пришлось рано: едва появились первые лучи солнца, воздух свеж, а на траве

лежат капли росы. Кони уже готовы к отъезду, вещи уложены. Пора седлать лошадей. Ехать приятно, а впереди у них обоих лежат интересные дела и свершения.

По мнению отца я был слишком худощавый, поэтому я стал всего лишь энным сыном. В семье нас действительно было много, но разве это плохо? Плохо только для вечно голодных детей, которых отец не мог обеспечить. А точнее он не хотел кормить слабых. А я был слабым, но в итоге я стал единственным.

Огонь забрал все незаметно, он забрал у меня все и оставил след на моем теле. Я выжил благодаря чистой случайности. Все случилось ночью, когда все спали. Я же проснулся, быть может, кто-то тоже проснулся, но для него было слишком поздно. Я вскочил и побежал из сарая, в котором спал. Это и стало для меня спасением: огонь только начал перебираться с дома. Однако, когда я был у входа, сверху упала балка, вся в огне. Но...пламя разошлось передо мной, словно море, и я выжил. Шрам я получил уже, когда попытался залезть в дом за своей сестрой, но меня остановили, к счастью. Все равно все были уже мертвы.

Да, мне пришлось туго, но мне повезло из-за того, что князь сжалился над маленьким мальчиком и взял в прислугу. Затем забыл, но обо мне вспомнил новый князь.

Когда-то давно здесь жили волоты, которые своими огромными ступнями проделали в земле глубокие ямы. Спустя время исполины исчезли почти все, но ямы остались и наполнились водой. Так появилась череда озер в княжестве, а также многие холмы-могилы волотов.

Княжна стоит в одном из таких мест в светлых одеждах и с кокошником на голове. Рядом с ней стоит жених старше ее лишь на дв года. Мальчик тоже в светлой одежде. Их уже окропили, они обмениваются теперь кольцами, символизирующее солнце-невесту, месяц — жениха, обязательно на безымянный палец, ведь от него тянется “нить сердцу”. Свадьба это не подходила на традиционную: не было здесь ни походов, ни сватов, ни покупки невесты, ни веселой процессии с песнями. Чем-то даже напомнило княжне похороны отца, впрочем, и то, что было княжна почти не запомнила. Песни ей казались чужими, иноземными, люди — странно веселыми.

Очнулась она уже на пиру увидев курник, пирог из курицы. Необычная жалость проснулась к курице, птице глупой, но беззащитной. Жених выглядел не менее растерянным, что немного успокоило девочку. На столе была баранья лопатка-особый шик в те времена.

К счастью, для детей после пира мучения закончились, они даже повеселели от плясок и песен. К тому же, гостей было много, и все понимали, что представляет собой этот брак. Больше всего Лане запомнилась музыка, а особенно музыкальные инструменты: гусли, бубен, дрова, трещотка. Эта музыка станет одним из тех немногочисленных воспоминаний приятных воспоминаний для растущей девочки, тем более что она в это невинном возрасте поняла, как устроена ее жизнь.

Самбор смог расположить к себе старого князя и его сыновей. Пожалуй, эта харизма не раз помогла и еще не раз поможет Самбору, владение своим бархатным голосом, статная фигура служили прекрасно своему хозяину. Мужчина не мог не заметить, как дети друг другу не нравятся. А вот Рогволоду девочка пришлась по душе, и он часто подзывал Лану к себе, рассказывал увлекательные истории, беседовал о событиях дня. Княжна сразу робкая, все больше отдалялась от событий к рассуждениям, что немного пугало и Самбора, и Рогволода. Как-то старый князь даже скажет Самбору:

— Очень умная девочка, наверное, в мать такая. Тяжело ей будет.

Самбор и сам это знал, однако почему-то напротив поощрял любовь княжны слушать истории и долго рассуждать. Даже в седле она держалась прекрасно, а к стрельбе, не женскому занятию, проснулся не иссекаемый интерес. Стрельба плавно перерастала в настоящую страсть, а за недолгое обучение девочка стала стрелять наравне с мальчишками. Другие девочки и их занятия не интересны княжне, в свою очередь девочки относились к ней надменно, с насмешкой, удивляясь необычным увлечениям. Пусть княжну и нельзя назвать беспашанной, неуправляемой, а со взрослыми она ведет себя спокойно и послушно, однако девочка явно отличается.

Лана отпустила тетиву, стрела устремилась к нужной цели — белка упала.

— Ничего себе, — воскликнул сын Часлава. — А в глаз сможешь?

— Наверное, нет, — смутилась княжна.

— Мой дядя такое показывал мне, но я очень плохо стреляю.

Впечатленный стрельбой, мальчик неожиданно свыкся с их судьбой: быть вместе. Уже и злость на девочку прошла.

— Давай еще! Последними мы точно не будем!

Еще недавно дети разделились на пары, чтобы выяснить, кто лучше стреляет. Оказавшись в команде с девчонкой, мальчик уже приготовился к позору, тем более что стрелял он и сам не очень.

Девочка опять попала в очередную белку точно в голову.

— Сколько?

— Шесть.

— Не победим, но последними точно не будем. Ты ведь этого боялся?

Мальчик смущенно покачал головой, на что княжна улыбнулась довольно понимающе. Наверняка со временем княжне будет везти больше, а результат ее улучшится, но пока она довольствуется четвертым местом.

Хотя дела Самбора в отличие от княжны, оставшейся со своим женихом под давлением Рогволода, шли не очень. А особенно напряженно дела обстояли с Путимиром, который сильно противился свадьбе Самбора. Десница так долго разглагольствовал об этом браке, что сам князь уже задумался, правильно ли он поступает. А может это всего лишь желание отомстить отцу и поставить на место Милану? Мысли опять вернулись к княжне, которую он сильно боялся оставить там, несмотря на брак. Он не знал, чего можно ожидать от Рогволода, хоть тот, казалось, относился благосклонно к княжне. Самбора пугала вероятность того, что те захотят развязывать войну, а княжну просто убьют за ненужность.

Его страхи хоть и имели место быть и должны быть, но они не имели под собой устойчивой почвы: никто не готов сейчас к войне, даже быстрой.

Княжна забывала свои страхи в неродных краях, обзаводилась новыми друзьями. А Милана наоборот сходила с ума, почти запертая (выходить из замка ей было строго запрещено) одинокая. Она начинала ходить вдруг ни с того ни с сего по комнате по кругу, она заламывала похуевшие пальцы, кисти. Сама бледнела с каждым прожитым днем, губы потрескались, иссохли, во сне, если удавалось заснуть, кричала бессмысленные мольбы. Княгиня постепенно умирала в коконе, созданном ей самой.

Но жить нужно было. Так, сразу под уговорами слуг, а потом уже и сама, она вновь начала есть. Потом в небольшом сопровождении подруг и слуг стала понемногу гулять. Самбора она почти не видела, а дочь тем более, хотя она и не испытывала потребности в их

обществе. К ней стали заходить старые друзья (с разрешения Самбора, конечно), постепенно она восстановилась и уже точно смирилась.

Наверное...

Впрочем, свадьба ожидалась скоро, уже было известно о ней почти все и всем, начиная от блюд и заканчивая рассадкой гостей. А все хоромы и покои сияли чистотой, о которых забыли давным давно, так что сейчас все постоянные обитатели сутились там и сям.

Гости стали съезжаться заранее, некоторые вовсе приехали за неделю, они все пребывали в веселом настроении, что раздражало Милану и Самбора (хоть в чем-то сошлись). Все эти приезжие носились по хоромам, по лесу, по двору, кто-то на охоте, кто-то только и делал, что ел и пил. Они потребляли столько алкоголя и еды, что стало дурно даже беспробудно пьющим конюхам. Видно, отрывались гости за все время и на всю жизнь. Самбор и вовсе стал мрачным, еле выдавливая из себя улыбку гостям и мысленно подсчитывая траты. За дня три приехала княжна вместе с семейством Рогволода (конечно, неполное: слишком оно большое и раскиданное по свету).

Княжне же эта неразбериха нравилась, нравился и шум, создаваемый гостями, переполох на кухне среди слуг. Но больше всего она хотела увидеть Самбора, хоть и понимала, что сейчас он слишком занят. Тем не менее Самбор сам изъявил желание поговорить, он даже взял ее с собой, чтобы вместе обходить важных гостей. Она все время просто слушала, по правде говоря, и только, если ее о чем-то спрашивали, отвечала. Естественно, это были глупости, которые обычно спрашивают у детей: сколько тебе лет, а любишь праздники и т. д.

Самбор же спрашивал девочку о гостях. Его интересовало, насколько хорошо она запомнила их внешность, разговор, что она может сказать об этих людях. Если ее ответ правильным или совпадал с мнением князя, он покачивал головой в знак согласия, что княжне очень нравилось.

Солнце садилось, меняло свое одеяние с желтого на нежно-розовое, небо было прекрасным, без единого облачка, изъяна, оно словно состояло из бесчисленного множества осколков других небес, разных цветов. Ветра не было, дождь идти не собирался, но и жара не стояла: погода прекрасна. Но Милану и это раздражало, ей казалось, что весь мир против нее: мог бы хоть дождь разразиться на свадьбе. Небо же дождя не обещало: ни единого облачка, а тем более тучки.

Свадьба должна состояться завтра, и княгиня не могла уснуть. Она тряслась, рыдала, стонала. В итоге так и не уснула, даже несмотря на усталость. Самбор напротив абсолютно спокоен и делал все, как обычно. Ну а гости тем более спокойны, ожидая веселья.

В конечном счете Милана встает еще до зари и будит прислужницу, заставляет ее подготовить воду. Сейчас княгиня не только следует традиции, но и она просто любит мыться, чувствуя себя намного лучше после этих процедур. Накануне она ходила, как и полагается перед свадьбой, в баню, но и сейчас ей захотелось смыть с себя грязь ночи.

Девушка принесла воду в ведре и вылила в таз, вода была едва теплой, но зато бодрящей. Теперь же Милана с мокрыми волосами замерзла окончательно. Время у нее еще было, поэтому она не спешила, отправив служанку вместе с водой, она вновь легла в постель и уставилась в потолок. Правда, вскоре ее подняли. Хотя на самом деле ей показалось это “вскоре”—она пролежала два часа. Всеми приготовлениями занимался вставший рано Самбор. Традиции и обычаи его не особо волновали, когда он собирал глумотворцев, органиков и гусяров — лишь бы гости были довольны. Но по обычаю на княжеских

свадьбах должны быть трубы зурны, и этим Самбор не пренебрег. Хотя и главное, как считал Самбор, накормить и помянуть гостей, к нарядам отнеслись ответственно. Милана была одета в расшитый золотыми и серебряными нитями сарафан, в косу вплетены разноцветные ленты, а на голове кокошник с жемчугом, на талии завязан пояс. Самбор одет же в брюки из сукна, рубаху с вышивкой и дорогой пояс.

Когда совсем рассвело, оба вышли из покоев. Никто не ел, готовясь к пиру, все сидели в ожидании великого события. Тогда была прекрасная погода, поэтому кольцами решили обменяться на свежем воздухе. Толпа, желая посмотреть на пятиминутное дело, повалила наружу. Милана и Самбор стояли в центре посреди всего этого напротив друг друга. Самбор выглядел равнодушным, Милана же бледная, уставшая. Ее красивое лицо, словно опустошилось, отреклось от проявлений чувств. Она подняла глаза на спокойного Самбора и покорно надела кольцо в ответ на его безымянный палец.

Мужчина взял ее под локоть и повел в сторону столов: теперь должен начаться пир. Жених и невеста восседали в центре стола, рядом остальные гости рассаживались по статусу, ближе всего к новобрачными оказались новоиспеченные союзники Самбора. Был здесь и княжонок, но его Самбор посадил подальше, не желая портить себе настроение таким. Детей посадили за небольшим отдельным столом, где оказалась княжна, занятая разговором со своим мужем. На столе обязательно должен быть пирог с курицей, курник, его, правда, должна невеста испечь, но не княжеское это дело. Тем не менее стол выдерживал на себе и баранину, и свинину, и курятину, и большое количество пирогов, и, конечно, медовуху.

— Не уж-то и драки не будет?

— А ты хочешь? — покосился на Милану Самбор. — Скоро напьются, и будет не только драка.

— Скучно здесь, — продолжила надменно Милана.

— Поэтому нужна драка, — Самбор уже чуть не засмеялся от попыток Миланы разозлить его.

— Да и шут, и песняр здесь не очень.

— Что же еще здесь плохо? — засмеялся Самбор.

Милана побледнела и замолчала: гордость ее была уязвлена. Драка действительно случится чуть позже, но не она нужна была разбитому сердцу. Гостям, например, все понравилось из того, что раздражало княгиню. С Самбором она не заговорит этим днем, а будет только отвечать гостям, иногда заводить с кем-нибудь беседу. Самбор уйдет от нее в противоположную сторону, но вести себя будет также, как и она. Однако сегодня Милане будет суждено испытать не только обиду, но и суеверный страх. Близость леса сыграла злую шутку, а большое количество приезжих этому способствовало: они прятали эту опасность.

Со стороны леса приближалось нечто серое лохматое. Внезапно послышалось: “Волкодав”, “Оборотень”. Самбор еще не заметил это, но кто-то из слуг, неизвестный подросток, подбежал к князю и поведал о звере. Мужчина сразу приказал отправить к нему дружинников, те, к счастью, были близко, но не в самом трезвом виде. Хотя скоро они быстро отрезвеют при виде существа.

Как и приказал князь, они вооружились веревками, подошли, как можно ближе к зверю. Это был громадный серебристый волк, пена текла из его пасти непрерывным потоком, глаза горели, словно солнце — такие же ярко желтые. Существо было очень сильно взбешено, но дезориентировано. Они накинули одну веревку с петлей, потом другую, потом еще одну, а

дальше они слились для волка в одну большую бесконечность. За концы веревок взялись несколько мужчин и потянули со всей силы. Волкодав яростно пытался раскусить веревки, но его тянули слишком сильно, вкладывая свой страх.

Гости, успокоенные уверенностью Самбора и его заверениями о безопасности, стали с любопытством наблюдать за сценой. Волка оттащили подальше от гостей, в ближайшие заросли, которые показались дружинниками такими далекими. Вскоре гостей отвлек воевода, начав рассказывать о битвах, в которых ему довелось участвовать (он оказался хорошим сказителем), и гости отвлеклись. Княжна же смотрела внимательно: больно жалко ей было этого волка.

Зверя затащили, его крики становились все слабее, а потом вовсе стихли. “Убили”, - поняла девочка. Самбор вглядывался вдаль, но все плыло, он мог разглядеть лишь ближайших гостей, а дружинники и вовсе казались ему темными точками на большом зеленом. Тем не менее по звукам он понял, что все кончено. Вскоре к нему подошел дружинник, сказав, что все сделано по приказу, однако есть кое-что необычное. Волк превратился после смерти в девушку. Самбор не хотел идти и смотреть, но заставил себя.

Он узнал эту девушку, это была одна из служанок Миланы. Но странно, что ее способности выявились спустя 5 лет службы, да и не полнолуние было.

— Закопайте и дело с концом.

Самбор почувствовал страх, но быстро смог подавить его. Через некоторое время, когда на небе появились первые признаки приближения темноты, в сопровождении свата и свахи, а также дружка и самых почетных гостей (конечно, самых богатых) Милана и Самбор отправились в опочивальню. На лавках в знак достатка стояли горшки с медом, везде чистота.

Женщина уже почувствовала, как к глазам прилипли слезы, но нельзя же плакать при гостях. А ведь еще пришлось ей стать на колени перед Самбором и снять с него сразу правый сапог, потом левый в знак покорности. Теперь гости должны уйти, и остались только дружок и сваха, они уже даже подготовили зерно, которым должны посыпать молодых и ложе.

— Хватит, — сказал Самбор. — Приберегите зерно для полей. Можете идти.

Оба удалились, не удивившись желанию князя. И Милана была благодарна Самбору за эту мелочь, которую он сделал для себя.

— Плакать будем? — произдевался князь.

И она заплакала, тихо словно ребенок, обидевшейся на родителя. Самбор внимательно смотрел на эту красивую женщину и спрашивал себя: “А зачем? Отомстить отцу? Сестре?”

Он поднялся и, склонившись над женщиной, прошептал:

— Не сейчас, так потом. Не по своей воле, так возьму силой.

Самбор ушел к себе никем незамеченный, поскольку пир в горнице еще продолжался.

Милана понимала, что князь ее и пальцем не тронет, если она не перешагнет определенные границы. Но если это произойдет, это будет последнее в ее жизни. Поэтому она боялась Самбора больше, чем кого-либо. Она не знала, где заканчиваются эти границы и что может вывести из себя хладнокровного князя. Даже его сегодняшнее спокойное поведение немало удивило Милану.

Но ей все же необходимо родить наследника князю, и тогда он точно сошлет ее от себя. Только в этом случае. А если родится девочка, то ее мучения еще больше растянутся. Такие мысли роились в ее голове.

Она слышала, как продолжается пир, но мысли ее возвращались к Самбору, даже к их

будущему ребенку. Будет ли она также ненавидеть, как Лану, или же сможет его полюбить? Как поступит с ней Самбор? Сможет ли она когда-нибудь свыкнуться со своей ролью и поладить с Самбором? Возможно, он даже даст ей капельку власти.

Солнце встало, окрасив темное небо светлыми полосами, поднялся ветер, и деревья зашевелились в такт. Уже можно было заметить, что небо мрачное, покрывающееся стайками туч. Столь желанными для Миланы туч. Начало дождя не заставило себя ждать. Самбор это заметил, но все равно уехал утром. Сгорело три дома из-за засушливых дней — нужно организовать их восстановление.

Резкие перемены серьезно взволновали людей: могли пропасть посевы. Деревня, в которую ехал Самбор, была не единственная тронутая пожаром, что заставляло задуматься о будущем. Деревня оказалось достаточно большой, так что дома отстроятся быстрее. С материалом вопросов точно не возникнет, с главой деревни Самбор уже обсудил все, люди успели убрать место пожара, поэтому поводов для беспокойства не возникало.

Самбор уехал почти сразу, спеша на второй день свадьбы. Но несмотря на все его старания, он не успел к началу веселья. К тому же начался ливень, и вся троица промокла. А ехали они втроем: зодчий, Самбор и новый казначей. Молодой человек показался Самбору необычной, удивительной личностью. Внешность же его была совершенно заурядная для этих мест: светлые волосы, серые глаза, белая кожа, высокий. Правда, успел обзавестись шрамом на шее от пожара, случившегося, когда он был маленьким. Звали парня Деян, и имя точно описывало его деятельную натуру. Вставал он всегда засветло, а ложился спать затемно. Как ему удавалось спать мало, но оставаться бодрым, никто не знал. Он днями бегал по владениям князя, выискивая, где можно получить прибыль, а где можно сэкономить. Он всегда знал, что нужно купить и где можно купить подешевле. Именно его энергичность привлекла Самбора, который впоследствии назначил молодого человека казначеем. До этого он был всего лишь помощником, и теперь его жизнь заметно облегчилась: ему не приходится носиться, как раньше, у него теперь у самого есть помощники, которые сделают это за него.

Они спешили, отдали коней, и зодчий исчез в ту же минуту. Но Самбор и Деян застыли под дождем, вглядываясь в небо и часто моргая из-за капель.

— Уж, простите, но идти туда мне не охота, — откровенно выпалил парень, на что Самбор засмеялся. — Просто этот шум, пьяные мужики, танцы, — начал оправдываться.

— Поверь, я и сам не горю желанием туда идти, — он прекратил смеяться.

Они вновь замолчали, потом Самбор похлопал по плечу Деяна и пошел в обход, чтоб не столкнуться случайно с одним из гостей в таком виде. В своих покоях князь вытерся на сухо, волосы насколько смог, затем надел праздничные одеяния.

— Интересно, Милана злится из-за моего отсутствия или радуется? Как там гости? — размышлял Самбор.

Он зашел в горницу, где его появление осталось незамеченным, чем Самбор был несомненно рад. Гости сами себя могли прекрасно развлечь, лишь бы еды и выпивки хватало. Князь прошел через толпу и сел во главе стола рядом с Миланой.

— Доброе утро, — ухмыльнулась женщина.

— Так себе утро.

— Пожары продолжают?

— Именно. Надеюсь, засуха скоро закончится, ливень затронул только небольшой участок. Пусть боги смилуются.

— Может, жертву принести?

Вот это Самбору не понравилось: осквернять людской кровью землю нехорошо. И, конечно, Милана имела в виду людские жертвы.

— Перуну, например, — продолжила она, — он бог жадный.

— Лучше Ярило. От него сейчас зависит урожай гораздо больше.

Позже Самбор действительно даст указания умастить бога Ярило, но не так, как хотела Милана. Люди сделают чучело бога, украсят его и будут носить на руках с песнями. Потом положат в гроб и дадут носить старику в лохмотьях, начнут оплакивать. А самое главное, заруют в поле. Это должно было помочь земле. И бог Ярило смиловался: послал хорошую погоду и урожай.

Самбор поднес свой кубок к губам, но тут же опустил его на стол, заметив приближение княжонка с его юношей-девушкой. Самбор поморщился от отвращения, что не укрылось от Миланы, но она смолчала.

— Как поживаешь, сынок? — он еще и похлопал по спине Самбора.

Милана сразу подумала, что ей послышалось, но потом пригляделась в лица обоих: Самбор сидел с застывшим выражением лица, а княжонок был пьян в хламину.

— Надо же так напиться с самого утра, — с удивлением подумала женщина, ожидая реакции Самбора.

— Князь, видите там ваш старый друг, — отвлек княжонка его сопровождающий, который все же заметил злость Самбора.

Ну а кто любил княжонка, не считая его самого. К счастью, он последовал от Самбора к неизвестному старому другу.

— Интересно, какой Самбор, когда злится? — размышляла Милана, а вслух спросила. — Что он хотел?

— Без понятия. С ним дела вести невозможно.

— Тем не менее именно он помог заполучить тебе власть.

— Умолкни, — оборвал ее князь. — Такие штучки не со мной вытворять будешь.

Милана встала, и Самбор не стал ее останавливать, Милана направилась к стайке женщин, оживлено беседующих о погоде.

Этот день был слишком похож на предыдущий для большинства, и поэтому так скучен. Погода, можно сказать, подливала масла в огонь: весь день шел сильнейший ливень, столь радующий крестьян, на чьи посевы он все-таки пролился. Так что все эти господа, еще пару веков назад бегающие с топором на соседей, сидели и скучали в хоромаш.

И если Милана могла разговаривать о погоде, о чужих внуках и любовных драмах, то Самбору приходилось нелегко. Он уже поговорил со всеми советниками (в самых разных состояниях) о повседневных делах — лучшее на что, они были способны.

— Не думал, что Путимир так быстро пьянеет, — сказал Деян, не выпивший не капли медовухи (он все-таки пришел).

— И правда, — отметил его правоту князь. — А еще даже не вечер.

— Еще ведь завтра будет продолжение.

— Кто хочет, тот и в поле напьется.

Хоть Самбор был старше на 4 года и всегда чувствовал груз ответственности, вдвоем им было хорошо. Однако к вечеру жизнь снова подарила неожиданность. Где-то во время заката к Самбору подошел глава дружины, не даже какой-нибудь слуга или дружинник, а сам воевода. Откуда вообще он взялся не было понятно, как и почему он лично пришел к

Самбору тем более. Но он поведал о некоей могущественной ведьме (Самбора чуть не взял смех), которая прибыла из далекой деревни к Самбору поведать нечто важное.

— Что же эта женщина может мне такое важное рассказать?

— Вам лучше самому не только услышать, но и увидеть, — с важным видом шептал воевода. — К тому же она стара и опытна.

— Когда я с ней поговорю, отправь человека за ней проследить.

— Но это же ведунья. Так можно навлечь ее гнев, — испугался не на шутку воевода.

— Нужно узнать, кто ее прислал. Не приходят женщины просто так к князьям, совершенно не боясь.

Самбор последовал за воеводой, который привел князя в хоромы для приема гостей. Он оставил князя наедине с ведьмой, и, несмотря на свой страх, он подготовил дружинника, который проследит за ведьмой, когда она уйдет.

Освещенность зала была хорошая, хоть солнце уже садилось, поэтому Самбор смог внимательно изучить женщину. Она была очень старая, дряхлая, прям рассыпалась при малейшем движении. Ведьма была горбатая, когда она пошла, стала заметна ее хромота, на лице выделялся крючковатый нос, а в приоткрытом рту торчал второй ряд зубов. Наверняка у нее и хвост был. Она была одета во все темное, а волосы лежали длинные и седые, но аккуратно расчесанные, да и сама она была вся чистенькая.

— Что же вам от меня нужна, ведунья?

— Я пришла предупредить вас, князь, — для такой морщинистой старухи голос у нее был удивительно приятный. — Но начну с вашего прошлого, чтоб вы мне поверили. Ваш отец перед своей смертью, когда понял, что точно умрет, решил приехать к вам. Об этом не знает почти никто.

Самбор сильно побледнел, но слушал дальше.

— Он вам и дал наказ, или правильное огласил условие, при котором вы можете стать князем. Я права, князь?

— Я выслушаю вашу историю моей жизни, а потом соглашусь или нет, — выдавил из себя Самбор, который все же забеспокоился. Но испугался не дара старухи, а человека, который целенаправленно собирал о Самборе все слухи, вести, рассказы и т. д.

— Ваш отец потребовал, чтобы вы женились на своей сестре, но истинной причины этого вы не знаете. Даже удивительно, что вы исполнили волю отца, — старуха сделала многозначительную паузу, а затем продолжила: — Ваша кровь не чиста. Вы ведь ничего не знаете о своей матери.

— Говорите быстрее, — не выдержал загадок старухи.

— Ваша мать ведьма, причем очень сильная ведьма. А ваш отец желал, чтобы у князей, которые займут его место, текла чистая, людская кровь, а точнее преобладала его кровь. Немного безумно с его стороны.

— С чего вдруг взялась ведьма? Если он сильно любил свою жену и даже не женился опять после ее смерти.

— А ведьма его околдовала, мы это умеем. Так он любил ее месяц, но ведьма забеременела, что внезапно вывело его из транса. Но о ребенке не забыл и не оставил без внимания. Это сложно назвать заботой и отцовской любовью, но и лучше, чем жить с матерью ведьмой. Не правда ли?

Самбор не ответил, но сильно поморщился от воспоминаний о княжонке.

— Вы помните что-нибудь о том времени, когда жили с матерью? Вам ведь было около

2 лет, когда вас от нее забрали.

Самбор отрицательно покачал головой и всматривался в лицо старухи, которая с каждой минутой казалось все красивее и моложе. Знакомые черты прорисовывались на ее лице, руки показывали уже известные жесты, голос прояснялся в памяти.

— Почему именно сейчас ты пришла?

— Чтобы предупредить тебя, сын. Меня нашел человек, который желает тебе зла, и сейчас он в городе.

— Его случайно не Ярополк звать?

— Сейчас он скрывается в одном из полуразвалившихся домов возле реки. Лучше его найти сейчас, пока он не натворил бед.

— Спасибо.

— И еще...Когда придет время, лучше отпусти от себя княжну. Или она станет твоей погибелью.

— Что же девчонка может мне сделать?

— Она ничего, за нее это сделают другие.

— Ещё один вопрос. Девушка, которая превратилась в волкодава, ваших рук дело?

— Нет, а стала она им совсем недавно. Её укусил волкодав 3 дня назад, когда она гостила у престарелый бабули.

Старуха, немного покачиваясь, встала.

— Прощай!

Самбор еще сидел, когда она ушла. Его больше волновало появление матери сейчас, чем Ярополк где-то там. Он вскочил, вспомнив о дружиннике, который должен проследить за ведьмой. И сейчас эта идея не понравилась Самбору, но расстраиваться сильно не стоило.

Воевода пришел уже сам вместе с дружинником.

— Простите, князь. Я не смог понять, куда направилась ведьма. Она вышла из ваших хором и превратилась в маленькую птичку.

— Оно и к лучшему, — Самбор подошел ближе. — У меня для вас новое поручение. Нужно найти для меня одного человека.

— И сюда его привести?

— Нет, все надо будет решить там. Он скрывается в полуразрушенных домах у реки. Пусть подготовят лошадей.

Дружинники тотчас ушли, чтобы выполнить поручение. Самбор не был уверен в своем намерении насчет Ярополка: не любил князь убивать людей, да и животных тоже. Так что в итоге решил ехать сам.

— Князь, мы можем выполнить поручение сами. Скажите только, что нужно сделать.

— Я хочу все сам увидеть, а потом решить судьбу этого человека. Но нужно действовать аккуратно и тихо. Думаю, этот человек сейчас хочет бежать.

— Как он выглядит.

— Ты его знаешь, — Самбор сделал паузу. — Это Ярополк.

Воевода побледнел, услышав имя бывшего командира, но подал знак ехать. Дорога заняла мало времени, сложнее было подобраться тихо к мятежнику. Но, к счастью для Самбора, и, к несчастью для Ярополка, он сам пришел в лапы князя.

Ярополк оседлал уже лошадь, загрузив предварительно вещи. Тихий стук копыт он услышал слишком поздно. Всадники стремительно его окружили, как только заметили. Мозг безуспешно искал способы спасения, но не смог.

— Ну что, Ярополк, теперь-то ты будешь дружить с нами? — голос принадлежал главному всаднику.

Ярополк спешил и его схватили за руки, а затем потащили в дом, недавно бывший для него укрытием. Всадник откинул капюшон (и в этот момент была решена судьба человека), Ярополк узнал в нем Самбора.

— Что же ты ищешь по всем углам? — улыбнулся, а потом, помрачнев, добавил: — Как ты ее нашел?

— Убивайте сразу — у меня уже ничего не осталось.

— Не все так просто. Я не хочу повторения, не хочу, чтобы кто-то сделал то же самое. Поэтому повторяю, как ты нашел ведьму?

Ярополк вновь промолчал, и Самбор махнул рукой — начали небольшое избиение, но особых успехов не достигли.

— Ярополк, не задерживай меня. Или придется тебе посидеть немного в подземелье. Думаю, ты и сам знаешь по своему опыту, что люди там долго не выдерживают.

Ярополк отрицательно покачал головой: что-то не давало ему заговорить. Самбору показалось, что уже все здесь покрыто кровью, хотя это было далеко не так. Но Самбор махнул, мол, хватит. Дружинники отошли от человека на полу. Самбор приблизился к нему и, взяв за подбородок, заглянул в когда-то живые глаза, полные чего-то. Сейчас все ушло, не осталось ни любви, ни надежды, ни желания жить. Не было уже даже желания унести тайну с собой, хотелось, чтобы все это просто быстрее закончилось.

— Я могу вам рассказать все, но только не про ведьму, — говорил он четко, к счастью, зубы не пострадали.

— Как жаль, ведь меня интересует именно ведьма, — но тему он все же сменил. — Что ты делал у князя Рогволода?

— Хотел найти поддержку. Но всем плевать теперь на меня и Милану. А еще я давно не видел брата.

— Что же ты там делал?

— Пытался настроить Рогволода против вас, но тут прискакали вы со своим предложением. И я решил уехать.

— А потом?

— Искал повод и доказательства против вас.

— Зачем тебе это?

Действительно, зачем? Зачем ему это, человеку лишнему, такому одинокому и пустому, что у него осталось кроме этого?

— Чтобы вас свергнуть.

— Я не о том, и ты прекрасно понял. Но как хочешь. Откуда ты узнал о ведьме?

— От вашего отца, — солгал зачем-то он.

Самбор аж рот приоткрыл от удивления, но смог заговорить:

— Зачем ему это?

— Вот этого не знаю. Ведьму я искал методом проб и ошибок.

— Где ее жилье?

Ярополк как воды в рот набрал.

— Ведьма его околдовала. Вы сталкивались с подобным? С этим можно что-то сделать? — Самбор обратился к воеводе, тот отрицательно покачал головой. — Тогда он больше не нужен. Заканчивайте с ним.

Самбор вышел из избы, оседлав коня, уехал во тьму на пир.

Горло мгновенно полоснули, кровь обагрила руки убийцы. Тело вытянули наружу, выкопали ямку, бросили туда, забросали землей и ветками. Справились быстро совместными усилиями, в дом возвращать, чтобы смыть кровь, не стали.

***

Эти дни давались тяжело Самбору, гости веселились допоздна, но и вставали поздно, ему же приходилось поздно ложиться и рано вставать. Дела, особенно крестьян, себя ждать не заставляли.

Были и другие проблемы. Например, с уважением и властью. И если дома все уже привыкли к новому князю и выполняли любые его приказания с абсолютнейшей покорностью, а о дружинниках, впечатленных решительностью Самбора, вовсе не стоит говорить, то за пределами было много недовольных такой сменой власти. Но были и те, кто видел в Самборе человека, который наведет в княжестве порядок или расширит владения, а, может, обогатит. Были и те, кому было совершенно наплевать, лишь бы жить не мешал.

Крестьянам, например, очень нравилось, как он разъезжал и спрашивал, что их беспокоит. А если выполнял обещание или устранял причину беспокойства, то эти простые люди начинали его искренне уважать.

Третий, последний день пира, так называемый “пирожный,” потому что готовились в основном пироги, прошел весело и без происшествий. Самбор произносил периодически тосты, садился, немного отпивал из кубка и сидел все также со скучающим видом. С еще более скучающим видом сидела только Милана: заниматься ей было абсолютно нечем. Оба с трудом ожидали окончания дня.

Но что делать было Милане после свадьбы? В ее заточении?

Гости стали разъезжаться потихоньку, не спеша: кто-то уехал на следующий день после пира, кто-то пробыл еще несколько дней. Но к облегчению обитателей они разъехались.

Однако в доме остался глубокий след. Постепенно все приняли Самбора как князя и за пределами дома, особенно многим он начинал нравиться после личной встречи благодаря харизме и прекрасному голосу.

— Как ловко вы уговорили этих торговцев, — удивился Деян, который никак не мог справиться с этим сам.

— Я никого не уговаривал — они сами все решили, — улыбнулся Самбор.

Время шло, пришла осень, она принесла с собой облегчение. Самбор больше не смотрел на призрака Миланы с ненавистью. Он даже дал ей больше свободы, но говорили они редко, крайне редко. А вот с княжной, оставшейся дома, он часто виделся, а также девочка была достаточно умна, чтобы выполнять какие-нибудь поручения.

— Иди к Деяну и зодчему, узнай, сколько домов удалось восстановить. Потом к Путимиру...

Порой, этому не было конца, из-за чего княжне было обидно, однако в Самборе она видела отца, которого потеряла, отца, который ее любил не меньше, чем пиры и охоту. Неизменно Самбор нежно гладил ее по голове, когда она все выполняла.

— Почему тебе так нравится стрелять из лука? — внезапно спросил Самбор.

— Почему вам так нравятся лошади?

— Да, — улыбнулся Самбор. — Мы выбираем то, что мы любим.

Он заметил Милану, идущую с какой-то девушкой. Выглядели они довольно радостно, и Лана заметила его взгляд, поэтому решила спросить:

— Можно задать вопрос насчет матери?

— Нет, — ответил Самбор, словно прочитал ее мысли.

Милана улыбалась и была весела, поэтому выглядела особенно хорошо. Странное чувство Самбора не охватило ее, она его даже не заметила.

— Сможешь попасть в то яблоко? — указал мужчина.

Княжна нахмурилась, но направила лук и отпустила тетиву— пронзенное стрелой яблоко упало прямиком к ногам матери. И Милана посмотрела в их сторону, сердце Ланы сжалось от тревоги, но мать не смотрела нее... она глядела на Самбора... а затем улыбнулась.

Мне так много лет, что я сама не знаю сколько на самом деле. Я такая древняя, что люди могут называть меня богиней. Впрочем, они не ошибутся.

Когда-то давно меня сослали на остров, где я и постигла совершенства в своем сегодняшнем ремесле. А когда про меня забыли даже изредка появляющиеся путники, я сбежала. Я проплыла моря, я видела много земель. А теперь я здесь. Я пережила своих родственников: их забыли, а мое колдовство еще приносит плоды. Люди меня хоть боятся, но помощь просят.

Когда-то я боялась мужчин и превращала их в свиней, теперь же я бы даже хотела чего-нибудь бояться.

Необычно больная птица с серыми крыльями, но, что еще удивительнее с девичьими лицом и руками. Птица зажала когтями яйца, и медленно спускалась к поверхности, а потом резко нырнула. Она спустилась на самое дно и в одно из углублений положила яйца.

Они пролежали там ровно семь дней, и все эти дни озеро бушевало, но яйца стали всплывать, и вода успокоилась. Птица собрала их и начала высиживать на берегу.

Все это время люди боялись подходить к озеру, а тем более пытаться украсть драгоценные яйца.

Но Самбору было все равно на какую-то там божественную птицу алконост. Он неожиданно понял, что влюблен. Они даже не поняли, как все это произошло. Все шло как будто так полагается. Они вдруг посмотрели друг на друга глазами, полными не ненависти, а любви.

Сразу Самбор стал разговаривать с Миланой при случае, а потом и вовсе стал приходить к ней в покои. А ей это даже нравилось, нравились его спокойствие и сила, выразительные черты лица, прекрасный голос. К тому же он был очень умен и дарил цветы.

Спустя какое-то время она пришла к нему сама под защитой ночи. С тревожно бьющимся сердцем она шла к нему, надеясь, что он не оттолкнет. Она потихоньку прокралась в его покои, но он мгновенно проснулся. Присел на кровати, пытаясь различить очертания крадущегося в темноте. Милана застыла.

— Иди ко мне.

И она повиновалась, очутилась в его руках.

— Я люблю тебя, — прошептал Самбор и поцеловал.

Кое-кого это крайне не устраивало, кое-кого маленького и совсем не понимающего этих взрослых. Девочка в тяжелых раздумьях сидела в полутьме, пытаясь осознать происходящее. Конечно, она не хотела быть эгоисткой (получалось плохо) и хотела порадоваться за Самбора, но поведение взрослых казалось очень странным. Внезапная догадка вспыхнула в мозгу, и она понеслась по своей наивности к князю.

Она как-то слышала о необычных травах, которые обладают способностью вызывать в людских сердцах любовь. Но, естественно, она мало что понимала.

К счастью, Самбор был один, когда она пришла.

— Что же заставило тебя прийти ко мне?

Лана замялась: ей следовало подумать, что делать, прежде чем идти.

— Это насчет вас с матерью.

— Не волнуйся, на тебя это никак не отразится.

— Вы действительно ее любите? — выпалила она.

— И это не касается тебя.

— Но посудите сами, еще недавно вы ее презирали, а теперь — любовь.

— Жизнь сложная штука, Лана. Всякое в жизни бывает, — Самбору очень не понравился этот разговор.

— Да вас приворожили.

— Я в это не верю, — ему очень хотелось закрыть эту тему.

— Есть разные растения.

— Докажи мне это, — он очень хотел отвязаться от продолжения разговора. — Найди мне виновного или покажи мне то, через что сделан приворот, — он замолчал, а потом добавил: — Хватит. Не приходи ко мне с этим больше без доказательств.

Князь не придавал особого значения соображениям маленькой девочки, тем более что сейчас он был счастлив. Он даже еще больше захотел увидеть Милану.

А что же делать было княжне, и девочка вернулась на свое прежнее место. Она сидела в почти темноте на лавке подперев руками голову. Вот в таком виде застал ее Деян, парень улыбнулся и сказал:

— Не княжеское это дело сидеть в такой темноте и пыли, да еще и мучать свою юную головушку, — он положил ладонь на ее макушку.

— Может, хоть ты мне поможешь. Я задумалась, почему же князь и моя мать еще недавно недолгоблывали друг друга, а теперь они...

— Жизнь штука сложная, — его улыбка померкла. — Не забивай этим голову.

— Что-то похожее мне сказал князь.

— Ты ходила к Самбору?

— Да, а что?

— И что же он сказал?!

— Да ничего, что могло бы помочь. Я его только рассердила.

— И сильно?

— Не особо, — княжна и не замечала нарастающего волнения Деяна. — Он сказал, что поверит мне только, если я найду доказательства.

— Докажешь что?

— Что его околдовали.

Деян схватил девочку за руку и повел за собой. Она не сильно сопротивлялась, а потом и вовсе расслабилась, и пыталась понять, куда ее ведут. Вскоре она догадалась, не спрашивая Деяна.

— А зачем нам к Путимиру? Я уже могу сама дойти, пусти, — попросила Лана.

Руку он отпустил, но шаг не сбавил, так что девочке приходилось все также полубегом следовать за ним. Спешили они непонятно зачем, тем более что десница с кем-то беседовал, когда они пришли. Так что пришлось ждать. Неизвестным оказался один из купцов, который заключил сделку с Деяном. Что он здесь делал так и осталось загадкой.

— Господин Путимир, — вскочил Деян, как только появилась возможность, — раз меня слушать вы не хотите, послушайте хотя бы княжну. Вы же не хотите оскорбить княжну?

Даже интересно кого он одарил более ядовитым взглядом. Почему Самбор держал девочку при себе ему было совсем непонятно. Даже непонятнее, чем женитьба на сестре. Он бы девочку отослал к мужу и дело с концом.

— И что же, ей пришла такая же идея, что и тебе?

— Именно.

— Мне кажется, что на князя наложили приворот, — с трудом выговорила Лана.

— Не уж то ваша мать недостаточно хороша, чтобы ее любить?

— Слишком внезапно выросла их любовь, — и немного погода смущенно добавила, —

Мне кажется, так не бывает.

Путимир задумчиво поглаживал с любовью возвращенную бородку, не зная, как правильно поступить. Он боялся и гнева Миланы, и гнева Самбора. Но еще больше он боялся, что Деян до чего-нибудь действительно докопается.

— Хорошо, ищи, Деян, виновного. Самбор, пока об этом не узнает. Все важное докладывайте лично мне, при необходимости помощь проси только у меня. Не через никого не передавай.

— Благодарю.

Так Путимиру достанется часть благодарности, если они окажутся правы, но если нет, то он не пределах. Наверное, так рассуждал глава совета.

Деян хоть и получил желаемую поддержку, но совершенно не представлял с чего бы начать. Единственное, что пришло в голову, наблюдать за слугами. Но это он в общем-то и раньше делал, однако никаких результатов не добился.

— Наверняка слуги что-то знают. Ведь самый простой способ — это подсыпать в еду травы.

Деян скептически посмотрел на княжну, про которую уже успел бы забыть, если бы она не заговорила.

— Да надо же, какие мысли, — с тоской проговорил он.

— Мне не нравится, что ты воспользовался мной, чтобы заручиться поддержкой Путимира, которому абсолютно все равно.

Деян помрачнел, но выдал из себя:

— Чего ты хочешь, княжна?

— Помочь князю, — невинно ответила она.

Последний год Лана очень сильно изменилась, хотя ей едва исполнилось 9 лет. Но мысли ее были тяжелыми, как и ее положение при отчине теперь.

— Мне ведь выгодно узнать правду.

— Ладно, — нехотя согласился Деян.

— К тому же среди прислуги много детей, которых можно расспросить. При этом они ничего не поймут.

Дрожь подкатывает к горлу:

— Хорошо, — почти шепотом.

— Думаю, молодые девушки тоже будут не прочь с тобой побеседовать.

— Тогда, — ухмылка появляется на его лице, — я беру на себя взрослую часть прислуги, а ты — детскую... И Путимиру я доверяю не полностью, далеко не полностью.

Они разделились, но Деяну стало беспокойно: не слишком ли она умна для девятилетнего ребенка? Словно нечисть какая-то потрудилась. С прислугой они разговаривали, но о мелочах невзначай. И везло им обоим несильно, да и несколько дней они не встречались, не желая приходить без результата.

Но спустя неделю княжна, замечая Деяна, подходит и рассказывает занимательную историю:

— У одного мальчика есть сестра. Сам он нам не важен, но вот его сестра. У нее

недавно появилось новое платье, которое для служанки слишком хорошее.

— Это со слов мальчика?

— Да, сомнения, конечно, есть. Но он вряд ли лжет. К тому же она прислуживает матери, и доступ к кухне у нее есть.

— Интересно, интересно. Как зовут девушку?

Лана называет какое-то незнакомое имя, и Деян пожимает плечами, мол, не знаю. Тогда она описывает девушку, как рыжеволосую, с серыми глазами и круглогодичными веснушками. Деян действительно припоминает такую, благодаря запоминающимся веснушкам, и кивает. Княжна без лишних слов уходит.

Деян решает узнать побольше о девушке. Она оказывается даже младше, чем он думал: ей 14 лет. Интересно и то, что она скоро выходит замуж. На ум приходит платье, о котором говорила Лана. Он замечает, что девушка часто встречается со старшим конюхом.

Деян отправляет одну из своих проверенных девушек проследить, что они делают. Выясняется, что девушка получает небольшой мешочек от конюха. Тогда Деян отправляет следить за конюхом одного юношу, и тот рассказывает, что к конюху приходила какая-то старуха и что-то приносила. Видимо, тот мешочек.

Ночью она ему снится, она тянет к нему свои старые скрюченные ведьмовские пальцы, она что-то шепчет, но он не сразу понимает, что:

— Не приходи ко мне, отправь лучше княжну. Я только с ней буду говорить.

Лицо старухи кажется смутно знакомым, ему думается, что он уже где-то здесь ее видел. Сон быстро сменяется другим, и он не сможет вспомнить лицо старухи. На утро он находит княжну, решая все же прислушаться к своему сну:

— С чего вдруг такой переполох в покоях?

— Завтра я уезжаю к князю Рогволоду.

Тогда нам нужно спешить.

Он рассказывает ей все, что узнал, не опуская свой сон. И девочка все прекрасно понимает:

— Отведи меня к ней.

Они отправляются к дому ведьмы сразу же, идут вдвоем одевшись попроще, но не как бедняки. Они идут быстро, не замечая холода и сырости, идут самым коротким, правда, грязным путем. Но они и этого не замечают. Дом стоит прямо на окраине, дальше только ворота. Он совсем новый и аккуратный. Трава вокруг него была зеленая, хотя везде трава пожелтела.

Ветер подул в лицо, они остановились у входа. Хозяйка себя долго ждать не заставила: они еще не постучались, как дверь уже открылась. Сразу высунулся крючковатый нос, потом голова и пристально оценивающие Деяна глаза. Дальше голова повернулась, а за ней потянулись руки к княжне. Деян и сказать ничего не успел, а руки уже утащили девочку и дверь закрылась.

— Она ничего не сделает Лане, — мысленно успокаивал себя Деян. — Они не вредят детям.

Он ходит напротив дома не переставая. Он до этого сюда пришел, но ведьмы так и не застал. Никто из соседей о ней толком ничего не знал. А вот ведьма про Деяна знала предостаточно.

Княжна же шагнула за ведьмой в полутьму дома. Пыльно не было, непонятных склянок тоже, паутиной мебель не покрылась. Даже напротив все было очень красиво.

— Ожидала увидеть дом весь в грязи? — усмехнулась ведьма. — Не всем ведьмам свойственна неопрятность, как и не всем женщинам — опрятность.

Княжна кивает в знак согласия скорее из вежливости, она с большим интересом изучает дом. Она действительно замечает склянки с непонятной жидкостью, но они все расставлены аккуратно. Таблички неизвестного назначения с различными начертанными знаками сложены в стопку на столе.

— Тебя любят боги и их твари. Но ты много встретишь на своем пути препятствий. И если хочешь стать счастливее не цепляйся за Самбора: оставь это дело. Езжай к своему жениху.

Глаза ведьмы пылали, лицо помолодело, волосы потемнели. Знакомые черты проявились.

— Вы на верном пути, но оставьте это. Вы сами пожалеете, что раскрыли правду. А теперь иди.

Княжна не была напугана, но коридор до двери показался ей бесконечно длинным. Минуты растянулись в часы, пока она не заметила Деяна.

Наверное, у нее на лице проступила внезапно свалившаяся усталость, так что Деян обнял ее за плечи.

— Что она сказала? Она тебя напугала? Или что похуже?

— Нет, она говорила как-то странно.

— Что же? — взволнованно расспрашивал.

— Она сказала, что мы на верном пути, но мы сами пожалеем, если раскроем правду.

— Зачем говорить, что на верном пути, но при этом не хотеть, чтобы мы выяснили правд?

— Значит, мы на ложном пути...

Она рассказывает подробно об интерьере дома, внешности колдуньи и ее речи. Она не умалчивает и о предупреждении ведьмы насчет ее и Самбора. Девочка с надеждой спрашивает Деяна:

— Неужели мое присутствие может принести князю несчастье?

— Конечно, нет. Она просто пыталась тебя запугать.

Но сам он понимает, что такие могущественные ведьмы никогда не ошибаются. Княжну его слова немного успокоили. И они расстанутся с нераскрытыми тайнами, даже не попрощавшись на рассвете следующего дня.

Княжна каждую следующую ночь засыпает все дольше и дольше, она мучается вопросом, где же она видела черты столь похожие на ведьмины. Но ответа она не находит, днем забываясь в развлечениях и отдыхе в гостях.

А ночью она уже может заснуть легко, уставшая за день, вернется она спустя месяц, и увидит Деяна, расстроенного из-за своих неудач в поисках.

Он сидит, глядя в небо, почти не двигаясь и не мигая. Он начинает рассказывать о том, как узнал, что девушка эта была беременна. Естественно, от того самого конюха. А чтоб молчала подарил платье, нашел ведьму, что поможет избавиться от ребенка, но слухи ползут быстро.

— А жених от нее отказался?

— Нет, раз один раз забеременела, то и от него дети будут.

Княжна кивает и добавляет:

— Но ведьма же не просто так нас пугала. Она в любом случае причастна.

— Хватит, Лана, — устало шепчет.

— Княгиня не хочет, чтоб мы продолжили.

— Она с тобой...

— Да и сейчас...

Их находит Самбор, прибывающий в хорошем настроении. Его лицо за последние несколько недель разгладилось и посветлело. Он не морщился сам себе, раздумывая над чем-то.

— Вот же только приехала, а пошла не к семье первым делом, а к Деяну, — улыбнулся он.

“К семье?” — вопросительно смотрит княжна на Деяна, но тот с мрачным видом молчал.

— И у меня для тебя хорошая новость, — радостно продолжает Самбор, он делает интригующую паузу и добавляет: — Милана беременна. Я уверен, что это будет мальчик.

На лице Ланы отражается целая буря чувств, ей уже страшно за своего будущего брата, а Самбор словно ждет ответа.

— Я очень рада за вас, — она выдавливает улыбку.

Она улыбается и смотрит на лицо Самбора. Оно не такое, как у матери, не только из-за цвета глаз. Черты мягкие, не как у Миланы, такие же словно выточенные мастером из камня, но закругленные. Немного тонковатые губы, их уголки всегда немного приподняты.

Неужели Деян этого не замечал?

— Такая взволнованная от известия? — смеется князь. — Зайди к матери, как сможешь.

— Самбор не такой как Милана, — заговорила Лана, когда князь ушел на достаточное расстояние, чтоб их не было слышно, — у него не такие резкие черты лица.

— То есть?

— Цвет глаз необычный.

— Говори прямее.

— Он многое унаследовал от матери.

— Я все равно не понимаю.

Лана шумно вздыхает и отвечает:

— Это причина, по которой ведьма казалась тебе знакомой.

Смятение, потом удивление меняются на понимание на лице Деяна.

— Но...

— Мы должны сохранить это в тайне даже от князя и понять, чего хочет ведьма.

— Ей ведь выгодно это все, — добавляет он.

Ему сейчас слишком трудно соображать, его трясет, а тело горит. Наверное, он сильно побледнел, а губы и без того синее.

— Что с тобой? — пугается Лана, когда тот, покачиваясь, встает, спрашивает: — Что она с тобой сделала?

Деян отрицательно качает головой.

— Я знаю, можешь не отвечать. Милана приказала окунуть тебя в ледяную прорубь, а затем оставила на снегу, конечно, перед этим пригрозив.

Деян удивленно смотрит на княжну.

— Она и раньше так делала, — объясняет.

— Им обеим выгодно происходящее. Но мы даже доказательств не имеем.

— Мы и не можем ничего сделать Милане вообще: она беременная женщина.

— В любом случае нужно тщательно следить за Миланой и Самбором.

К своему неудовольствию, хотя это было весьма логичное решение, Лане нужно наблюдать за матерью. Деян же взял на себя Самбора. Пару дней ничего, требующего особого внимания, не происходило, однако...

Лана шла тогда от Самбора и заметила разговаривающих Путимира и Милану, девочка не придавала бы этому особое значение, если бы они не были на грани крика. А когда Лана подошла ближе, она заметила испуганное лицо Путимира и рассерженное лицо матери.

— Да что они могут понять? Девчонка глупа как пробка! Это всего лишь твои старческие страхи.

Лана, стараясь ступать максимально тихо, поворачивается и укрывается в тени.

— Они уже знают про ведьму!

— Знают, да ничего не понимают. Они пошли по ложному следу! — Милана глубоко дышит и уже спокойнее добавляет: — Больше не говори со мной об этом.

Лана понимает, что разговор окончен, и быстро удаляется подальше, боясь быть обнаруженной. Она пытается найти Деяна, желательно одного, но безуспешно. Она потратила слишком много времени на поиски, да и князь ждет кинжал, за которым ее отправил. В итоге она теперь не может найти и князя. Наконец, она выходит за пределы двора, где оба сразу и находятся. Оба стоят и что-то обговаривают, указывая на одну из дряхлых построек. Она бежит к ним.

— Лана, тебя только за смертью посылать. Он уже не нужен мне, — но протянутый кинжал берет.

— Простите, я долго не могла найти вас.

— Путимира видела сегодня? — рассеянно спрашивает Самбор.

— Да, не так давно.

— Староват он для главы совета: вечно занят невесть где, не найти его и долго возится с обязанностями.

— Но его мудрость, пришедшая с возрастом, сослужила и сослужит вам, — осторожно отвечает Деян.

— Какой же он добрый и открытый, — думает княжна, а вслух спрашивает: — Что вы хотите здесь сделать?

— Отремонтировать эту пристройку, — все также рассеянно и задумчиво отвечает Самбор, как это свойственно влюбленным.

С Деяном она смогла поговорить только, когда тот уже спал на ходу.

— Я должна рассказать о том, что сегодня случайно услышала.

Она смущается тому, что она будет мучать его еще, больного и усталого. Он бледен, кожа на губах обсохла и шелушилась, под глазами обосновались мешки, а сами глаза слезились.

— Тебе нельзя работать в таком состоянии.

— И что же я скажу Самбору?! — внезапно разозлился. — Что его любимая жена, ненаглядная, окунула меня в ледяную прорубь! А почему? Спросит он. И что мы скажем? Нам придется покрывать и эту старую ведьму, и эту тварь в теле беременной женщины.

— Ну так вот, — она дрожит и бледнеет, но переводит тему.

Она пересказывает услышанное, наблюдая за его реакцией.

— Но он же сам обещал помочь, — он словно сейчас заплачет от обиды, — Неужели они настолько самоуверенны?!

— Мать просто думает, что мы тупы! — бесится внутри Лана, но Деяну говорит. — Он хотел отвести от себя подозрения.

— Логично, — немного успокоился он, — но у нас все еще абсолютно нет доказательств.

— Придется все также просто следить за ними и внимательно прислушиваться. В конечном счете это должно принести плоды.

И она оказывается права. Когда Милана и Самбор едят вместе утром, Деян замечает служанку, слоняющуюся по кухне без дела. Это что-то невероятное! Она словно ждет подходящего момента, а потом быстро достает мешочек и высыпает что-то в еду.

Он не останавливает ее, а тем более не задает вопросов пока что. Хотя мысль о том, что это может быть яд не покидает. На следующий день он замечает все ту же служанку за тем же занятием, и в этот раз он ее не останавливает, но окликает. Ее внезапно начинает трясти, и она с перепугу бледнеет: она понимает, кто он.

— Что же ты не там, где надо работаешь, душенька? — он улыбается и щупает за щеку, она расслабляется.

— Я заплутала немного.

В следующие дни он так и будет с ней заигрывать, а она польщенная его вниманием будет смущенно улыбаться, пока он не спросит, убедившись в ее наивности:

— И что же за травки ты сыплешь князю? — нежно шепчет.

Реакция даже лучше, чем он рассчитывал. Девка падает на колени перед ним, руки заламывает в мольбе, и она начинает плакать.

— Я не хотела отравлять князя! Он сказал, что это не яд.

— Это и правда не яд, — нежно говорит Деян, садится рядом и обнимает за плечи.

— По судите сами, — от ее жеманства не осталось и следа, — семья у меня бедная, детей, голодных, маленьких, целая хата, а он заплатил хорошо.

Деян гладит ее по волосам, улыбается ласково.

— Кто же это был?

— А вы же его не убьете? — пугается девка.

— Нет, конечно. Разве я тебя обидел?

Она сильно трясет головой в знак отрицания.

— Конюх этот.

— Старший?! — снова удивляется.

— Нет, нет. Молоденький этот. Седой, который весь.

Он еще чуть-чуть посидел с этой девкой, утешил, а потом ушел. Он пообещал ей, что не она не останется без работы из-за этого, если будет слушаться его.

След опять привел к конюшне. Почему?

Деян находит старшего конюха и, как бы невзначай, спрашивает:

— Говорят, вы ведьму знаете хорошую.

— Вам зачем? — недовольно отвечает тот.

Конюх был мужчиной лет 40. Крепкий, высокий, широкий в плечах. Отпечаток старости едва коснулся его: волосы совсем немного поседели, а местами виднелись маленькие морщинки.

— Выручите по-отечески.

Тот вздыхает и описывает тот самый домик, в котором недавно они побывали.

— Только тихо. Мне самому по секрету рассказали.

— А кто рассказал?

— Да конюх этот молоденький, что седой весь.

— Спасибо большое!

Деян уходит и чувствует, как сильно он устал. Его била сильная дрожь и раньше, но сейчас он еле мог с ней справиться. Его покачивало, однако он хочет увидеть этого “молоденького” конюха.

— Почему “молоденький”? — недоумевает Деян.

Издали он видит полностью седого мужчину, он сгребает сено для лошадей легкими движениями. Сейчас Деян не находит в себе силы поговорить, поэтому разворачивается и с трудом добирается до своих покоев. Он засыпает сразу, как только ложится на кровать, несмотря на солнце. Он спит глубоко и без сновидений.

Он просыпается уже от лучей солнца следующего дня, причем не робких утренних, а холодных, зимних, но по-дневному буйных.

— Самбор меня прибьет, — ужасается Деян.

Тем не менее он чувствует себя гораздо лучше после долгого сна, нежели от бабушкиных отваров. Его уже не бьет дрожь, и он спокойно держится на ногах, но он все еще слаб и постоянно мерзнет: выздоровление не заставит себя долго ждать.

Деян находит и Самбора, и княжну возле той дряхлой пристройки, где недавно нашла их Лана. Только теперь они поменялись местами. Самбор оборачивается на приближающиеся шаги.

— Ты можешь отдохнуть пару дней. И без тебя сможем справиться.

Деян вопросительно смотрит на княжну.

— Не суди девочку строго.

— Я не могла тебя найти и зашла к тебе в покои, — смущенно вмешалась Лана, — у тебя был сильный жар, и я сказала об этом князю.

Самбора попросил подойти один из рабочих: обновление пристройки шло полным ходом.

Княжна повернулась к Деяну и быстро зашептала:

— Ты мог бы, если не хочешь отдыхать, потратить время на поиски. Но все же попытайся поправиться.

— Мне уже лучше. И я напал на след.

— Судя по поведению матери, она себя тоже опаивает. Мне кажется, им нужен временный результат, поэтому они используют травы, а не заговор какой-нибудь, — осторожно предполагает Лана.

— Спасибо, — благодарит Деян вернувшегося князя.

— Но не больше трех дней, — улыбается Самбор.

Напрямик поговорить Деян не захотел, а применил все тот же старый проверенный способ: он выведывает все об этом конюхе, который и, правда, молоденький, даже младше Деяна. Но судьба окрасила его волосы в серебристый цвет слишком рано. Мать умерла, когда ему было 10 лет, оставив свору детей и только один из них мальчик. А через несколько лет заболел отец-колдун. Он долго мучился, очень мучился, а когда почувствовал приближение смерти, выгнал девочек из дома и позвал сына. Сын сел с ним рядом, отец хотел было уже передать дар сыну, но тот заупрямился. Отец кричал в муках, боль в теле была невыносимой. Крики были слышны на улице, так что дочери были в ужасе, а соседи боялись подойти к дому. К утру брат вышел уже весь седой, но дар не принял. Так он и стал кормильцем в 15

лет. Сестер постарше он выдал замуж с приданным, к счастью, собранным отцом. Так он выдает по очереди их до сих пор, но уже зарабатывая своим трудом приданое. Четыре младших еще с ним живут.

Нельзя сказать, что история растрогала Деяна, он ведь и сам сирота. Но приятно знать о собеседнике больше, чем он говорит.

Деян подходит совсем близко к своей жертве, наблюдает, как работают мышцы тела. Лицо красивое, серые глаза сочетаются с серебристыми волосами, вперед выдается тонкий нос, выступают скулы, а губы плотно сжаты. Сам же Деян до сих пор не замечен.

— И как тебя зовут? — спрашивает, подойдя уже так, чтобы его уже было видно.

Юноша выпрямился, он не испугался, но выглядел удивленным.

— У меня нет имени здесь, все зовут меня, как придется.

— Я это уже заметил, — не солгав, признался Деян, — поэтому спрашиваю у тебя.

Тот приподнял брови от изумления, но ответил твердо:

— Ратко.

— Хорошее имя. А князю хорошо служится?

Ратко напрягается и кивает.

— А Путимиру?

— Зачем вы здесь?! — он злится, что удивляет теперь уже Деяна.

— Не боялся, что князь может пострадать?

— Я не понимаю.

— Княгиня ведь тоже это ела, а она беременна. Ты еще и девку за собой потянул. Не боишься кары божьей? Князь смог убить по воле богов аспида.

— Что вы хотите?

— К ведьме-то ходить не страшно было, хотя кара богов может быть страшнее. Ты же сам знаешь, что князь любимец богов, — надавливал Деян (люди и, правда, считали, что убийство аспида, захват власти совершены с помощью сил богов)

Ратко долго молчит, поэтому Деян добавляет:

— Покайся князю и девку эту тащи с собой. Я вас смогу защитить, — а сам у себя спрашивает. — С могу ли?

— Это не яд ведь.

— Я и сам знаю. Я бы уже давно вас сдал, если б это было так. А по итогу спасаю вас, бедных сирот.

Ратко все еще сомневается признаться или ждать, что Путимир поможет. Он опять замолкает, но вскоре начинает говорить.

— Путимир однажды позвал меня к себе, это было пару месяцев назад, чтобы вы не считали меня окончательно жадным человеком, скажу, что согласился не сразу. Но потом волна пожаров повредила часть нашей хаты, к счастью, дом устоял. И я согласился, сам пошел к нему, — он говорил, опустив голову.

— Нас могут здесь подслушать.

— Вряд ли, к тому же начало темнеть. Сюда мало кто заходит, а тем более в такое время, — он покачивает головой. — Мне было сказано брать травы у этой ведьмы...

— Ты знал, что это?

— Да, мне перед этим сказали о благе для князя и княжества, — он опять ненадолго замолкает. — Также сказали, чтоб сам не делал, а отдавал служанке: так незаметнее.

— О времени что-то приказано было конкретное?

— Нужно подсыпать, когда они едят вместе. Но я не всегда знал, когда это будет. Так что мальчишка с кухни прибежал ко мне. Я могу оставить его имя в тайне? — дождавшись утвердительного кивка Деяна он продолжил. — Я давал ей трав на один раз, мало ли ей что придет в голову. Или найдут у нее. Дальше вы и сами знаете.

Как странно, но этот рассказ злодея растрогал Деяна гораздо больше, чем история о сироте отца-колдуна. Может, дело в глазах, в которых застыла смесь стыда, печали и шепотка страха.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вас защитить от гнева князя. Да и вряд ли он рассердится на обычных слуг.

— Спасибо, — слова застыли, он хочет сказать что-то еще, но не может.

Деян сидит на кровати у себя в покоях. Усталость накатывает, но разум лихорадочно работает. Он уже не хочет, чтобы князь знал об этих слугах, что помогли Путимиру за копейки для семьи. Но как тогда доказать Самбору? На ум приходит княжна, но что может она? Тем более Самбору не стоит знать об участии Миланы в этом.

На этот раз он может раздеться, а не спит в одежде, что гораздо удобнее. Но он бредит, а ночью дрожит и просыпается от холода. Он моется в темноте холодной водой, обливаясь водой из ведра. От этого дрожь усиливается, но от ощущения чистоты становится легче. Он натягивает одежду, постепенно согревается, тем не менее голова раскалывается от боли. Он вспоминает Ратко, влюбленного Самбора, безнаказанную Милану, хитрого Путимира и княжну...

Что может она? Почему он опять думает о ней? Не уж-то чутье подсказывает?

Он ждет рассвета и хочет найти девочку, однако она сама приходит. Лана робко стучится в дверь.

— Я как раз тебя вспомнил, — говорит, открыв дверь.

— Есть новости?

— Об этом я и хотел поговорить, — и он пересказывает происшествия последних двух дней. — Но я не хочу, чтоб их наказали.

— Как же тогда доказать Самбору? — удивляется Лана и невольно начинает качаться на стуле.

Деян, облокотившись на выступ стены, с тоской отвечает:

— Не знаю.

Они молчат несколько минут, в раздумьях Лана подкладывает под голову сложенные вместе ладони, а Деян обнимает себя руками.

— У него ни жены, ни детей...

— А он делал что-то, о чем Самбору лучше не знать? — внезапно спрашивает Лана.

— Что? Дайка подумать. Да, я обнаружил, что он вместе с предыдущим казначеем воровал у купцов, причем и при Самборе пытался. Со мной не получилось так, но я не стал докладывать князю.

— Надо жуть как напугать Путимира насчет приворота, рассказать Самбору о краже и уговорить спросить об этом Путимира. Но так, чтобы Путимир думал, что князь знает с привороте. И напуганный Путимир обо всем расскажет.

— Как просто.

— В деталях все сложно.

— Ты же хорошо стреляешь из лука, — то ли спросил, то ли подтвердил Деян.

Так они начали запугивание Путимира, которое вскоре выльется в интересные события.

Но началось все вечером.

Лана уже была под окном десницы, когда солнце садилось, окрашивая небо в пастельные тона. Деян долго себя ждать не заставил и нес в руках букет засушенных цветов.

— Что это еще такое?

— То, что ты привяжешь к стреле, а потом стреляй немного выше окна.

— А он точно сейчас там?

— В это время он обычно у себя читает.

— А если не заметит?

— По звуку поймет, но если не удастся, то мы немного потеряем.

Они отходят дальше, чтобы княжна могла прицелиться и было, где скрыться. Лана привязывает слабо букет к стреле.

— Не упадет, не долетев?

— Если я все правильно сделаю, букетик упадет прямо на подоконник.

Она натягивает тетиву и отпускает стрелу, та попадает в цель, и букетик летит на подоконник.

— Ложись, — тянет ее Деян, и они укрываются в зарослях.

Путимир открывает ставни и удивленно озирается, замечает букетик, берет в руки и крутит, затем поднимает взгляд наверх и видит стрелу, лицо его искажается страхом, и он захлопывает ставни, выбросив букет.

— Завтра я с ним немного побеседую, — шепчет Деян, выждав несколько минут.

— Мне уже интересно, — улыбается Лана.

Они расходятся, подождав еще немного времени, солнце садится уже сильно. Деян утром встретил Путимира и, сделав совершенно невозмутимое лицо, спросит спокойно:

— А князя вы не боитесь?

— Что? — изумился тот. — Да это вы вчера стреляли!

— Лук — оружие трусов. А боги иногда стреляют в тех, кем недовольны и весьма метко.

Путимир немного побелел и повернулся в обратную сторону, совершенно забыв, куда направлялся. Деян тоже повернулся, но довольный собой и обрадованный поведением собеседника. Вечером, того же дня, он отправляет мальчишку к деснице. Он вкладывает монетку в правую руку, а в левую мешочек. Монетку мальчик ловко прячет в одеянии.

— Отнеси Путимиру. Это подарок богов.

Мальчик быстро бежит к деснице, который недалеко отсюда, но при этом не видел происходящего. В особенности Деяна в черной накидке.

— Господин, вам передали это, — мальчик протягивает мешочек, который старик забирает.

— Кто его дал тебе?

— Человек в черной накидке и маске на лице. Он сказал, что это подарок богов.

— Иди скорее отсюда.

Путимир с дрожью разворачивает мешочек, высыпает горстку трав. Его раскрыли. Что же это? Неужели Деян все понял, а обман не удался?

Он спал и без того тревожно, боясь и Самбора, и Милану, но в эту ночь он и вовсе не мог уснуть. Он не крепко уснул к утру, а, услышав тихое пробуждение дома, сразу вскочил. Словно бы на зло ему первым встреченным за день человеком окажется Милана, которая решит спросить:

— Что же с Деяном?

— Мне кажется, он скоро доложит все князю.

— Значит, нужно его убрать.

— Как?!

— Подумайте сами, — недовольно ответила княгиня и погладила живот, который уже стал увеличиваться и округляться.

Но на этом поганая семейка его не оставила, ведь очередь пугать наступила у княжны. Поэтому она с улыбочкой на лице подкралась за спиной у главы совета, от чего он пугается:

— Вы видели княгиню? Уже и животик виден, — играет умиление девочка. — Наверняка мой брат будет замечательным, потому что родится от такой любви.

— Что же вы, княжна хотите? Совет какой хотите? — он говорит не грубо, но напряженно. Стариковские нервы, совсем расшатанные от долгой службы, танцевали сейчас дикие пляски в голове.

— Может, травы какие-то нужны для малыша или матери?

— Что? — оторопел.

— Говорят, в городе появилась очень сильная ведьма, уж она-то должна знать.

— Не знаю я! Не знаю!

— Вам бы отдохнуть, совсем разнервничались, — ласкового глаголет Лана.

Путимир лишь кивает и спешит обратиться от княжны подальше, он надеется, что этот день скоро кончится. Но и ночью нет покоя: Деян постарался! Он рассыпает прямо перед дверью старика сушеные, с трудом найденные листья, и в черном плаще громко расхаживает. Он рассчитывает на суеверность Путимира, но все же опасается, как бы старик не додумался открыть дверь и посмотреть.

— Вряд ли хватит смелости, — думает Деян.

Он ходит с силой нажимая на пол на так, чтобы листья шелестели максимально громко.

— А если старик крепко спит? — нервничает, но сам себя успокаивает. — Да разве крепко спят старики? Они и вовсе могут не спать.

Деян действительно оказался прав. Путимир только заснул, а от шелеста проснулся почти мгновенно. Он отчетливо слышит шелест и шорох, словно кто-то ходит по сухим листьям. Но откуда зимой листья? Он садится на кровати и вслушивается в звуки, они очень отчетливые, словно где-то рядом. Старик все же сидит несколько минут, а потом поднимается и идет к окну, он распахивает створки окна, отчего становится еще холодней — ничего. Он захлопывает створку и слышит опять этот звук. За дверью?

Старик медленно приближается к двери и прикладывает ухо, он слышит, как шаги постепенно затихают. Он резко распахивает дверь — там лежат только листья на полу, а вокруг никого. Путимир хлопает дверь, он ложится в кровать. Ему страшно, очень страшно: он прогневал богов.

Деяну было тоже страшно, особенно когда он услышал открывающуюся дверь. Ему чутье подсказало уйти в нужное время. Он услышал, сильное хлопанье и понял, что пора уходить. Но все равно, если б не черный плащ, Путимир его бы заметил. Когда дверь открылась, он даже не успел спрятаться за поворот. Но даже теперь, хлопнув за собой дверь собственных покоев, он не чувствовал себя спокойным. Что если Самбор не поверит? Он мог отослать Лану к Рогволоду, а Деяна убить. Но он отогнал эти мысли и смог уснуть.

— Мне нужен мешок листьев, — сказала ему на следующее утро княжна.

— Вот где мне его тебе достать? Зачем он тебе?

— Во-первых, там же, где и себе достал. А во-вторых, я хочу ему высыпать прямо на голову.

— Ты хоть понимаешь, как достать мешок листьев зимой? Это ж не сено, которое запасают. Да и как вообще можно высыпать прямо на голову?!

— Последнее оставь на меня. А травы? — а потом она серьезно добавляет. — Отступим сейчас, мы слишком много потеряем. Если все получится, ты возглавишь совет.

— Я об этом не думал. Я не рвусь к власти в отличие от твоей семьи, Лана, — с горечью отвечает он. — Но достану тебе мешок.

— Прости меня, — она опускает голову и уходит.

Деян, правда, не думал о таком исходе, конечно, Самбор не оставит Путимира во главе совета, в худшем случае и в живых не оставит. Теперь же Деян представил, как выглядел в глазах Ланы, а может, и Самбора. Но он заставил себя не думать об этом, а заняться делом.

Деян идет к одной из дам, принадлежащей к слою старой прислуги, которая работала еще на отца Миланы. Эта старушка за хорошую плату найдет ему еще листьев. Когда он ее замечает, она с грохотом переставляет посуду и с не меньшим шумом покрикивает на девушек. Как только она видит Деяна она бросает работу, выпрямляется и отряхивает, как можно, грязь с одежды.

— Хорошо все выполнила? — улыбается старушка.

— Да, бабушка. Но мне... — он замолкает, пока старуха жестом не прогоняет девушек. — Но мне нужен еще один мешок.

— За такую плату я еще и третий найду.

— Я не сомневаюсь в вас, — Деян абсолютно серьезен.

— Когда нужен?

— Чем раньше, тем лучше.

— Вечно вы, молодежь, спешите.

Деян и поспешил, он уже не чувствовал себя больным, даже напротив, несмотря на то, что почти не ел последние дни. Даже Самбор, когда увидел Деяна, взглянув, как всегда, внимательно, просто сказал:

— Мне нужно, чтоб ты ....

Деян помнил хорошо, какой малоподвижный был казначей до него, как много он скидывал на своих подчиненных. Впрочем, весь тогда совет был такой подобно умершему князю. Даже Милана не могла влить энергию. Но совет и не нужен ей был, он был лишь прикрытием для ее власти. С Самбором же потекла жизнь бурно и быстро, у него для любого нашлось дело. И Деяну это было по душе, но мысли опять вернулись к словам Ланы: “ты возглавишь совет”.

Старуха приносит мешок, пожалуй, больше прежнего. Деян отсыпает горстку мелких монет, старуха все также улыбается. Деян ждет, когда она уйдет и несет мешок Лане — странное занятие. К счастью, он никого не встречает и благополучно триумфально вручает Лане мешок.

— Когда ты скажешь Самбору?

— Если ты его хорошо напугаешь, то послезавтра. Старика, видно, совесть мучала нормально. Мы ему лишь помогли.

Лана кивает и на этом их встреча заканчивается. Девочка волнуется насчет завтрашнего запугивания. Ей страшно, а следующий день она не запомнит почти, особенно вечер.

Путимир по старости годам требовал, чтобы еду ему приносили всегда в покои в строго

определенное время. Этим и воспользовалась княжна. Она идет за служанкой, сжимая мешочек со снотворными травами, который взяла в кладовой. Девочка останавливает служанку с подносом.

— Постой. Нужно было насыпать лекарство. Неужели тебе никто не сказал?

Служанка отрицательно качает головой. Лана говорит так уверенно, что девушка совершенно не задается вопросами и покорно ждет, пока княжна высыплет содержимое мешочка.

— Можешь идти. И не подавай виду, что забыла.

Теперь княжне осталось ждать, она переодевается в мальчишескую одежду, которую часто надевает для стрельбы из лука. За окнами темнеет. Но она ждет, кажется, бесконечно ждет. Затем она выходит из покоев, а потом наружу. Девочка тащит мешок на спине, она уже знает, где покои Путимира, и направляется к его окну.

Дверь старик запирает постоянно, даже днем мог, а вот ставни — никогда, а то и на распашку оставлял: высоко все-таки окно, поэтому он не боялся. Лана чувствует дикий холод через тонкую рубашку, но сейчас ей лишний вес не нужен. Девочка подходит к стене и начинает взбираться, медленно цепляется, обдирая кожу с кончиков пальцев, за каждую доску. Дело идет далеко не быстро, а сердце бьется от страха уже сильно. Вот они — ставни. Девочка открывает и неспешно, тихо залазит. Она маленькая, но листья замедляют ее. Лана боится, что старик проснется, хоть и она дала снотворное. Поэтому она спешит. Девочка высыпает листья и складывает их в порядке.

Через несколько минут готово. Она выложила слово.

“Покайся”

Девочка забирает мешок, вылезает из окна и прикрывает ставни, опять медленно спускается и выдыхает с облегчением, оказавшись на земле. Он обязательно испугается!

На утро она проснется совсем разбитая от того, что ее будит старая нянька. И княжна и позавтракать не смогла, несмотря на ворчания няньки. Уж больно хочется узнать, что же там с Путимиром. Деян, радостный и бодрый, врывается к ней в покои, чем вызывает очередную волну ворчания няньки. Княжна просит ее уйти, та уходит, но не перестает ворчать.

— Путимир в таком ужасе! — в восторге Деян. — Что ты сделала?

— Я забралась к нему через окно...

— Что?! Ты же знаешь, что он спит настороженнее волка?

— Я подсыпала снотворные травы.

— Вот в чем дело. Он считает, что его усыпили боги ночью.

— Тогда ты знаешь, что я сделала? — прищуривается не понимающе Лана.

— Нет, — улыбается Деян. — Он носится испуганный. Он схватил меня и начал трясти за плечи, затем рассказал, как боги его усыпили. А еще сказал, что меня накажут вместе с ним. По ходу готов уже.

— Я выложила слово из этих листьев, что ты мне дал, у него на полу.

— Какое слово? — он перестал улыбаться.

— Покайся.

— Как хорошо, что он не проснулся. Ты очень рисковала, но это очень умно. Я поговорю сегодня с Самбором.

Княжне теперь опять приходится ждать, надеясь на Деяна.

Деяну же не везло, сразу его отвлекал все подряд, затем он не мог найти Самбора, а потом поговорить с ним наедине. Но когда они остались вдвоем, он понял, что делает все не

так и к тому же не умело.

— Я хотел бы обсудить один вопрос.

— Какой же?

— Насчет Путимира.

— Ябедничать, кажись, ты не привык.

— Действительно, — разозлился на себя Деян, хотя Самбору злость не выдал. — Не придется. Путимир воровал к себе в карман при предыдущем князе, а при вас продолжил.

— И? — Самбор был явно разочарован. — Деян, зачем мне это знать? Разберись, ты же казначей.

— Путимир все же прекрасно служил этому дому. Мне кажется, вам следовало бы поговорить с ним, — робко заявляет Деян и добавляет: — мягко.

— Надеюсь, что мы оба об этом не пожалеем.

Самбор встает, неприятно удивленный, еще не ведающий правды, и говорит:

— А впрочем пойдешь со мной.

Деян нервно сглатывает и кивает. Сердце с шумом гоняет кровь. Момент развязки настал. Они идут вдвоем в полном молчании, и даже, когда заходят в покои Путимира Самбор его не нарушает. Он садится на стул, скрещивает руки на груди и вопросительно глядит на Деяна. А Путимир уже побледнел и дрожит.

— Князь хочет, чтоб ты ему во всем признался чистосердечно, — голос, к счастью, не дрогнул.

Деян и Путимир взглянули на холодного Самбора. Только для второго это стало последней каплей. Он бросается на колени и в мольбе складывает руки, лицо изменяется от страха, капелька пота скатывается по лицу, а губы дрожат.

— Простите меня, князь, я не сам. Меня княгиня Милана подговорила.

— Не смей оговаривать княгиню, — властно отрезает Деян

На лице старика мелькает понимание, и он рассказывает о том, как поил князя и княгиню приворотными травами, не указывая на участие Миланы.

— Кто тебе помогал? — холодно спрашивает князь.

— Не стоит их наказывать, — вмешивается вновь Деян. — Она и не понимали, что делают.

Самбор молчит, взгляд его леденеет. Он уже и сам стал подозревать правоту Ланы, поскольку влюбленность его слабела с каждым днем, а потому настроение было подавленное.

— Ты сядешь в темницу, — наконец говорит он. — Тебя не будут кормить, ни поить. Посмотрим, сколько ты вытерпишь.

— Смилуйте! Прошу!

— Деян, позови, пожалуйста, стражу.

Деян быстро возвращается и передает приказание князя. Путимир не кричит, а плачет. Он обмякает в крепких руках, его чуть ли не несут.

— Не слишком ли это строго для старика? — спрашивает Деян, когда процессия удаляется.

— Он обманул меня. Хватит. У меня и так гадко на душе. Почему ты прямо не сказал, а устроил представление?

— Чтобы вы сами убедились.

— А слуги?

— Они обычные бедняки. Я прошу вас не наказывать их.

— Ты слишком добр. Знаешь, что случилось с Ярополком?

— Догадываюсь.

— А вот Милана узнала! От кого же?!

— Думаю, от кого-то из дружинников.

— Займись ими.

— Я считаю монеты.

— Больше нет. Теперь ты глава совета. И будь серьезней.

Самбор быстро выходит, оставляя растерянного Деяна. Князь просто в бешенстве, отчего его зрение падает сильнее. Он уже давно заметил, что видит хуже, когда злится или устал. Он с трудом замечает княжну, которая направляется к Деяну.

Даже она знала!

Самбор вспоминает сегодняшний разговор с Миланой. Как же он ослеп от любви. Милана все еще хочет власти. Он видит ее лицо, бледное и красивое, но не видит, что впереди.

Лана говорит с матерью уверенно, хотя предпочла, чтобы с ней был рядом Деян:

— Я знаю, что это ты подговорила Путимира. Теперь по твоей вине старик умрет в темноте от голода и жажды.

— Да что ты знаешь?! Как смеешь меня обвинять?!

— Нельзя тебе волноваться, мама. Ты все-таки беременна. Это теперь твоя главная защита.

— Мерзавка! Не смей так со мной говорить!

Милана вытягивает руки вперед, чтобы схватить дочь, но та уворачивается, и княгиня падает на колени.

— Осторожнее, мама, — замечает Лана. — Знала, что Деян теперь десница? Мне все-таки до сих пор интересно, зачем вы использовали временный приворот?

Милана закрывает лицо руками... и плачет на глазах у дочери. Вот это пугает Лану до чертиков, и она оставляет мать одну, больше ничего не сказав. Девочка пересказывает все Деяну, у того это не вызывает радость победы, даже удовлетворение.

— Милана хотела, чтоб ее Самбор сослал, когда все закончится. Вот и ответ на твой вопрос.

Старик сидит на коленях, он уже плохо осознает происходящее. Все кажется таким далеким, словно происходит не с ним, разум затуманился от недостатка воды. Руки, покоящиеся на коленях, дрожат. Старик беспрестанно бормочет обращения к богам, он шептал, пока мог, пока уста его не закрылись навсегда, а тело не свалилось на голый и холодный пол. Он умер с открытыми глазами и неизвестно куда тянувшимися руками, а кругом темно и тихо.

Нас было у отца трое, я самый младший. Я всегда уважал своего старшего брата, даже несмотря на то, что он сделал. Я его прекрасно понимаю, тем более что мать наша была совершенно безвольным человеком. Она была второй женой отца. Первая была настолько своенравна, что сбежала с любовником через год после женитьбы с нашим отцом. Отец этого очень стыдился. Хотя все его уважали и давно забыли эту историю.

Так что мы надеялись на любовь отца...

Он ее дал лишь своему второму сыну, но не нам. Так что я понимал, почему они все время сорились. В одну из сор мой старший брат просто взял камень и со всей силы ударил по любимцу отца. Я не осуждаю его, я и сам завидовал до жути. Так что когда я искал помощь и бежал, я обратился именно к брату. Но все зря. Я потерял и дом, и любимую.

Она сидит, опираясь спиной о дерево, на летней траве. Она знает, что выпачкается сильно, но ее это не беспокоит. Она видит, как бежит к ней ее трехлетний брат в сопровождении молодой няньки, которую Самбор явно выбирал не только для сына. Княжна встает, старательно отряхивается. Впрочем, это ей никак не помогает. Она обнимает брата, и тот ей сильно рад.

— Сестленка, почему ты здесь сидишь? — малыш еще плохо выговаривает букву р, но говорит шустро.

— Потому что здесь солнечно, — Лана поднимает руку, указывая на солнце. — Беги! Я догоняю!

Мальчик и не знал своей матери. К своему же счастью. Тем не менее его это пока не сильно волновало. Его Милана тоже возненавидела. Она ненавидела то, как поправилась, не терпела, зная, что это приближает роды. Но, когда она увидела этот родившийся комочек, она не почувствовала ничего, кроме раздражения. Милана была рада поскорее уехать отсюда, тем более что прежние отношения Самбора вернулись. И она уехала в небольшой городок, который выбрал для нее Самбор. И здесь она чувствовала себя гораздо вольнее и спокойнее, ни о ком и ни о чем не волнуясь.

Дети росли под заботами нянек, руководством Самбора и искренне любили князя. Самбор не особо скучал по Милане, заведя за почти четыре года два объекта любви — одна другой симпатичнее. Но ни та, ни другая не родила ему ребенка, что как бы устраивало князя. Хотя Деян подозревал, что девушек опаивали, чтоб они не забеременели.

Княжну к ее мужу отправляли, хотя та больше проводила времени со старым Рогволодом, чем с женихом. Но обоих подростков это устраивало, а взрослые не вмешивались. Тем более что Лана за последнее время резко выросла в отличие от своего супруга, который рос еле и в свои четырнадцать лет был едва выше Ланы. Из крепкого мальчика он превращался в болезненного юношу. Это, пожалуй, не могло не напрягать Самбора: мальчишка долго не проживет. Вот почему никто не настаивал на вступление настоящего брака до шестнадцатилетия юноши. Так что у Ланы впереди было 2 года, может, и больше даже...

Самбор поглядел из окна на играющих детей, Деян заметил задумчивость князя, который сильно отвлекался.

— Тебя что-то беспокоит?

— Как бы не пришлось играть заново свадьбу Ланы.

— Вести, и правда, доходят не обнадеживающие. Впрочем, главная цель этого союза достигнута: между нашими княжествами мир.

— Ты прав. Времени хватает. Так что опять устроили вчера дружинники?

Самбор слушает историю об очередном происшествии по вине пьяных дружинников с неудовольствием.

— Теперь я точно уверен, что хочу сменить воеводу, — Самбор задумывается, — пусть это будет Безсон.

— Хорошо.

Самбор снова отвлекается, и Деян, не выдержав, предлагает на этом закончить.

— Разберемся с остальным завтра на совете, — отвечает Самбор.

Князь встает со стула Деяна и его же стола, освобождая место хозяину покоев. Хотя стоит заметить, что здесь Самбор был в любых покоях дома.

Княжеская семья, видно, решила истерзать Деяна: через пару минут появилась Лана. Девушка села также, как у себя, но хотя бы не на место Деяна.

— Что же ты хочешь сегодня, Лана? — прижмурившись, спросил мужчина.

Девушка поставила локти на стол и подперла сложенными в замок руками подбородок. Она несколько минут молчит, а потом решившись выговаривает:

— Что случилось с Ярополком?

— По-моему, мы это уже обсуждали, — Деян отводит взгляд. — Даже их отношения с княгиней. Не думаю, что мои разглагольствования понравились Самбору.

— Я помню Ярополка. Он был не из тех людей, что легко забывали других людей, — она делает паузу, ожидая реакцию Деяна, но ничего не увидев, продолжила. — Самбор его убил? Да?

— Не все так просто, — он смотрит прямо в зеленые глаза княжны.

— Но это правда. Ярополк был против. Я же ни в чем не виню князя. Это было нужно.

— Ты сама до этого додумываешься? — в ответ девушка улыбается.

В дверь стучат, и появляется дружинник. Дружинник, невысокий, коренастый мужчина лет 35 с непропорциональными чертами лица, серыми глазами и русыми волосами.

— Господин, к вам просится неизвестный, хочет заключить какое-то дело, — рассказывает глухой голос.

— Ладно, — растерялся, — веди его ко мне, но не спеши.

Дружинник выходит, а Деян пристально смотрит на Лану.

— Я залезу в шкаф, — отвечает она на взгляд.

Деян закатывает глаза: эта семейка его доведет. Но он кивает, и Лана залазит в шкаф, который словно для этого и нужен. Там почти ничего нет, так что Лане с ее длинными ногами очень удобно. Не хватает только света. Залезла она вовремя, она услышала, как открывается дверь, а затем приветствие. По шагам она понимает, что Деян ведет посетителя к столу. Неизвестный заговаривает:

— Вы приветливы, раз разрешили мне войти, а значит, еще и милостивы, — голос чересчур сладок и скрипуч.

— Мне передали, что вы хотите провести некое дело, — холодно отвечает Деян.

— Да-да, вы человек дела. Ваше имя вам подходит, — он делает паузу для интриги. — Я приехал от князя Мормагона.

Его имя значило: играющий со смертью. Кто это князь? Где его княжество?

— Известно мне имя.

Известное?

— Я рад, господи, — слащаво говорит неизвестный. — Но к делу, к делу.

Деян, наверное, уже бесится от манеры говорящего и его красноречия.

— У князя Самбора родился прекрасный сын. Правда, говорят, с женой у князя не все гладко, — грустная пауза. — А вот у князя Мормагона есть дочь готовая к замужеству, — он снова молчит. — А еще говорят, что княжне Лане не повезло с женихом. Бедная девочка, ей бы найти здорового жениха.

— Дайте угадаю. У князя Мормагона есть сын.

— Именно, блестяще. И нам бы хотелось...

— Чтобы я поговорил об этом с князем Самбором.

— Как приятно вести дело с таким понимающим человеком.

Лана замирает, ожидая ответа, которого, кажется, уже нет вечность.

— Как видите, я молод, очень молод для десницы. Но князь выбрал меня благодаря некоторым моим качествам. Например, открытость, верность и честность, — Деян замолк, давая время собеседнику обдумать, а затем продолжил: — Так что все подобные предложения нам следует решать вместе с князем.

Лана расслабляется, она слышит, как посетитель уходит, Деян его не провожает, она несколько минут на всякий случай выжидает, пока Деян не открывает сам дверцы шкафа.

— Жаль, что я тебе позволил спрятаться. Извини, что тебе пришлось это выслушать, — он говорит искренне.

— Ничего, — она полусшепчет, полуговорит.

— Неужели ты боялась, что я соглашусь?

Длинные девичьи ноги вылазят из шкафа, но она все еще сидит внутри так, что торчат лишь ноги и нос.

— Что это за княжество?

— Такое маленькое, что не стоит испорченных отношений с Рогволодом.

— А князь Мормагон?

— Ходят слухи, что он очень жесток и даже проводит человеческие жертвы.

— Моя мать на похоронах... тогда...

— Твоя мать много чего делала, — отрезает Деян. — Самбор против этого.

Лана вылазит из укрытия, на прощание кивает головой. Она надеется, что неизвестного дружинники уже выпроводили, и она не столкнется с приезжим. Но ее разочарование было сильнейшим! Мало того, что она видит приезжего наглеца, так тот еще и пытается подкупить дружинника. Но вот способность Деяна выбирать людей удивила приятно.

— Я не могу, господин.

— Сколько ты хочешь? — спрашивает все тот же слащавый голос.

— Мне не нужны ваши деньги, — отрезает дружинник. — Господину Деяну ваше предложение не понравится.

Лана, которая стояла молча, чтоб ее не заметили, решает показаться. Она улыбается и говорит:

— Вы наш гость? Если это так, не скрывайтесь от хозяев. А если нет, тогда уходите.

Он пугается, что-то бормочет. Мужчина уже начал стареть, а лицо его словно собрано из деталей от множества других, все черты его не сочетаются друг с другом. Лана выдыхает с облегчением, когда этот необычный человек скрывается из виду.

***

Она дышит так свободно здесь, забыв все прошлые тревоги. Здесь ей так спокойно, она не боится за свою жизнь. Ей даже не нужно ничего решать — наслаждайся этой жизнью. При том к ней относятся с уважением, ведь она мать наследника, первенца князя.

Милана глядит на закат. Она ритмично расслабленно дышит. Она оборачивается и видит, как к ней приближается мужчина со стороны дома. По ярким рыжим волосам княгиня уже знает, кто это. Женщина продолжает стоять на месте в ожидании. Мужчина подходит совсем близко и, не глядя на Милану, просит:

— Княгиня, пойдёмте в дом: уже холодно.

— Но здесь так красиво, побудь немного со мной.

Он очень красив, никого красивее Милана ни разу не видела. У него короткие русые волосы, насыщенно синие большие глаза, обрамленные рядом длинных ресниц, слегка смуглое лицо покрывают веснушки, черты немного заостренные. Сам он высокий, тело гибкое и подтянутое, широкие плечи. Но самое приятное, что он явно не равнодушен к княгине. Глупо говорить, что ей это не нравилось. Ей это льстило.

— Сколько тебе лет, Ярослав?

— 22 года.

Значит, младше ее даже, а выглядит старше своих лет. Впрочем, это ничего. Но какой же он красивый. Самбор ведь не узнает, если быть аккуратной? Но если Самбор узнает, он точно убьет Ярослава. Однако же у нее тоже много шансов оказаться в могиле. Ребенка она ему родила, а надо будет другую найдет жену.

Но как же хочется!

Она ложится, распущенные волосы стелются по подушке. Глаза открыты, но ничего не видят. Тело накрывает тепло, а сердце бешено бьется от волнения.

Рискнуть? Или нет?

Она встает, не в первой ведь так. Только в прошлый раз, все было законно, но сейчас даже интереснее. Куда идти она хорошо знает. Но перед дверью она на минуту замирает. Тишина. Тишина. Стук! Стук! Стук! Открывает.

Он не спит, рядом стоит почти сгоревшая зажжённая свеча.

— Княгиня? — удивляется он.

— Тсс, — она прижимает указательный палец к губам.

Милана подходит ближе к растерянному мужчине. Она протягивает руку и гладит его по щеке. Он берет ее за ладонь, тянет к себе, забыв обо всех опасностях. Приятная дрожь охватывает обоих, и Милана больше не боится.

Теперь она лежит в темноте, рассматривая силуэт спящего рядом человека. Он так умиротворенно и мило спит.

Зачем она это сделала?

Она понимает, что это нужно прекратить. Руки сжимаются в кулаки, она берет с себя обещание больше не переходить эту границу. Ну и пусть она состарится в одиночестве и без любви. Впрочем, видно обещания она держать не умеет, и нарушает его буквально на следующую ночь. Она тешит свое самолюбие.

Все повторяется из ночи в ночь. Оба счастливы от их любви. Правда, княгиня понимает, что слухи скоро поползут. И тогда им не сдобровать. Она отдается своей новой страсти, не боясь теперь даже возможной смерти.

Она откидывает прядь русых волос с его лица, целует.

— Какой же ты красивый! — не перестает восхищаться Милана.

— Для меня ты прекраснее самого солнца, — он проводит большим пальцем по ее губам и целует.

***

Деян видит одного из своих доносчиков, тот определенно хочет что-то сказать. Так что Деян подходит к нему, оборванному старцу. Это старец прожил немало лет, но многое до сих пор знал и помнил. Деян еще ни разу не разочаровался в ценности вестей, к тому же они всегда подтверждались.

— Как вы знаете, я много, где странствую по нашим землям, — как всегда начал с предисловия, — а недавно я был в городе, который сильно понравился княгине Милане, — необычно быстро перешел к сути старец.

Деян уже остолбенел: он знал, что сейчас скажет старец, тот немного опоздал. К Деяну несколько дней поступала одна и та же история, но он отмалчивался, считая это клеветой. Но, видно, все же правда.

— Княгиня всегда умела любить. И она любила двух мужчин, пока они оба не исчезли из ее жизни. А теперь ее отправили совсем одну в неродной город, и свою грусть она утопила новой любовью к совсем неопытному мужчине, — он говорил не как обычный нищий, а как настоящий романтик- песняр.

— Как его зовут? — одной рукой Деян прячет бледное лицо, а другой отдает плату старцу в ладонь.

— Ярослав, — и старец скрывается среди работающих людей.

Деян уже слышит рассерженный скрежет зубов Самбора, видит слегка позеленевшее лицо. Самбор всегда себя контролировал и никогда не кричал во время гнева, но был жесток, и этого невозможно скрыть.

Деян слышит вдали бархатный голос друга, отдающего команды окружающим. Любит же он контролировать все! Деян идет на звук, но князя замечает не сразу. Правда, Самбор вряд ли заметил плутания, что Деяна расстроило: он уже заметил, что Самбор плохо видит вдали, и надеялся, что заметил только он.

Князь слышит окликнувшего его из-за спины Деяна и оборачивается, постепенно туман вырисовывается в знакомую фигуру, походку, а затем черты. Какой-то Деян сегодня странный, Самбор подходит навстречу.

— Мы можем поговорить наедине?

— Пойдем в мои покои.

— Мне пришло одно и тоже донесение от разных источников, — заговорил Деян, когда они остались вдвоем. — А сегодня об этом же мне сообщил мой самый надежный источник.

— И что же это? — Самбор скрестил пальцы.

— Милана опять взялась за старое. Она завела себе нового любовника, — он сказал достаточно спокойно.

— Я убью их обоих. Она не смеет меня позорить, — процедил князь.

— Подожди! Кроме слов, у меня нет доказательств.

— В любом случае, даже если это слухи, Милана для них повод, — Самбор задумчиво замолчал. — Если я не избавлюсь от этого мужчины, мой статус будет подорван. Кто он?

— Мы должны сразу убедиться.

— Ты опять за старое?! Зачем тогда шел ко мне, не убедившись? Ты сам знаешь, что это правда! Милану сколько не предупреждай, все равно не исправишь, — Самбор смотрит на свои руки, а затем вдруг говорит с искренней любовью, — Прости меня за мой дурной

характер. Только с тобой я могу быть полностью собой. Даже Лана не понимает меня так, как ты.

Самбор встает и обнимает Деяна, он словно готов расплакаться на плече у друга.

***

И все же...И все же...

Деян скачет на полном ходу вместе с небольшой группкой дружинников, их, включая его самого, шесть человек. Деян до сих пор поражен поступком Самбора. Тогда Самбор отправил Деяна к опальной княгине, разрешив самому выбрать судьбу для любовников. Он не может подвести друга! Мужчина судорожно сжимает поводья.

Группа отправилась днем, и теперь начало темнеть, когда они были почти у цели. Один из дружинников сообщил Деяну, что виднеется город. Деян помнил это место: он здесь был всего год назад для заключения одной сделки никак не связанной с Миланой. Правда, тогда все было гораздо спокойнее. Он хорошо запомнил терем, в который сейчас они направлялись. Деян замедлил ход так, чтобы к приезду порядком стемнело. Момент он выбрал прекрасный.

Всадники спешиваются, их, конечно, никто не встречает. Так что Деян оставляет лошадей со своими людьми, а двух дружинников берет с собой. Не успевают они зайти, как навстречу выбегает растерянный слуга.

— Мы вас не ждали, господин Деян, — как быстро к нему стали проявлять уважения со смесью трепета и страха, — поэтому ничего не приготовили.

— Если бы вы знали, что мы приедем, я б вас боялся. Ничего не нужно. Я хочу видеть княгиню Милану.

Слуга бледнеет и прям дрожит.

— Уже темно. Княгиня наверняка спит.

— В обморок не упади от страха. Княгиня никогда не ложится рано. Где она? — Деян совсем доводит бедного слугу своей властью.

Прибегает еще какая-то прислуга, но более мелкая, Деян жестом требует, чтобы толпа разошлась.

— Приведите княгиню, даже вместе с ним можно. Иначе будет хуже.

Все тот же слуга подзывает товарища-слугу, чтоб тот отвел Деяна в покои, пока он сам мужественно пойдет звать княгиню.

— И ее друга не забудь позвать, — насмешливо бросает Деян.

Ждать приходится достаточно, чтобы Деян подумал, что парочка сбежала. Но как? Снаружи его люди, да и куда они пойдут? Он себя успокаивал такими размышлениями.

— Мне кажется, слишком долго, — обращается он к слуге, что его и двух дружинников привел.

— Прошу еще немного подожд...

Он недоговорил, поскольку появилась прекрасная, величественная, высокомерная Милана вместе с не менее очаровательным мужчиной.

— Он почти со мной одного возраста, а я должен отдать приказ об его убийстве, — кольнула совесть у Деяна.

Спутники присаживаются на стулья напротив Деяна, происходит зрительная перепалка. Наконец, Милана подается вперед и, пытаясь казаться уверенной, говорит:

— А ты Деян неплохо устроился на службе.

— А ты, Милана, как и всегда, берешь от жизни все.

Милана немного удивилась такой мысли от Деяна, и они опять замолчали. Мужчина рядом с ней немного покраснел от волнения, но не трясся.

— Чего ты хочешь, Деян? — опять нарушила молчание Милана.

— Эти слухи правдивы?

— Какие еще слухи?

— Дура! — хочется крикнуть Деяну.

Она могла бы жить спокойно здесь и состариться, глядишь, и Самбора пережила бы.

— Вы хоть понимаете, что от меня зависит ваша судьба?

— Значит, нам повезло.

— Не зли меня, Милана. Вам есть что сказать, Ярослав?

Тот от неожиданности весь встрепенулся и словно воды в рот набрал, потом отрицательно качнул головой.

— Тогда можете идти, — Деян с силой выдохнул.

— А не совестно убивать его? — съязвила она, когда ее любовник вышел.

— А соблазнять его было не совестно? — парировал Деян. — Ты поедешь вместе со мной, и пусть Самбор уже думает. Правда, мне кажется, ты будешь жить там на правах пленницы. А пока мы не прибудем домой, только попробуй сбежать. Собирай свои вещи — утром едем.

Деян встает и зовет слугу, что стоит за дверью.

— Отведи княгиню в ее покои, — и обращаясь теперь еще к дружинникам. — А вы попеременно или вдвоем стойте на страже спокойствия княгини, — Деян не удержался от язвительности в приказе.

Четверка удаляется, но теперь Деяну нужно позаботиться, чтобы Милана не попыталась вылезти в окно (кто же знает, что у нее в голове). Деян, правда, не знает, какое окно принадлежит княгине, но это легко узнать. Мужчина подзывает второго слугу и спрашивает про окна. Слуга выводит Деяна наружу, с большой охотой показывает нужное окно. Здесь Деян на ночь ставит двух дружинников — теперь он почти спокоен. Он отправляет слугу подготовить для него покои, что тот быстро бежит выполнять, и за одного позаботиться о его людях.

Деян возвращается к своим людям, выбирает наружного, он отводит дружинника за локоть.

— Выполняй приказ тихо и желательно так, чтобы все обнаружилось, когда мы уедем, — тихо приказывает десница. — Ты знаешь, кто тебе нужен?

— Конечно. Княгиню не трогать?

— Именно.

— Не волнуйтесь, — собеседник совершенно спокоен. — Все будет словно он сбежал, струсив.

— Что-то это мне напоминает, — вздохнул.

— Пожалуй, — улыбается.

Только Деяну не легче от этой улыбки. Неужели и он теперь убийца? Он же отдал приказ, который будет исполнен превосходно этим опытным дружинником, который появился года 3 назад, но успел себя зарекомендовать. Деян заходит в указанные покои и опирается на первый попавшийся предмет. Его мучает вина. А что он сделает?

Помилуй он Ярослава, и тогда Самбор потеряет часть власти. Но Ярослав вряд ли также оценил ситуацию также...

Ярослав сидит, прислонившись спиной к двери на полу. Он надеется, что Милана постучит в дверь, и они сбегут. Но он знает, что ее охраняют. Почему же он так бессилён? Почему такой трус? Мужчина закрывает лицо руками.

Но вдруг он ощущает резонанс от звука: кто-то стучит. СТУК. СТУК. СТУК.

— Милана?

Но в ответ тишина. Ему стоило немного подождать, но, как и любого молодого человека, любовь раздумывать отучит. И он распахивает резко дверь. На пороге действительно Милана, странно раскрасневшаяся.

— Ты ведь готов бежать? — она берет его за ладонь и подгоняет несдержанным шепотом.

— Конечно, я собрал вещи.

Он хватается узелок с вещами и собирается бежать за Миланой, но она хватается его за руку.

— Куда ты? Снаружи люди Деяна, даже под моим окном. Нужно лезть через твоё окно.

Она протягивает ему веревку, которую Ярослав закрепляет. Ему, как ни странно, не страшно, и он без дрожи в руках завязывает узел.

— Я спущусь первым.

— Хорошо.

Он выбрасывает веревку и медленно спускается на землю, став на ноги, он осматривается. Ничего подозрительно нет, и он дергает веревку — можно спускаться Милане. Женщина это делает на диво легко и быстро оказывается внизу.

— Идем туда, — она указывает пальцем. — Там мои вещи и привязанные лошади.

Ярослав ступает в указанном Миланой направлении, он заходит в густоту деревьев. И чувствует чьи-то руки сзади, а затем внезапную боль в области шеи. Он хрипит и булькает. Милана подходит и смотрит на умирающего. Все меркнет перед глазами Ярослава, даже движущееся лицо Миланы.

Движущееся? Оно действительно менялось. Лицо стало казаться старше, глаза позеленели, а волосы окрасились в темный рыжий. Какое-то озорство появилось во взгляде, красота, свойственная Милане, растворилась, что компенсировалось необычной живостью лица.

— Избавься от тела.

— Конечно, госпожа, — он замолкает, а потом проявляет небольшую смелость: — Госпожа, не стоит ли вам привлечь к вашим планам Деяна? Он достаточно предан князю и умен.

— Он слишком добрый, — отмахнулась женщина. — По приезду тебе нужно будет рассыпать эти травы в комнате князя, — она передает мешочек.

— Это точно безопасно?

— Помни: никаких лишних вопросов, — игриво улыбается. — Но я отвечу так. Разве я могу желать своему сыну зла?

— Конечно, госпожа. Простите меня, — и он берет мешочек.

— Вот так.

Ведьма внимательно следит за тем, как мужчина оттаскивает тело вглубь. Под ее мрачное настроение начинается дождь и пролетает стая черных птиц. Она слишком долго ждала счастья для своего ребенка, пока он был укрыт у княжонка. Княжонок, суеверный старик, навешал кругом оберегов, поэтому ведьма была бессильна. Но теперь... теперь ее сын не просто бастард, он князь, и она ему поможет, она расчистит ему дорогу.

Дружинник копал ему быстрыми и ловкими движениями, намокшая земля способствовала работе. Он идет за телом и замирает— через тело переступила черная кошка. Заметила ведьма? Он оборачивается. Вроде, ничего, ведьма стоит спокойно сзади. И, несмотря на дурной знак, он поднимает тело, несет к яме и бросает вниз. Туда он кидает мешок с вещами умершего, а потом прячет все землей.

— Готово, госпожа, — он снова оборачивается, а ведьмы уже нет. Впрочем, он знает, что она найдет его, когда он будет нужен.

Он работал на ведьму уже много лет, даже когда оставался со своей семьёй у князя Рогволода. Он долго там пробыл, но, когда ведьма сказала уйти оттуда, он имитировал свою смерть с её помощью и уехал. Он оставил Ярополка и Изяслава. Он ни о чем не жалел, ведь с ведьмой в разы интереснее.

Деян этой ночью тоже не спал, чувствуя тревогу и стыд. На утро он не ест, проверяя все ли готовы. Когда Деян видит нужного дружинника, он не выдерживает и отворачивается. Ему дико стыдно и совестно. Милану без лишних разговоров он впахивает в самый центр посреди наездников. Посади он ее прямо перед собой на своей лошади, ему было бы спокойнее. Но не прилично же, хотя что может быть не прилично для этой женщины?

Деян седлает лошадь, последний раз окидывая взглядом поместье. Он обращает внимание на юную рыжеволосую девушку: что-то знакомое промелькнуло в ее повадках. Но что? Лана бы точно вспомнила. Вспомнить не получается, так что мужчина просто провожает взглядом юную лань.

Когда все спутники рассаживаются по коням, Деян подает знак двигаться. Как водится, дорога назад быстрее, что не стало исключением и сейчас. Но не стоит ли оттянуть встречу Миланы и Самбора? Стоит — решает Деян. Отдав коней, ведет княгиню окольными путями, где меньше людей. К счастью, они никого не встречают. Сейчас тепло, наверное, все снаружи. Деян запирает Милану у себя в покоях, убедившись в отсутствии колюще-режущих предметов и открытых створок окон. И уходит, но назло ему тут же попадается Самбор.

— Где Милана?

— Что же ответить?! — пугается Деян, но отвечает. — Мы только приехали, поэтому давайте немного отложим разговор.

— Нет, Деян! Не покрывай ее!

— Я запер ее в своих покоях.

— Которые за тобой? — теряется Самбор.

— Но тебе лучше немного успокоиться, — отвечает твердо и не сдвигается с места.

— Значит, зайдем вместе, — решает князь.

Деян смягчается под напором и неспешно отдвигается. Хотя, когда Самбор подается резко вперед, Деян придерживает его за плечо и сам открывает дверь. Милана сидит нервно, но с совершенно невинным лицом. Чуть ли не с любовным взглядом встречает мужа, отчего в Самборе гнев наоборот нарастает. Он внезапно жалеет, что не послушал Деяна, а тем более его раздражает само присутствие Деяна.

— Выйдем лучше.

Мужчины выходят и захлопывают дверь.

— И что мне с ней делать?

— Я распорядюсь, чтобы Милану заперли.

Деян оставляет Самбора одного, чтобы тот пришел в себя. Деян почему-то уверен, что Самбор не навредит Милане. И со спокойной душой уходит распорядиться на счет покоев.

Сделав это, он сразу же возвращается. Самбора уже нет...Деян ощупывает карманы в поисках ключа, но и его нет. Деян резко распахивает дверь, которая оказывается не запертой.

Там он находит обоих.

Самбор чувствовал лишь целенаправленный гнев, хотя четко все понимал и мог себя остановить. Но гнев копился много лет на отца, сестру, княжонка, слуг. Он приблизился к Милане спокойно, а она не ждала опасности будто бы, она испугалась лишь, когда Самбор протянул руки и обхватил тонкую женскую шею. Он надавил, и она начала бороться, ее глаза выпучены. Самбор гораздо сильнее, и на ее борьбу не обращает внимания. Мужчина отпускает хватку, как только все заканчивается. Деян как раз вовремя.

— Зачем? — вырывается у него.

Но Самбор выходит мимо молча, а потом, обернувшись, спрашивает:

— Объявить ее смерть?

— От простуды? — Деян мрачнеет, но если такова цена их дружбы, он будет платить ее и дальше.

— Мне нужно тебе в кое-чем признаться, — Самбор делает паузу. — Я натравил аспида на князя, а потом притворился героем.

— Теперь это не важно.

Они поднимают тело, закутывая в простынь. Самбор несет с необычной заботой тело и так они доходят до бывших покоев Миланы.

— Оставим на ночь, а утром объявим о долгой и страшной простуде. — все также мрачно предлагает Деян.

Самбор кладет Милану в кровать, как будто она спит. Они ни кем не замеченные уходят.

— Шкаф, — пронзает молнией Деян.

Она ведь вечно гуляет, могла узнать и про поездку и залезть в шкаф, чтобы увидеть мать. Про то, что у нее есть дубликат ключа, Деян давно знал. Неужели догадалась, что Деян спрячет Милану у себя? Но что толку?

Деян не хочет больше гадать, он открывает шкаф, конечно, никого. Она уже давно сбежала. А вдруг ничего она не видела, а Деян лишь зря волнуется? Но стоит ли рисковать? Лучше проверить.

В покоях ее нет, а служанка не видела ее несколько часов. Пошастав по замку, Деян не добивается результата, снаружи ничего тоже. Точно видела!

Деян вспоминает про любовь Ланы лазить на деревья, но как найти нужное? Деян ищет с самой густой кроной. Этим деревом оказывается старый дуб. Мужчина не зовет ее, а сразу залазит, уверенный в своей правоте.

Она сидит, поджав колени под себя (не самая безопасная поза для высокой девушки, чтобы сидеть на дереве). Он садится рядом, хотя ветки очень мешают.

— Лана, — он не знает, что сказать.

— Куда ты ездил?

— И что ты привез? — она поворачивает к нему лицо, усыпанное капельками слез. — Или вернее кого?

— Прости, Лана, меня, — плечи Деяна обмякли, голос стал еле слышным. — Хотя я знаю, что не заслужу прощения твоего, но я буду стараться.

— Не ты...убил моих...Милану. Мне не за что прощать тебя, — Лана кладет свою руку

на его и сильно сжимает. — Не говори Самбору о том, что я видела и слышала.

— Конечно.

Деян глядит на стекающую по лицу девушки слезу и, не выдержав, стирает ее тыльной стороной ладони.

— Тебя Самбор защитит. Он любит тебя, как дочь. Можешь не сомневаться. — Я знаю, — отвечает девушка. — Знаю!

***

Ее хоронили без слез и без радости. Просто паршиво было на душе. Не осталось больше никого, кто ее любил: все умерли. Даже ее престарелая няня. Впрочем, покойнице все равно. Да и разве не заслужила она того, загубив столько жизней? Но ее душе покой подарили.

Земля разлетается во все стороны, из тьмы вылазят зелено-синие руки, а за ними, подтянувшись на пальцах, тело. Человека, которому оно принадлежало, еще можно узнать. Следы разложения уже заметно тронули недавно прекрасное лицо. Разум едва теплился в голове новоиспеченного упыря. Он помнил лишь одно: лица своих убийц. Он запомнил эти рыжие волосы, эти руки, что держали. Он обязательно найдет их и отомстит. Но пока он только проснулся, и вокруг все тихо, светит луна. Упирь поднимается из ямы, не заботясь о скрытности в отличие от людей. Он мотает появившимся хвостом, он жаждет мести.

Глава 8

Раньше мне часто снился один и тот же сон, потом он прекратился также внезапно, как и возник. Мне снилась странная тварь со множеством голов. Я пытался их рубить, но на месте одной срубленной одной вырастало две новых. А, когда я выдыхался из сил, на помощь ей приходил огромный рак. И вдвоем они убивали меня.

Но когда я встретил свою любовь, мне приснился этот же сон, но я уже знал, что делать. Когда вылез рак, я его в гневе раздавил. А головы я рубил, и тут же прижигал огнем. Так я срубил их все.

Рядом с княгиней я уже и забыл свой сон, это всего лишь кошмар, который я смог победить силой любви. Ведь я люблю ее больше своей жизни.

Щеки юноши пылали ярким болезненным румянцем, все тело горело. Он худел, постоянно худел, не желая есть. В себя он приходил редко последнее время, а когда вставал, уже и сам не помнил. Он закашлял, боль из груди напомнила о себе. Он привстал, сегодня он почувствовал странную ясность в голове. Медленно юноша начал вставать. Как же слабы стали его ноги! Он пошатнулся, но восстановил равновесие, оперевшись о стену.

— Я хочу видеть своего отца, — сказал юноша повелительным тоном испуганной служанке — княжич уже давно не поднимался.

Юноша вернулся к ложу и присел, слабость о себе давала знать ежесекундно, в глазах бегали разноцветные блики. Но он хотел поговорить с отцом, пока не обессилил опять. Отец, видно, удивленный состоянием сына, пришел очень быстро. Он, довольный, потрепал сына по волосам и обнял за плечи.

— Не радуйся, отец. Я хочу попрощаться со всеми, — голос тихий, но уверенный.

— Но тебе же стало лучше.

— Нет, — юноша качает головой, — Я не хочу тешить себя и вас надеждами.

— Хорошо. Пусть все понемногу к тебе заходят. Я передам твою просьбу твоему деду Рогволоду.

— Спасибо, — юноша призадумывается. — А еще я хочу, чтобы моя невеста тоже со мной простилась, если это возможно.

— Хорошо, — просто ответил вновь удивленный отец.

Лана приехала, как он просил, как только смогла. И как только гонец передал весть, она принялась собираться. Она справилась даже быстрее, чем гонец успел отдохнуть. Так что бедняге выдали свежего коня, на ходу накормили и отправили в путь. Добрались они, к счастью, быстро и как раз вовремя. Княжич держался из последних сил.

Лана прямо из седла, немного растрепанная, отправилась под присмотром старших к ложу больного. Она садится рядом, вкладывает свою загорелую ладонь в его худую и белую. Юноша судорожно сжимает руку и раскрывает свои ясные голубые глаза.

— Какая же ты красивая, — слабо прошептали его уста.

Глаза закрываются, хватка слабеет, а грудь перестает колыхаться совсем. Все смотрят на тело.

— Он не дышит, — наконец выговаривает княжна.

— И правда, — замечает Часлав, словно не заметил, как приготовился обед, а не умер его сын. — Пойдем, деточка.

Он выводит Лану из комнаты, держась за ее плечо.

— Идем, идем, — совсем по-своячески обращается с ней. — Чтоб и ты не заболела. Егс мать, моя вторая жена, умерла от того же. Я надеялся, что никто больше не заболеет, но заболел мой сын, — он немного помолчал трагично. — Но мы найдем тебе нового мужа. У нас много хороших сыновей.

Часлав все-таки был не из тех, кто долго горюет. А по его силе и энергии понятно, что он и третью жену в могилу сведет. Лана определенно была расстроена и поражена смертью юноши сильнее его отца.

Но что будет с ней? Выходить замуж за человека, который будет старше ее в два раза, она не хотела. Но она не знала, что решит Самбор. Забавно, но именно свое пожелание она первым сказала Самбору. Князь смотрит на это наивное лицо, зная, что его обладательница уже увязла в любви к мужчине, который не выгодная для них партия. Но Лана и сама это понимала, так даже больнее для нее же самой. Она не признается Самбору, думая, что он и вовсе не замечает ничего.

— Мы найдем тебе не только молодого, но и красивого, да еще и старшего сына. Не нужны нам больше эти потомки Рогволода, — они разговаривали на ходу, неспешно вышагивая по двору. — Совсем не выгодно это теперь: у него слишком много сыновей, а воевать мы уже не собираемся. Да и наше войско теперь сильнее — побоятся нападать первыми. Ты девушка умная. Сможешь при правильном обращении с мужем править княжеством, — Самбор все больше ускорял шаг, а потом воскликнул. — Решено! У князя Бронислава есть подходящий сын, Брячислав.

Лана с тоской и болью в сердце слушала монолог Самбора. У нее чуть слезы не полились от отчаяния, но она должна молчать. Она осознаёт, что никогда не будет с любимым: он беден, безроден, безземелен и старше на почти 12 лет (но разве это помеха для любви). Но самое главное, он равнодушен к ней.

На лице девушки можно было рассмотреть как черты матери, так и отца. От отца она унаследовала светлые волосы и зелено-голубые глаза. Лана была красива, как мать. Но красота ее была такой дикой, порочной, что становилось не по себе всем тем, кто видел ее впервые. К тому же, девушка была высокой, стройной, поэтому выглядела старше своих лет.

— Но я не хочу засылать сватов. Пусть они перед нами унизятся все, — внезапно заговорил Самбор после долгого молчания и, несмотря на смысл сказанного, совсем без гордыни. — Но как сделать так, чтобы они тебя увидели?

— Их нужно пригласить в честь шестилетия моего брата.

— Пир?

— Да, устроить пир. Князя обычно любят пиры, если их не зовут Самбор.

— Странные князя. Но идея хорошая, — задумывается. — Там могут быть и другие женихи... Пусть побьются за тебя...

Лана отворачивается, она надеется, что Самбор не заметит этого движения. Как же больно! Как же ужасно жить совсем рядом, но не иметь возможности любить друг друга.

— Ты гораздо красивее, чем думаешь, Лана. Остальное оставь на меня, тебе лишь нужно быть прекрасной, как и всегда, впрочем, — улыбнулся князь.

Самбор действительно сделал так, чтобы все узнали о пире. Он разослал гонцов в разные княжества. Гостей обещало быть много. Деян на это возмутился: его поражало, сколько же уйдет средств на такую бесполезную вещь. Самбор отмахнулся лишь на это да еще и сказал “лучше займись делом”. Деяна он считал своим другом, они уже многое повидали, но и княжну ему было не менее жаль. Он заваливал Деяна поручениями, зачастую

эта работа должна была исполняться другими, но Деян молчал.

— Неужели ты, правда, думаешь, что на пиру, организованного для твоего сына, найдется хороший жених? — язвительно заметил Деян одним вечером, когда он и Самбор сидели во дворе вдвоем.

— Я не думаю, я знаю. Она чересчур красива. И ты это знаешь даже лучше меня, — грустно как-то заметил Самбор.

Деян покраснел, он уже пожалел, что сам начал этот разговор. Было глупо полагать, что Самбор ничего не заметила, а работу подкидывал просто так.

— Я все прекрасно понимаю.

— Конечно. Но чем скорее выдадим ее замуж, тем лучше для вас обоих.

— Она не товар! — оскорбился Деян.

— Согласен. Поэтому пускай выбирает сама и получше.

Оба замолчали, а разговор, начавшийся с язвительности, закончился для друзей печалью на сердце. В любом случае подготовка к пиру началась, а гости постепенно съезжались. А главное, что Бронислав с сыном уже были в пути.

Брячислав любил и охоту, и веселье пира, а больше всего любил красивых девушек. Видно, его самое обычное лицо всегда искало красоту в других лицах. Он искал эту красоту в охоте, в роскошных хоробах, в женщинах. И нашел в прекрасной княжне...

Лана увидела Брячислава сразу издали, и он ей сразу не понравился. Она мгновенно узнала этот тип людей, к тому же, он слишком напоминал ей отца. Такие люди больше всего любили отдаваться праздности. Но она смутно чувствовала, что этот человек еще сыграет важную роль в ее жизни.

Но все же он красивее для нее в разы, про себя она уже давно перестала называть его по имени...

В день пира девушка проснулась от странной тревоги и необычайного чувства стыда. Как же хотелось это все прекратить, но назад дороги нет! Ей стыдно, что она сама предложила эту затею. Зачем? Как же больно!

Она встает на рассвете, весь день посвящая тому, чтобы быть “прекрасной”. Как забавно, что пир в честь брата создан для нее. Ее никто не тревожит целый день, лишь в полдень она спускается, когда все полностью собрались.

Хорошая погода позволила накрыть столы снаружи. И Лана идет через всю толпу гостей, которая расступается перед ней. Девушка неспешно идет к главному столу, садясь подле Самбор, ведь князь так и не женился. А Самбор ее только сейчас и смог заметить.

Девушка готовилась медленно, невероятно медленно, растягивая время. И теперь она кажется идеальной. Ее длинные, густые, светлые волосы распущены, они лежат немного небрежно, что, конечно, сделано специально. Надела она белоснежную рубашку до колен, украшенную вышивкой, и длинную светло-коричневую юбку. Из украшений она выбрала бусы и металлический обруч из бронзовых колец.

Самбор одет просто, но аккуратно, выделялся только накинутый зеленый плащ.

— Наверняка, что не затмить меня, — усмехается Лана. — Хотя князь все еще желанный жених.

Она посмотрела на его руки, и воспоминания прямо захлестнули ее. Этими руками он задушил ее мать! По спине пробежал холодок, но она говорит себе: “Мать погубила похоть, она никого не любила”. Но это ее не успокаивает: она вспоминает судьбу Путимира. “Его погубила жадность. Но Ярополк? Ярослав? Что их погубило? Слабость, неспособности

бороться, уныние?”

— Лана, ты совсем грустная.

И этими руками он всегда гладил ее по макушке, так что она улыбается в ответ и идет танцевать. Девушка отгоняет мысли о прошлом, и вскоре ее мысли это лишь рассуждения о партнерах. Но они не он, ей скучно от них.

Самодовольный Брячислав весь вечер ходил вокруг княжны петухом, стараясь отгонять от нее других кавалеров. И все шептал с восторгом:

— Княжна! Да еще и как красива!

Ему было восемнадцать лет. Высокий, широкий в плечах (для любой девушки уже завидный жених, а еще и будущий князь). Светлые водянистые глаза его вечно бегали, а русые волосы были растрепаны. Длинными сильными руками он тянулся до всего, что мог достать, а потом рассмотрев, ставил вечно рядом с местом, где взял, но не там, где нужно. Он широко улыбался Лане, обнажая ровные слегка желтоватые зубы.

Княжна уже не сомневалась в исходе задуманного, но волновалась из-за сыновей Рогволода, не воспримут ли они это как оскорбления?

Деян подкрадывается из-за спины к Самбору, выбрав подходящий момент, и шепчет:

— Как бы этот Брячислав не выкрал княжну.

Самбор, ничуть не удивившись (видно, Деян не в первые подкрадывается так) отвечает:

— У его отца кишка тонка для этого. Он побоится меня.

— У отца, но сын совсем другое дело.

— Хорошо. Я распоряджусь, чтобы усилили защиту.

— Вопрос в том, чего хочет Лана? Быть может, так будет лучше.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы можем заключить выгодный союз, избежав неудобных вопросов, а то чего похуже нападок со стороны воинственных Рогволодов.

— Поговори с Ланой, хотя я не уверен. Но замысел мне нравится.

Деян также незаметно исчезает, как и появился. Он уходит в сторону подальше от пира. Мужчина внимательно высматривает княжну в толпе, но не может найти. Внезапно слышит знакомый девичий голос:

— Я заметила тебя, — голос хоть и весел, Деян замечает нотки грусти. — Я хочу кое-что сказать.

Она ненадолго замолкает, но, кажется, что она не заговорит.

— Мне кажется, Брячислав хочет выкрасть меня, — неуверенно начинает девушка.

— Вопрос в том, чего хочешь ты. Скажи ты хоть слово, и тебе создадут такую защиту, что и боги не доберутся. Но...

— Так ведь лучше?

— Для кого?

— Будь, что будет, — спокойно отмахивается она. Она уже жалеет, что начала говорить.

Деян полагает, что это и есть ответ, мол, одурманила она этого юношу, у нее на коротком поводке он. Он не видит страха, возможно, детского и бессмысленного. Он не замечает ничего страшного, хотя оба волнуются.

— Деян, — Лана подходит ближе, а все ее лицо выражает встревоженность, — мне надо признаться сейчас. Я не знаю, что будет потом, сколько еще я буду жить. — она собирается с мыслями, глубоко вздыхает, а потом выпаливает: — Я люблю тебя!

— Я... — Деян поражен и чуть сам не признается, но берет себя в руки. — Не говори

так! Не смей!

— Я знаю. Я не буду сопротивляться, — она грустно улыбается.

Деян совсем теряется, он даже не пытается ее остановить, когда девушка уходит. Сколько же раз он пожалеет об этом. А потом все произойдет так быстро, что он не успеет никак отреагировать.

Лана чувствует прикосновение мужской руки, она оборачивается и видит Брячислава. Он улыбается смазливо, как и всегда, словно увидел редкого тура. Лана сразу хочет отстраниться, но потом просто замирает, она ждет, что он сделает дальше. Она внезапно слышит протяжное лошадиное ржание, Лана удивленно смотрит на юношу, держащего ее за запястье. Конечно, нечто подобное она ожидала, но такая наглость!

— Где же Деян? — мелькает у нее в голове.

Появляется темная грациозная лошадь, где только он такую достал? Юноша подхватывает Лану и вместе с ней седлает ловко лошадь. Лане внезапно становится страшно, и руки предательски начинают трястись.

— Не бойся, моя дорогая, — он берет ее руки в свои.

Моя? Лана знает, что сопротивляться бесполезно. Да и разве Деян и Самбор против? Они уже свое слово сказали. Ей хочется плакать от обиды за себя, но она сдерживается.

— Мне страшно, — шепчет она.

Брячислав покрепче прижимает ее к себе и пускает коня вскачь. Ветер еще больше заставляет девушку дрожать. Вскоре к ним присоединяется все больше всадников.

Самбор замечает, как пропадают некоторые гости, он начинает злиться на Деяна, чувствуя себя в полной неизвестности. Он рад хотя бы тому, что князь Бронислав привел с собой немного людей, и другие гости обращают на пропажу немного внимания. Но вот отсутствие Ланы беспокоит, а отсутствие Деяна и вовсе злит. Впрочем, оно имело причины.

Деян лежит на траве, придавленный весом молодой рыжеволосой женщины. Он узнает женщину сразу, хоть она снова изменила свой внешний возраст. Он видел ее уже старухой, а еще в виде молодой девушки, которая была служанкой в доме, где жила Милана. Тогда Деян не смог рассмотреть девушку внимательно, но запомнил из-за густой рыжей шевелюры и необычно изысканных движений, свойственных княгиням и княжнам. Сейчас же Деян вполне может восполнить пробел в воспоминаниях.

Рыжеволосая ведьма сидит прямо на животе мужчины, придавив его всеми силами. Откуда у такой маленькой женщины взялось столько сил непонятно.

У нее живое ассиметричное лицо, длинные волосы и зеленые глаза, а взгляд пронзительный, как у Самбора. Она жилистая, сухая, что унаследовал Самбор. Она заговорила наконец, окончив зрительную перепалку:

— Не смей следовать за княжной!

— Я и не собирался, — холодно отвечает мужчина. — Это ее решение.

— Вот и правильно, — соглашается ведьма, но приставляет к горлу нож, пустив немного крови. — Ты ее любишь, а поэтому можешь помешать. Если бы ты не был другом князя...

— А по совместительству твоего сына.

Женщина ударяет его по щеке, к счастью, недостаточно сильно для синяка.

— Княжна его погубит. Не смей за ней следовать.

— Княжна сбежала и пусть, — Деян злится на Лану и на ведьму, унижившую его.

Ведьма с интересом, прямо затаив дыхание, рассматривает напряженное лицо Деяна.

— Получается, ты делаешь это по своей воле, а значит, как бы делаешь меня обязанной тебе.

— Не вижу никакой связи. Может, слезешь с меня?

Внезапно ведьма склоняется и целует его в губы, отчего Деян совсем опешил.

— Ты друг моего сына. А теперь все складывается неплохо, — женщина поднимается, давая свободу Деяну. — Позови меня, если я тебе понадобится. Она пятится назад и исчезает совсем за деревьями. Деян вскакивает и с особым удовольствием трет губы.

Он, как можно быстрее, находит Самбора, который, видно, очень зол.

— Где ты пропадал?

— Были определенные трудности, — Деян прикрывает поцарапанную шею, и, к счастью, Самбор слишком взволнован, чтобы замечать такие мелочи. — Лана сбежала?

— Я и сам заметил. Что? Сбежала?

— Ты знал, что она влюблена в меня? — Деян прочитывает на лице князя ответ. — Но ничего не сказал. А теперь...Ее никто не заставлял, по крайней мере.

Деян разворачивается и возвращается на место, где ведьма поставила его в неловкое положение. Там он просидит до самого рассвета.

Самбор в ужасе садится, он до боли сжимает пальцы в кулак так, что на ладони останутся ранки от ногтей. Еще не поздно устроить погоню, но она села сама, как сказал Деян. Никто ее не заставлял.

Все вышло, как они хотели? Разве нет? Но тогда, почему ему так больно?

Он избегает Деяна, погрузившегося с головой в дела еще больше. Тем более что сам Самбор постоянно застывал в своих мыслях. Но он ведь сделал правильно? Она даже не его дочь. От тоски его спасает совершенно неожиданно его наложница. Она оказалась беременна, к неудовольствию второй наложницы. Впрочем, кого это волновало, кроме самой женщины?

Лана, конечно, ничего не знала об этом, но ей бы лучше о себе позаботиться. Ведь все стало плохо после поспешно сыгранной свадьбы. Вероятно, Брючислав поверил, что Лана теперь полностью принадлежит ему. А его отец был слишком равнодушен, чтобы вмешаться. Так она и начала жить в постоянном страхе, не ожидая ни от кого помощи. Быть может, исполнив свадебную традицию, которая показала бы ее покорность, ничего бы не случилось?

На свадьбе гостей не было, да и праздничности особой не было. Они не надевали праздничных одежд, не было и праздничного пира. Лишь друзья князя, весьма быстро опьяневшие. А Брючислав вечером, не дожидаясь ночи, увел Лану в опочивальню.

Он пренебрег всеми традициями и обычаями, кроме одного.

— Сними мне сапоги, — он развалился на лавке.

— Нет, — твердо отвечает Лана.

От такого Брючислав приоткрывает рот, словно деревенская девка от иноземного наряда. Он вскакивает, но, вспомнив, какая Лана высокая, садится. Он немногим был выше ее, а волевые глаза и вовсе изменили эту разницу в обратную сторону. Так что он садится, расправив плечи и скрестив руки на груди.

— Что это значит?! Ты теперь моя жена и обязана подчиняться мне.

— Я ваша жена, и вы должны меня беречь, — мягко поправляет Лана.

И эта девка смеет ему указывать, ему почти князю? Он старший отпрыск и всегда получает желаемое сразу и без лишних слов. Он по жизни хозяин.

— Ты это советуешь мне?

— Лишь немного.

Лана все еще не почувствовала страха, она и не думала остерегаться это скрытого огня. Он для нее лишь избалованный сынок. Но этот сынок вдруг вскакивает и хватается ее за волосы. Он тащит ее на ложе. Девушка крепко хватается его за запястье, но хватка ни становится слабей. Скорее Лана становится слабее.

Все опять повторилось, только в этот раз, потому что она сама для себя нашла истязателя. Но в этот раз Самбор ее не спасет.

Девушка по опыту знает, что лучше не сопротивляться. Так быстрее все закончится. Да и этим будет не так интересно, может, даже скучно. Она видит сморщенное лицо парня, как он избавляется от мешающей одежды. Ей все это кажется неживым, ненастоящим. Как он спешит, как торопится, словно тоже хочет быстрее все завершить. Но только это ему еще удовольствие доставит.

Брячислав о комфорте Ланы не задумывался: двигался слишком поспешно, не аккуратно, сжимал до боли запястья, а то и вовсе хлестал по лицу. А когда он закончил, быстро собрал свою одежду и невесть куда ушел.

А Лана лежала в порванной одежде, не имея сил даже пошевелиться для того, чтобы сесть. Она расставляет ноги пошире так, чтобы меньше ощущалась боль. Можно было бы предположить, что больше всего у нее болело сердце. Но нет. Она не ощущала себя сломленной или подавленной, нет, просто стало еще более пустой. Что-то еще от детства она потеряла, оно исчезло навсегда. Лана садится, медленно стягивает остатки одежды, которые пропахли им. Ей становится немного легче, она накидывает покрывало на плечи, но полностью не закрывается. Она вдруг слышит чьи-то медленные шаги. Неужели вернулся? Нет, шаги слишком мягкие и плавные, наверное, женские.

Действительно, перед появляется женщина средних лет, немного сгорбившаяся, а руки держащая так, словно мышь, которая ждет, когда ей дадут еды. Еще и нос, сморщенный довольно мило, усиливал это необычное сходство. К тому же волосы у нее были полностью седые и даже глаза серые, потухшие.

— Они ее запугали, — подумала Лана. — Здесь все служанки такие.

— Госпожа, могу я вам помочь?

— Принеси воды.

— А кроме этого? — она подходит ближе. — Может, нужно что-то еще? — голос становится тише, она подходит еще, немного наклоняется и шепчет: — Сегодня мой последний день работы здесь. Я вышла замуж и уезжаю с мужем. Я могу передать весть от вас князю Самбору.

— И получить награду?

Женщина испуганно качает головой в знак отрицания.

— Я просто хочу вам помочь, — почти взмолилась она.

Лана задумалась: всю жизнь она жила под чьим-то руководством, но теперь у нее есть возможность изменить это. Пусть и такая скользкая, противная и вырывающаяся, словно рыба.

— Нет, не надо. Спасибо вам. Желаю вам счастья с мужем.

— Он будет вас все время бить так. Он со всеми так обращается, и его отец такой же, — волнуется женщина, и голос ее срывается.

— Бронислав издевался над вами? — в ответ женщина опускает глаза.

— Вы уверены, что вам не нужна помощь?

— Да, — Лана улыбается, полная решимости, которой нельзя сопротивляться.

— Я принесу вам воды.

Лана скидывает покрывало, теперь она будет каждый раз смывать с себя его прикосновения и менять на новое платье старое. В конечном счете Брячислав предоставил Лану самой себе, но приходил каждый вечер. Он не всегда ее бил, а еще реже сильно по меркам Ланы. Но, когда такое случалось, он всегда ломал все на своем пути, рвал одежду и придавливал своим весом. По сравнению с другими девушками Брячислава, ей даже повезло. Неизвестно, что мешало Брячиславу измываться над ней также, как над другими его девушками. То ли ее красота, то ли ее грозный дядя. Зато у нее у нее всегда было много свободного времени в отличие от дома.

И Лана начала активно заниматься верховой ездой, чем удивила окружающих. Ни одна из наложниц или жен такого никогда не делала. Все отнеслись к этому совершенно поразному. Конюхи, например, приятно удивились, а, узнав, что она еще и из лука стреляет, подарили ей собственноручно сделанный лук. Наложницы и жены по-женски охали, мол, ребенка лучше б родила. Но на самом деле они завидовали ей, а Лана их считала полными дурами.

Благодаря своим верховым поездкам Лана познакомилась со вторым сыном Бронислава и девятилетними близнецами.

Наложниц у Бронислава, а теперь и у его первенца было очень много (по мнению Ланы, конечно), поэтому и детей тоже вдоволь. Даже Брячислав успел обзавестись бастардами, которые все же не считались его преемника, поскольку рождены были вне брака. И, как оказалось, не все дети Бронислава были не контролируемые.

Ему было шестнадцать. Он был довольно робок, а с людьми и вовсе не любил водиться, исключением стали лишь его братья-близнецы, которые настолько общительны, что и его стену проломали. Так что теперь они чаще играли с ним или около его, чем с кем-либо еще. Впрочем, важным оказалась их любовь к “лошадкам”.

В один из скучных дней, когда прошло около месяца ее пребывания в новом доме, Лана забралась дальше обычного в лес. Но как же удивительно, что там оказались трое братьев.

Все трое сильно загорели, но вот глаза у близнецов были серо-голубые, а волосы платиново-русые, когда же у старшего глаза ярко-зеленые, а волосы цвета солнца прямо (наверняка в мать пошел).

Юноша широко распахнул глаза при виде девушки на лошади в лесу, и его мягкие губы изогнулись в легкой усмешке. Он был и красивее старшего брата, черты мягкие, немного женские, совершенно симметричные, передавая характер своего хозяина.

Лана ответила на улыбку.

— Думаю, нам надо познакомиться. Тем более что я слышала о вас, княжич Святозар.

Он явно смутился и совсем позабыл ее имя, отчего еще и покраснел. Его смутила не ее красота и даже не то, что она девушка (все одно, человек), нет. Он почувствовал, что они с ней в чем-то родственны.

— Меня Ланой зовут.

— Я знаю, — нотка обиды на себя проскользнула в голосе.

— Что вы делаете? — спрашивает Лана у близнецов, спешившись.

По именам их редко называли: их мать родная не всегда могла различить. Они были похожи не только внешне, но и характерами, что весьма редкое сочетание. Оба всегда

веселые, общительные, открытые для всего мира. Они не боялись ничего: забирались на самые высокие ветки, дразнили взрослых, не пугаясь наказаний, передрались со всеми мальчишками в округе.

— Ставим силки на зайцев.

— И часто?

— Да, они легко попадаются.

— Что вы здесь делаете? — спрашивает не злобно, но расстроено нарушением их идиллии Святозар.

— Наслаждаюсь природой, как и вы.

— В такой глуши совсем одна?!

— Иногда хочется побыть в глуши, отдохнуть от людей.

— Поэтому вы сейчас с нами? — улыбается княжич.

— Но вы ведь и сами сбежали от людей.

— Лучше поехали назад.

Они говорили всего несколько минут, но были словно знакомы всю жизнь. Они были слишком похожи характерами, чтобы тратить время на поверхностное знакомство. Так что с этого дня они виделись каждый день, не заботясь о слухах. Впрочем, Брячислав в брате соперника не видел, считая его слабаком. А Лане и Святозару так было и лучше! Их никто не трогал, какое-то время спустя, подгадав хороший момент, Святозар спросил:

— Почему ты поехала с моим братом? Неужели он тебе так хорошо наврал?

— Он меня украл, — улыбнулась девушка.

— Я серьезно спрашивал, — возмутился. — Мне не надо лгать. Или ты мне до сих пор не доверяешь?

— Нет, просто мне все еще больно вспоминать о доме и близких.

— Извини.

— Но я расскажу тебе немного, — Лана собирается с мыслями. — Я влюбилась в одного мужчину.

— Серьезно?! — юноша смутился. — Это так странно для меня.

— Ничего. Но он беден и безроден. В общем, не подходящая для меня партия. К тому же друг моего дяди.

— И он сильно старше тебя?

— На двенадцать лет. Но эти годы не казались мне такой пропастью, как три года с Брячиславом. Но перед тем, как сбежать, я ему призналась.

— И что же он сказал?

— Чтоб я не говорила глупостей, — улыбнулась Лана болезненно, — это в его духе. Он хотел как лучше. Но я с обиды сказала, что, если Брячислав действительно захочет меня выкрасть, я не буду сопротивляться. Вот глупая!

— Глупо было сбежать с Брячиславом. Но признаться стоило. Почему именно Брячислав? Нельзя было кого лучше поискать?

— Моя любовь к власти сыграла злую шутку. Я надеялась, что смогу им управлять. Но он оказался слишком глупым и самовлюбленным даже для этого.

Их беседы служили для Ланы спасительным плотом, а в лесу рядом со Светозаром она чувствовала себя в полной безопасности. Но Лана понимала, что, если скоро не забеременеет, Брячислав совсем изведет ее. Она уже сильно похудела, волосы выпадали, а на теле основалось множество синяков, ведь он стал бить ее чаще. Лишь лицо оставалось не

тронутым — слишком ценная красота, чтоб портить.

Но вскоре все стало еще хуже.

Бронислав любовался красотой девушки. Его поражала дикая смесь непокорного нрава и порочная красота, не свойственная столь юным особам. Любовь к красоте отец и сын разделяли в полной мере, так что Лана попадала в интересы обоих, сама не ведая того.

Князь рассматривал девушку, будучи незамеченным. Его сердцебиение учащалось, а плоть наполнялось горячей кровью. Он изучил все изгибы ее тела, запечатлел в памяти все формы и ее лицо, рассмотрел волосы. Желание сделать это своим переполнило князя, еще одна капля — и все хлынет наружу, словно вода из сосуда.

И этой каплей стал Святозар, пожелавший помочь Лане: юноша собрал все свое мужество и решился поговорить с отцом впервые за долгое время:

— Отец я хочу поговорить насчет отношения Брячислава к Лане. Мне кажется, он слишком сильно над ней измывается. Она так скоро не сможет даже родить ему ребенка.

— Мы не в праве вмешиваться. Она его жена.

Голос и взгляд выдали князя — Святозар все понял, и это его испугало. Он и раньше видел это безумие у отца, но сейчас оно перешло все границы. Он словно сам себя пытался убедить, а не Святозара.

— Девушка она крепкая — выдержит. Да и скоро Брячислав найдет другую. Просто в этот раз он слишком увлекся.

— А потом ты ее себе забереешь?! Так же изведешь, как мою мать?! — Святозар чувствовал, как пылают щеки от гнева, вкус крови на прокусанном языке, стук в ушах.

Он сжал крепко зубы, ожидая, что отец ударит его. Но тот уставился на сына, словно впервые видит.

— Вон отсюда, — проскрипел князь после длительного молчания.

— Прошу, отец. Поговори с Брячиславом.

— Вон!

И в этот раз юноша подчинился наказу, совершенно недовольный собой. Неужели он сделал хуже? Князь же размышлял о том же, но совсем по-другому:

— Этот мальчишка, небось, влюбился и хочет прибрать к своим ручонкам. О, нет, она будет моей.

Князь улыбается возникшей мысли, он уже представляет, как гладит нежную девичью кожу, как она смотрит на него своим любящим взглядом. Бронислав знает, что сын сейчас на охоте. А значит, вернется только завтра, если не позже. Он все уже спланировал и был приятном предвкушении.

Он уже видел, как вечером спускается к ней, затем...

А зачем ждать-то? Он что здесь не хозяин?

И все же он решает подождать до вечера, когда Лана точно вернется, а Святозар не сможет помешать, потому что будет мирно спать в своей кровати. Только вот Святозар всю ночь проворочается, словно чувствуя боль Ланы. А перед тем, как они разошлись по покоям, он сжал ее пальцы и прошептал:

— Мне так страшно за тебя, а я ничего не могу. Я трус. Будь осторожнее, прошу.

— Ты не трус. Просто боишься разрушить семью, — успокаивает его девушка. — Спасибо.

Лана совершенно спокойно ложится спать и почти засыпает, но вздрагивает от чьих-то тихих шагов. Брячислав вернулся так быстро? Лана садится, она быстро привыкла к таким

ночным приходам (или вечерним, что случалось чаще), поэтому среагировала на шаги. Но это были шаги не ее мужа— она узнала бы их из тысячи.

Фигура оказывается очень быстро совсем близко. И она узнает человека, но не понимает, чего он хочет.

— Девочка, тебе помочь? Мой сын весьма расстроен из-за твоего побега.

В этот раз ведьма приняла облик девочки, но рыжая шевелюра осталась прежней.

— Не нужна мне ваша помощь! — возмутилась Лана. — Самбор даже не знает о вас!

— Не совсем, один раз мы виделись. Но предупрежу тебя. К тебе уже идет князь.

— Он на охоте.

— Не этот князь, — прыскает ведьма.

Она исчезает мгновенно, но подтверждение ее словам наступает моментально.

— Не спишь, деточка?

Так ее назвал отец ее умершего жениха, а теперь нынешнего жениха, однако тогда это звучало по-отечески.

— Не надо, — теперь она точно уверена в желании пришедшего.

Но Бронислав без стеснения подходит ближе и проводит пальцами по ее волосам, спускает к нежной коже.

— Не надо! Пожалуйста! Ваш сын...

— Тсс, — прикладывает палец к ее губам. — Я буду очень нежен.

— Не надо! — просит она в последний раз.

— Да что же это за напасть? Не борись со мной. Не пытайся.

— А я буду!

Он ударяет ее сильно по щеке — Брячислав так не делал. Он силой заставляет лечь, бьет по рукам, когда она пытается его оттолкнуть. Она и ногами пыталась ударить, но он слишком крепкий. И все же борьба продолжается долго, слишком долго. Пока ее голова не ударяется о изголовье — все тут же плывет. Что-то теплое течет по голове. А потом стало темно, осталась только боль.

Тогда она показалась мне самой необычной женщиной, которую я знал. Пожалуй, так оно и было. Ее домик стоял посреди глухого леса. Что она там забыла, мне до сих пор неизвестно. Но она превратила моих спутников в свиней, просто потому что ей так захотелось. Она была прекрасной, необычной. Ее рыжая шевелюра и яркие глаза меня поразили сразу, а все ее лицо светилось живостью. Да, я смог ее убедить развоплотить своих спутников.

Мы прожили вместе месяц, а потом она забеременела. Я понял, что она околдовала меня. Я сбежал, но она принесла мне ребенка спустя два года. Она не хотела, чтоб он вырос в окружении колдовства. Я не хотел этого ребенка. Я не хотел его даже знать. Я отдал его княжонку, и плевать мне, что княжонок делал с мальчиками.

Она чувствовала себя пустой, она больше не обращала внимания на жуткую головную боль. И даже, когда сердце жутко сжималось, она молча переносила и это. Она пролежала так недели, месяцы или годы, пока кто-то не сжал ее пальцы.

— Святозар, — восторженно, но совсем слабо шепчет она.

— Прости, — он плачет, его голос дрожит.

— Не извиняйся за то, чего не делал.

— Вот именно, что я ничего не делал!

Лана понимает, что она все еще у себя, кто-то бережно замотал ее голову, сменил ее белье. Как смешно сразу избить и изнасиловать, а потом позаботиться.

— Сколько я пролежала так?

— Целый день. Если тебя это утешит, скажу, что отец испугался. Ему крышу от тебя совсем снесло. Он тебя на руках носить будет, если не будешь сопротивляться. Но...

— Брячислав не приехал?

— Уже. И ни отец, ни он друг с другом не разговаривают. Напряженность между ними только растет. Лана, я не о том хочу сказать.

Он больше не плачет, но, не стесняясь, не вытирает слезы.

— Моя мать тоже была очень красива, и Бронислав, наверное, уже больше никого так не полюбит. Но его любовь истощает. Первый ребенок родился мертвым, что дало ей время оправиться. Тогда родился Брячислав от второй жены. А потом все вернулось на круги своя, и появился я. А через год снова мертвый ребенок, но тогда умерла и она.

— Чудовище!

— Поэтому я и боюсь за тебя. У меня никогда не было человека, который бы меня понял. Все шепчутся, что я влюблен в тебя, но это не так. Ты можешь быть спокойна на этот счет, однако ты мне дороже всех.

— Спасибо, — улыбается Лана.

— Отдыхай.

И ей действительно дали отдохнуть, пока мужчины вели свою холодную войну. Ее абсолютно никто не беспокоил, разве что служанки стали больше вокруг нее суетиться, и приходили разные подарки. Например, украшения и наряды.

Но другие женщины ей больше не завидовали: все это было от разных мужчин. Никто, кроме Святозара, происходящее открыто не обсуждал. Уж больно странно и необычно было. С одной стороны, она жена Брячислава, но Бронислав главнее его, поскольку именно князь.

Так продолжалось около месяца, и неизвестно, сколько еще бы так было, если бы Лану не начало постоянно тошнить. Вот тут мужчины, конечно, все поняли и дружно решили: “Это не мой ребенок!”. А Брячислав вспомнил, что Лана все-таки его жена и ее надо поучить жизни за такое поведение.

В тот день Святозар предложил сбежать:

— Лана, Брячислав тебя убьет. Надо бежать.

— Куда? Я уже говорила тебе, что не хочу, как крестьянам жить. А возвращаться к дяде с поджатым хвостом тем более не хочу. Лучше умереть.

Святозар некоторое время молчит, потом морщится от собственных мыслей. Он сам себе показался противным.

— Как думаешь, Брячислав способен на убийство отца?

— Что? Нет.

— У нас в роду были подобные случаи, — устало и грустно поясняет юноша. — Это в крови. А для всех лучше, чтоб умер Брячислав. Хотя для меня это ужасно. Но у меня еще много братьев, что в разы лучше Брячислава и меня.

— Хватит! Святозар!

— Споить его на охоте очень легко. А там вепрь или тур доделают, что надо.

— Мой отец умер на охоте.

— Очень удачно для твоего дяди.

— И что это значит?

— Кто знает?

Расстроилась Лана больше на себя: она знала правду, она ее слышала из уст самого Самбора. Но услышать такое от человека, который даже не знает Самбора.

ЧТО?

Посреди ее покоев стоял Брячислав в не самом лучшем настроении, широко расставив ноги и скрестив руки на груди, а лицо выражало отвращение, чего никто никогда никто не видел у него.

— На этом ложе ты соблазнила моего отца?!

— Он взял меня силой. Я не лгу, — ответила девушка совершенно спокойно, понимая, что ей не поверят.

— Глупая девка!

Одним рывком он валит девушку на пол и выписывает сильную пощечину. Он, как никогда груб, а закончив, встает и некоторое время просто смотрит на скорчившуюся девушку. Он ударяет ее ногой один раз, потом еще.

Порыв тошноты заставляет сесть, между ног мокро, и она не сразу понимает почему. Но вскоре замечает кровь.

Брячислав берет ее за волосы, тянет, а затем проскрипел:

— Ты жалкая.

Лана и сама это чувствует: она лежит в своих же крови и рвоте. Но он еще более жалок! Он убил ее ребенка! Теперь она не просто выживет — она отомстит ему!

***

Деян долго маялся: сказать или нет? И что потом делать, тем более что сейчас Самбор счастлив. Почти счастлив. И все же не сказать гораздо хуже.

— Самбор, нам надо поговорить.

— Сейчас?

— Да, потом я передумаю.

Последняя реплика весьма озадачила князя. Оставшись одни, Деян выпаливает все сразу, но перед этим просит друга сесть, чем вызывает еще больше недоумения.

— Лана очень ошиблась. Брючислав часто ее избивает. И это не самое ужасное, — Самбор открывает рот, на секунду Деян останавливается, но продолжает дальше. — Бронислав ей заинтересовался, а затем изнасиловал. Дальше Лана забеременела (отец ребенка неизвестен), но Брючислав ее так избил, что она потеряла ребенка.

Деян так тараторит, что не дает князю ничего сказать, а дыхание его становится сбивчивым.

— Да, это проверенные вести, — опережает он вопрос. — Что делать? Я хочу его убить и всех.

— И ты получишь эту возможность.

Щеки Самбора горят от гнева, пальцы побелели, сжатые крепко в кулак, а на ладонях остались следы от ногтей.

***

Лана со Святозаром долго говорят с воеводой, он внимательно их слушает и все время молчит. Говорит в основном Лана, иногда вклинивается Святозар. Но мужчина, что стоит напротив, молчит, а челюсти его сжимаются все сильнее с каждым их словом. Так что Лана понимает — неудача и какая.

— Я ничего не передам из сказанного вашему отцу, — наконец заговорил воевода, обращаясь почему-то только к княжичу. — Идите лучше гуляйте.

Святозар уже хотел ответить что-то резкое, но мужчина кладет руку ему на плечо и покачивает головой, мол, не надо.

Лана думала, скорее рассчитывала, что разговор о предательстве князя вызовет у воеводы другой реакции. Она заметила, что воевода к князю не испытывает ни любви, ни даже простой приязни. А вот к Лане и Святозару питал благосклонность, но, видно, он оказался слишком человеком чести и преданности. Так что на помощь дружины Святозару пока не приходится рассчитывать.

— Почему ты не хочешь княжить?

— Я не говорил, что не хочу. Но и желанием не горю.

— Ладно...

— Первый твой план мы попробовали. Значит...

— Теперь обратимся за помощь к моему дяде.

— Ты же не хотела.

— Не говорила, что хочу. Но и желанием не горю, — сострила Лана. — Я приду к нему с планом.

— Приведешь в мой родной город его дружину.

— Да, — тяжело подтвердила Лана.

— Ладно, — без обиды сказал. — Бежать надо сегодня ночью. Я не особо доверяю словам воеводы.

— Нас точно пропустят?

— Вряд ли они не пропустят второго сына князя. Тем более, что отец Брючислава недолюбливает, и об этом все знают.

— Что?

— Ладно, не все, — он немного протянул последнюю гласную.

— Может, мне обрезать волосы и переодеться в мужскую одежду?

— Не советую, — Лана выдохнула с облегчением, — испортишь зря волосы. У тебя слишком красивое женское лицо. Надень простую одежду и лицо прикрой накидкой.

— И что ты скажешь, чтоб нас пропустили?

— Ты моя сестра и мы едем к нашему родственнику.

— И это сработает?!

— У меня была уже подобная история, только тогда я не лгал. Выехать из города гораздо проще, чем заехать. Не волнуйся. Ночью я позову тебя стуком в дверь, — он отбил определенный ритм по стволу дерева, — кони уже будут готовы.

— Ты знаешь, как точно ехать? Я не совсем помню.

— Да, Лана. Я был на том пиру.

— Что? Ты сегодня меня удивляешь и удивляешь.

Святозар улыбается, чувствуя, что впервые делает что-то смелое и в то же время что-то полезное. Он сказал Лане немного поспать днем, но сам не смог сомкнуть глаза. Впрочем, Лана его и не послушала.

Едва начнет темнеть. Она сядет на не расстеленное ложе. Она будет вздрагивать от каждого шороха, каждую минуту, ожидая стука, пока долгожданный стук не раздастся. Она ничего не берет с собой из вещей, как и юноша. За ночь, загнав лошадей, они должны добраться.

Святозар бледен и взволнован, но не дрожит и себя контролирует полностью. Юноша знаком подзывает к себе. И они тихо, но спешно идут по коридорам, пока по волю случая, не замирают возле покоев Брячислава. Пошли они так лишь, потому что так короче, хоть и опасно: Брячислав частенько гулял по ночам, да и мог наведаться к Лане. Но он не был у нее с тех пор, как жестоко избил ее, но, кто знает, что взбредет ему в голову, ведь прошло уже 4 дня.

В его покоях приоткрыта дверь, а сам он сидит по середине комнаты прямо на полу, ничего не замечая, кроме голоса, уже знакомого Лане. Голос внятно, хоть и очень тихо шептал:

— Ты свое дело сделал...

Лана и Святозар прижимаются по бокам от двери.

— Хватит. Будь теперь с ней ласков, нежен. Нельзя ее бить. Нельзя.

Глаза Святозара загораются, но Лана тянет его за собой. Теперь они уже почти бегут. Скоро они оказываются снаружи и седлают лошадей. Воздух Лане кажется, как никогда, свежим, почти свобода.

До ворот они скачут обычным темпом, а там останавливаются перед двумя дружинниками, стоящими на посту. Святозар скидывает накидку с лица. Его красивое скуластое лицо и ярко-зеленые глаза делают юношу запоминающимся.

— Скоро вернетесь, княжич? — спрашивает дружинник, открывая ворота без указаний.

— Точно не знаю, где-то через неделю.

— Это ваша сестра?

— Да.

— Хорошенькая.

На этой фразе Лана пугается, неужели будут проблемы?

— Вся в отца, — шутит Святозар.

Они проезжают через ворота и опущенный мост. Некоторое время они не спешат, но

скрывшись с глаз дружинников, они начинают гнать лошадей.

Ночь их спасает от преследования, но все кажется девушке таким пугающим. Особенно деревья, которые, словно дикие звери, норовят их схватить. Но Святозар уверенно скачет вперед, и Лана, наконец успокоившись, не сбавляет темп.

— Что это значит, Лана? — спрашивает Святозар, когда они остановились дать лошадям немного отдохнуть.

— Это всего лишь мать моего дяди, которая меня почему-то очень невзлюбила, — она ответила таким тоном, словно это шутка.

— Можно подробнее?

— Я ведь и правда думала, что Бронислав и Брючислав настолько жестоки.

— Они действительно жестоки.

— Но это преувеличенная, не человеческая жестокость.

Святозар понял, что больше не вытянет и слова из нее, поэтому отвязал лошадей, и они снова пустились вскачь. Лане даже показалось, что лошадь под ней скоро упадет. Но знакомые очертания природы, а затем и города заставили ускориться, и она обогнала Святозара.

Возле ворот, как только девушка открыла лицо, их пропустили. Дружинники были явно поражены возвращением княжны и не особо обратили внимания на Святозара. Они даже предложили сопровождать ее к князю, но девушка отказалась. Святозару стало смешно и грустно от того, как легко проникнуть в город через дружинников.

Под первыми лучами солнца они уже намного медленнее, но все еще таясь, проехали к замку. И там их пропустили удивленные дружинники, а проснувшиеся слуги хотели угодить. Но Лана лишь попросила позаботиться о лошадях и доложить о ее приезде князю, когда он проснется. Сами они сели на траву во дворе и долго, очень долго молчали, уставшие.

Самбор и Деян вышли вместе, как только им доложили. Деян, правда, стал немного позади князя и как-то грустно посмотрел на Лану.

— Я сбежал, точнее мы сбежали, — выпалила Лана, она уже начала догадываться, почему Деян так смотрит.

— И прихватила с собой второго отпрыска Бронислава? — не дав ответить, он продолжил: — Я очень надеюсь, что он не только внешне не похож на отца.

— Деян хватит! — не выдерживает Самбор.

— А вообще я скучал, — смущенно проговаривает Деян.

Лана облегченно выдыхает, особенно когда Самбор ее обнимает. Деяна она тоже обнимает, хотя тот и растерялся от неожиданности, тем более что она так никогда не делала. Лане показалось, что Деян словно бы подросток, впрочем, он как был чуть ниже друга, так и остался.

— Как вы меня узнали? — спросил Святозар через некоторое время.

— Вы были на пиру, хоть и держались в стороне, впрочем, как я.

— Вот же! Лану в невнимательности обвинил, а сам и не запомнил вас.

— У меня не самое запоминающееся лицо, — без тени злобы утешил Деян.

Они вчетвером расположились в покоях Самбора. Лана и Святозар сидели напряженно в отличие от мужчин. Лана от того, что ей придется говорить, Святозар же просто из-за незнакомой обстановки и людей.

— Как же вы сбежали?

В этот раз говорил Святозар, сразу неуверенно, потом все же спокойно, но не сбиваясь.

Насчет ведьмы он опустил моменты по просьбе Ланы.

— Мне ужасно жаль, Лана, что я тебя тогда не остановил, и все это случилось с тобой, — с искренним раскаянием говорит Деян.

— Вы все знаете?! Я такая грязная...

С какой обреченностью выпалила это Лана, что снова выбила Святозара из состояния спокойствия, и он принялся бормотать:

— Нет...Нет...

— Да что с вами там делали? — пугается Самбор уже за Святозара, вспомни собственное детство.

— По сравнению с Ланой отец со мной обращался хорошо, — неожиданно уверенно. — И я помогу вам, чем смогу.

— Вы уже знаете о подготовке?

— К чему? — вмешивается Лана.

Самбор и Деян озадаченно переглядываются, и Деян отвечает с несвойственной ему пылкостью:

— Мы хотим отомстить. Это непозволительно обходиться так с вашим родом. А за то, что они делали с тобой...

— Я помогу вам, — вызывается Святозар. — Я знаю все слабые места.

— Но мой отец и старший брат не будут ни в коем случае пленены, только убиты.

— Клянусь, — обещает Самбор.

— Я предлагаю подключить моих женихов.

— Зачем? — хором спрашивают оба друга.

— Мой отец вряд ли захочет открытого сражения. А скорее всего он попросит помощи у своих князей- союзников и родственников. Весть о вашей дружине скоро до него дойдет. Впрочем, узнали мы это только сейчас. Но суть в том, что мой отец трус, и без помощи других князей на битву не пойдет. Запасы города и крепкие стены позволят ему выдержать осаду.

— А наградой будет Лана? — догадывается Деян.

— Почти, — улыбается княжна, — Мы скажем им, что я до сих пор там.

— Хорошо. Чем ты потом их подкупишь?

— Я не собираюсь больше выходить замуж за кого-либо из князей.

Лана вопросительно смотрит на Самбора, и тот кивает в знак согласия.

— Я даю вам свое добро. Хватит нам этих князей.

— Серьезно? — смутился Деян.

— Потом, — отмахивается Самбор. — Как ты собираешься, Лана, все это обставить?

— Мне кажется, — она впадает в легкое смятение, — вам не понравится, но я хочу быть в составе дружины. Я хорошо стреляю.

— Никто не сомневаются в твоих способностях.

— Тогда есть две возможности: я раскрываюсь честно, а на таких жениться побаиваются, либо поскольку я обещана своему спасителю, меня спасет Деян.

— Нет! — отрезают Деян и Святозар.

Самбор некоторое время раздумывает, но, не придя ни к какому выводу, говорит:

— Отдохните, вы же всю ночь ехали. Вечером поговорим. А мы позаботимся о том, чтобы, как можно меньше людей, знали о вашем приезде.

Лана и Святозар действительно следуют совету. Лана впервые за долгое время засыпает

спокойно, не беспокоясь, что сейчас раздадутся шаги. Она чувствует себя в безопасности. Наконец-то!

Она встает, еще не зная, сколько точно проспала, но уже немного стемнело. Ей нужно найти Деяна, но она не сразу вспоминает зачем. И ей везет: она видит его, как только выходит из покоев. Неизвестно, куда бы он пошел, если б не Лана. Но это уже неважно.

— Нам надо поговорить.

Деян останавливается резко и следует в покои Ланы, не задавая вопросы.

— Перед тем, как Бронислав пришел ко мне...

— Я понял, Лана, — ему стало совсем гадко на душе.

— Нет, ведьма появилась и предложила помощь, а, когда я отказалась, предупредила о приходе Бронислава.

— Когда это точно было?!

— Подожди. В ночь побега нам пришлось проходить мимо покоев Брячислава, — под неодобрительным взглядом Деяна она добавила, — так ближе было. Мы случайно подслушали, как она заговаривает Брячислава, чтоб меня не трогал.

— Значит, она сразу хотела вернуть тебя домой, а потом собралась сделать Брячислава любящим мужем?

— Мне кажется, она сделала их такими жестокими.

— Скорее всего, нет... Бессмысленно. Она не хочет, чтоб Самбор начинал эту войну. Сразу пыталась тебя вернуть домой, потом утихомирить Брячислава.

— Почему?

— Возможно, она предсказала что-то.

— Может...

Деян уже подозревал, что. В итоге, как ведьма не пыталась, Самбора ждала опасность. Но назад пути уже не было: лучше быть мертвым, чем трусом. И Деян это прекрасно осознавал.

— Я подумаю над этим еще, — солгал он.

Особо и не пришлось над этим раздумывать. Подготовка дружины шла полным ходом, набиралось также ополчение из желающих, которых был предостаточно. Людей привлекала жажда наживы, а еще больше хотелось славы.

Самое сложное касалось дел с женихами. Решили на такое дело отправить Деяна, как главу совета, несмотря на недовольство княжны. Хотя девушка знала, что убеждать он умел. А для придания большего статуса отправляли двух мужчин из совета, которые то ли потомки князей, то ли купцов, то ли вовсе просто зажиточные мещане. В общем-то это было и не важно даже для Самбора, поскольку он же с Деяном превратили совет в очередную традицию.

Деян отправился на следующий день после их разговора. Каждый успешно заверченный договор он должен был ознаменовать отправлением гонца. Что и случилось спустя три дня. Где-то ему везло, и князя гостили у других князей, и он убеждал сразу нескольких. Тогда отправляли два, три или больше гонцов для подсчета количества участвующих князей. Когда таких прибыло пятнадцать, Лана начала волноваться, учитывая гостеприимство князей, все сильно затягивалось. Но Самбор несильно беспокоился, уже с удовольствием представляя, каким войском будет руководить. Князя тоже привлеклись войной, обещавшей закончиться победой сильной стороны, а значит их ждали слава и награды, а еще прекрасная жена, которую Деян не обещал, но все поняли так.

Вот же будет разочарование.

Когда прибыл двадцать седьмой конь, Самбор с улыбкой спросил у Ланы, взявшей за голову:

— Интересно, насколько далеко он пойдет?

Но он остановился и вскоре вернулся с представителями от князей.

— Долго, Лана, очень долго, — не выдерживал Святозар.

— Я знаю. Я уже и сама извелась.

— Но он сделал что-то невероятное. Мой отец точно столько не сможет собрать князей.

— Тебе можно доверять? — внезапно спрашивает Лана.

— Конечно, — без обид ответил юноша. — Я помогу вам, как и обещал, даже если мой город сгорит дотла.

— Ты любишь меня? — она задает мучащие ее вопросы.

— Не так, как ты вкладываешь в вопрос.

— Хорошо. Спасибо.

Лана действительно выдыхает с облегчением, хотя заранее знала ответы на эти вопросы. Она натягивает тетиву и стреляет — попадает, как и всегда.

— Опять попала, — не удивляется Святозар.

Лана поворачивается, услышав приближение знакомых шагов. Он один и в этот раз, уже не смущаясь, обнимает ее сам.

Как же она его ждала!

У меня было три любимых женщины, но вторая мне запомнилась больше всего, ведь она причинила мне больше всех боли. Когда я стал князем, моя власть была слаба. Я был вторым сыном, но никто меня толком не знал из-за моей нелюдимости. Тогда я отправился в плавание, чтобы доказать свой героизм. В плавании у меня была женщина, но я ее бросил, зачав ребенка. Я привез заморскую царевну домой. Но и ее я разлюбил, я решил жениться вновь. Однако моя жена была не проста: она отравила мою невесту, УБИЛА НАШИХ ДЕТЕЙ и сбежала.

Я никогда не знал счастья и никогда его не узнаю.

— Дружина будет двигаться медленно, поскольку нас слишком много. А значит, не избежать передачи вестей врагу.

— Например, они могут рассказать, что Лана сбежала.

— Мой отец слишком горд, чтобы рассказать, как упустил девчонку.

— Я ведь и не говорил этим князьям, где Лана. И не обещал, кстати, что один из них жениться на ней.

— На словах можно поиграть. Обещал ты славы и сокровищ и обещания не нарушил.

Князья съехались, к счастью, быстрее, чем Деян их уговаривал. Так что вскоре, чтобы Самбору не пришлось кормить всю эту ораву, они отправились. Но двигались они даже медленнее, чем рассчитывала четверка. Даже влияние Самбора несильно продвигало дело, отчего Деян и Святозар бесились до чертиков. Хотя для Самбора было главнее то, что они согласились поставить его во главе войска и подчинялись, пусть и не с рвением выслуживающегося дружинника.

Но тот путь, что занял у Ланы и Святозара ночь, у войска занял 3 недели.

— Как твой отец поведет себя, учитывая наших союзников?

— Думаю, он уже завел себе всех возможных соратников. Может, кто-то из них струсит и перебежит на нашу сторону. Но это не меняет почти ничего — отец будет держать осаду.

— А ведь содержать их всех надо.

— Именно. Значит, он меньше там просидит — придется идти в бой.

— Но это и означает, что наши союзники заскучают.

— Предлагаю, пограбить деревни вокруг города, тогда у них не будет возможности получить дополнительную провизию на содержание войска.

Предложение Святозара не понравилось ни Лане, ни Деяну, они просто с этим смирились с этой необходимостью. Но вот чего не понимали ни Деян, ни Самбор так это, как нужно ненавидеть отца, чтобы предлагать грабить свое же княжество. Оба друга все еще ожидали какого-то обмана, но его не было и не было.

В деревнях забирали еду, ценности, насиловали женщин. А Самбор смотрел на это сквозь пальцы, но единственное, что он запретил: забирать девушек к себе, чем вызвал маленькое неудовольствие. Впрочем, своих женщин хватало, но наверняка кто-то забрал хоть одну девушку из принципа.

Когда они достигли города, Самбор решил обойти его вокруг и позволить войску пограбить еще. Недовольными казались только Деян и Лана: первый затягиванием войны, а вторая бессмысленной жестокостью.

— Неужели это я во всем виновата? — с ужасом допытывалась она у Деяна.

— Нет, Лана, таковы люди, — говорил Деян, понимая, что ее это не успокоит.

В конечном счете это завершилось и настала пора мести, но скорее пришло время самой сложной части их плана.

Войско было предупреждено о долгой осаде, поэтому они на должном расстоянии обустроили лагерь. Большой лагерь. Странное это зрелище было: множество раскинутых шатров, кругом лес, и суетятся люди.

— И что мы сделаем потом?

— Во-первых, Лана действительно поедет с нами?

— Как полноценный воин.

— Я умру от волнения.

— Как и я. Она заслужила это. Лучше вернемся к вопросу с осадой.

— Они будут жить в вечном волнении. А значит устанут.

— Но устанем и мы — я не хочу затягивать с осадой.

— Но как нам выманить Бронислава? Что думаешь, Святозар?

— Поджечь, что ли? Не знаю, что должно случится. Ему гораздо выгоднее выжидать, пока мы потеряем бдительность.

— А у тебя, Лана, появились мысли?

— Да. Зачем же нам его выманивать. Если мы сами можем к нему прийти?

Под стенами они сидели больше месяца совершенно без боевых столкновений. Даже в деревнях уже больше делать было нечего, так что, как и предсказал Самбор, воины и князя начали бездельничать, немного бунтовать, а еще больше развлекаться, кто как мог. Кто-то даже умудрялся закатывать пиры.

Но теперь Самбор и решил совершить свой непонятный ход: он отправляет трех гонцов. Не самых смелых и не самых надежных, или самых сильных. Чем вызывает недоумение у союзников. Но тут Самбор просит князей выделить лучших дружинников, а потом и вовсе подготовить дружины, свернуть шатры и увести дружину подальше от ворот. Вот тут князей взяла ярость, мол, трусил Самбор. Но даже здесь Самбору помогли чудный голос и умение убеждать, не как у Деяна, но и этого хватило.

Когда все необходимые действия с дружиной были произведены, выехали три гонца: Деян, чтоб убеждать, Святозар, блудный, но вернувшийся сын, и лучник в черном. Станный это был лучник. Всегда в черном и маске. Никто никогда не видел его лица. Поговаривали, что он его никогда и не показывал никому, поскольку лицо его страшно, изуродованное шрамами. А сам еще и худой такой, а еще и с князем вечно рядом. Откуда он взялся и кто он, никому не известно. Но вот в мастерстве его сомневаться не приходилось.

Особенно много вопросов было у тех, кто знал о побеге Ланы, о котором, конечно, говорить было запрещено. Но разве может так стрелять человек? Наверняка дух на их стороне! Так что о местоположении Ланы толком никто не знал.

Этой странной троицей они подъехали ко рву, где обозначили свое присутствие криком с просьбой о переговорах с князем Брониславом. После некоторой возни по ту сторону, приходит князь и глядит на троицу, он сразу понимает, кто этот лучник по повадкам. Это и стало причиной их пропуска, а не присутствие Святозара, как думало большинство. С собой они везут дары, на которые князь Бронислав не очень и обращает внимание. Среди них большие и тяжелые сундуки с дарами, даже девушки красивые. Не все, правда, некоторые слишком крупные. Но князь даже не смотрит на них, оставляя эти заботы на слуг.

Князь удаляется вместе с троицей и, конечно, не один, а с несколькими дружинниками.

Теперь лучник снимает маску, под которой оказывается не изуродованное шрамами лицо, а красивое личико княжны, как и ожидал Бронислав. Только она его волновала. Он готов помириться, но княжна достанется ему. А сын? А сын отправится подальше с глаз отца.

Но самое интригующее происходит сейчас не с важными князьями, а с обычными смельчаками.

Конечно, дары следовало обыскать, но Лана совершенно сбила с толку Бронислава. А Самбор не зря выбирал дружинников. Им-то и пришлось залезть в сундуки и уссыпать себя драгоценностями, а потом еще и на телегу поставили. Некоторым пришлось приодеться, как девицам, и смешаться в их рядах.

Слуги их повели в покои для наложниц, но недалеко они пошли, как девушки их ударили до потери сознания. Затем они же вернулись за своими товарищами в сундуках.

Самбор в общем-то собирался их всех обрядить в женские одежды, но мужчины и так очень сильно выделялись. Поэтому их разделили, но лежать, свернувшись в сундуках явно ужаснее, чем ходить в женской одежде.

Мужчины уже сорвали юбки и ходили в штанах. Сундуки унести далеко не успели из-за их тяжести. Происходит небольшая потасовка с немногочисленными слугами. Конечно, все заканчивается победой дружинников. Теперь главное было успеть до того, как Бронислав все поймет.

СТУК. СТУК. СТУК. Работали их взволнованные сердца.

Лане, Святозару и Деяну оставалось отвлекать Бронислава и надеяться, что они не станут жертвами. Но рисковать так другими, они бы не смогли. А Самбор тем временем ожидал, полностью подготовив свое войско.

Мужчины быстро пробирались к воротам города, но все же недостаточно, тем более что бежать нельзя. Они и без того привлекали слишком много внимания. Впереди совсем близко ворота, вот и они.

На посту стояло слишком много дружинников, чтоб ринуться на них с боем. Вот этого почему-то никто не ожидал. Мужчины переглядывались, и тогда один из них предлагает снова переодеться. Вот пришлось здесь применить всю их аккуратность: снять хотя бы одного дружинника Бронислава дело непростое. Но и здесь пригодилась хитрость.

Мужчина подходит к посту и подзывает одного из дружинников, стоящего дальше всего от остальных. Мужчины показывает несколько монет и говорит:

— Помощь нужна.

Дружинник приближается, а затем получает удар сзади по голове. Его тело утаскивают с глаз подальше, спешно стягивают одежду. Первый же доброволец ее быстро надевает на себя и выходит на пост. Но теперь ему необходимо незаметно опустить мост, а его товарищам открыть ворота.

Мужчина находит рычаг и начинает опускать мост.

— Что ты делаешь?!

Он не откликается, на него кидаются, но он легко отбрасывает противника и заканчивает свое дело. Его противник достает меч, а он же не успевает. Секунда — меч оказывается у него в шее. Он падает и слышит звук открывающихся ворот. Все-таки он жил не зря.

Троица сидит напротив Бронислава, начиная пугаться от малейшего шороха: вдруг все уже началось.

— Что-то хорошо вы на все соглашаетесь. Подвох чую.

— Устали мы, князь. Не хотят наши князья слушаться Самбора без грабежей и битв, — находит что сказать Деян.

— И любимую племянницу готов отдать, из-за которой все и началось. И не обидно тебе, Лана?

Лана опускает глаза и выражает своим лицом безграничную печаль.

— Я сделаю так, как скажет дядя. Я не должна была сбегать от своего мужа.

— Он хорошо тебя научил говорить, — доволен Бронислав. — Но чую я подвох. Может, мне вас убить?

— Гостей убивать нельзя. Больше, отец, тебе никто не сможет довериться.

Гостей, и правда, побоится убивать Бронислав — богов нельзя гневить.

И тут они слышат ужаснейший шум. Вбегает взволнованный дружинник.

— Князь, они прорвались!

— Что?!

Он в ярости смотрит на троицу.

— Убейте их! — приказывает князь, а сам выскакивает из покоев, словно поджаренный.

Два дружинника неловко смотрят друг на друга. Убивать безоружных, к тому же, еще и девушку, совсем не благородно для дружинника, особенно для таких молодых и наивных.

По правде говоря, перед Брониславом Святозар и Деян сложили мечи, Лана — лук и стрелы, но у мужчин остались спрятанные кинжалы. Лане их тоже давали, но она отказалась, поскольку, как сама призналась, может ими только курицу, приготовленную, порезать.

Лана заметила, как оба ее спутника потянулись за кинжалами, а дружинники все мялись.

— Идите домой к своим семьям, — сказала почти ласково девушка. — Скоро сюда придет войско моего дяди. Защитите хотя бы свою семью.

А им только этого позволения, словно и не хватало — они побежали. Побежали сразу же. Святозар и Деян только обменялись удивленными взглядами.

— Зачем же их убивать? Они сами не могли нас решиться убить, — пояснила Лана. — Совсем неопытные, наверное.

— Мы могли убить Бронислава! — выпалил Святозар. — Если бы не медлили...

— О, боги, — лицо Деян в этот момент не передать словами. — Одна не хочет убить дружинника врага, а другой отца готов убить.

В итоге они, не сговариваясь, идут забрать оружие и молча выходят. Лана снова надевает маску, благодаря которой их узнают. Выбравшись наружу, они понимают, что их помощь явно не нужна. Так что Деян предлагает найти Самбора.

Сражение идет успешно, и никаких опасных баталий не предвиделось, так что Самбор, чтобы не потерять статус среди князей, выезжает на лошади по городу. Он бы вовсе сюда не поехал: бессмысленно это теперь. Город уже его. Но прослыть трусом не хотелось. Они видят его на черной лошади, как и всегда. Он почему-то очень их любил, этих черных лошадей. Видите ли все черные лошади очень красивы. Троица устремилась к нему. Самбор их замечает и поднимает левую руку, чтобы привлечь их внимание, думая, что они его не видят.

Стрела!

Она пробивает перчатку и оцарапывает ладонь. Лана поворачивается в направлении стрелка и сразу же его видит. Она выстреливает и попадает.

— Стрела отравлена! — выкрикивает Деян.

Он бежит сломя голову. Самбор уже и сам это понял, он чувствует, как сильно кружится голова, а вокруг все плывет. Князь падает прямо на подбежавшего друга, который его и ловит. Они оба осознают, что все кончено. А вот Лана — нет, она плачет уже, но с надеждой в глазах.

— Позаботитесь о княжестве, пока Мечислав не подрастет.

— Обещаем.

— И женись на ней.

Казалось бы, он уже сказал все, что нужно. Однако он все еще не умирал, а долго и тяжело дышал на руках у друга, Лана уже не плакала, но была готова расплакаться снова. По крайней мере, Самбор не попросил у близких его убить для облегчения страданий, а потом его дыхание становится все тяжелее и короче. Потом все пропадет...

Лана поднимается с давящей на нее пустой и не понимает, что же она должна чувствовать. Надо ли плакать или...

— Лана, не смей плакать! — отрезал Деян. — Лучше приведи себя в порядок. Не знаю, что вы там делаете для этого. Вечером, когда все князья успокоятся, соберемся в тереме Бронислава.

Деян поднимается с телом на руках, он до треска сжал челюсть, и медленно передает тело Святозару.

— Идите. Позаботься, чтоб Лана ничего не натворила.

— А ты куда?! — пугается девушка.

— Прослежу, чтоб союзники Бронислава не сбежали.

— А говоришь так, словно на смерть собрался.

— Идите уже.

Деян приказал укрепить охрану ворот, чтобы никто не мог покинуть город. Но впускать только своих. В остальном он понимал, что не сможет удержать князей. Да и Самбор, наверное, не смог бы. Пусть развлекаются, а потом посмотрим, кто остался.

Немного позже Деян начал вылавливать князей, которые уже устали, и отправлял в терем. И дружинники уже шумно праздновали победу. Вскоре Деян насчитал всех двадцать семь князей — ни один из них не погиб.

Деян проверяет и всех пленных. И находит там побитых Бронислава и Брячислава. Даже они живы. Деян склоняется над ними и спрашивает ядовито:

— Откуда стрелы с ядовитым наконечниками?

Бронислав прыскает, обнажая окровавленные зубы.

— Справился все-таки!

— Откуда?!

Тот невменяемо смеется в ответ.

— Трус!

Деян направляется в терем Бронислава. Он слышит шумные разговоры князей, они уже достаточно опьянели, празднуя победу, чтобы согласиться на все. Но Деян ищет Лану, и, как предполагал, она в покоях, где принимал их Бронислав.

Она сидит за большим столом и вглядывается в узоры дерева.

— Святозара нигде не видно, но это и к лучшему.

— Ты как?

— Он погиб из-за меня, — Лана судорожно сжимает маску в руках.

— Даже, если бы ты не сбежала, Самбор направил сюда бы войско. Только оно было бы в разы меньше, и людей погибло бы больше.

— У нас есть еще один не решенный вопрос— ведьма.

— Чем она нам сдалась. Все кончено.

— Ее внук остался на нашем попечении. Так что, я думаю, ты найдешь ее в доме, где мы встречались с ней.

— Я не оставлю тебя сейчас.

— Я справлюсь. Доверься мне в кои-то веки.

— Ты как твоя мать...

— Я не такая! — перебивает Лана резко. — Она никого не любила: слишком самовлюбленная была. Она даже назвала меня в свою честь.

— Лана, — ласково позвал мужчина, — ты такая же сильная, как и она. И всем этим мужикам покажешь, как и она.

Она замолкает и смотрит под ноги.

— Кстати, помнишь нашего друга князя Мормагона? — не дождавшись ответа, Деян поясняет, — он участвовал на стороне Бронислава. И надеюсь, ты права. И она будет сговорчивее. Хотя бы из-за внука, — Деян поднимает глаза. — Я буду ждать тебя дома.

Мужчина выходит, целуя с нежностью ее руку. Деян берет одну из лошадей, ворота, несмотря на приказ, открывают без лишних вопросов. Деян скачет сквозь толпу, которая стремится из города. Но вскоре удаляется от людей. Он не загоняет лошадь, как Лана и Святозар, но явно преодолевает путь быстрее, чем войско Самбора.

Лана теперь сидит с трясущимися руками, все, чему ее учил Самбор, словно пропало. Теперь она может надеяться только на себя. Лана догадывается о том, что после смерти Самбор все надеются на ней жениться и взять княжество, а потом с ее братом случится несчастный случай.

— Лана, скоро все будут здесь, — говорит зашедший Святозар.

— Хорошо. Я готова.

Лана надевает маску. Она старается не смотреть в сторону, где лежит тело Самбора, накрытое покрывалом. Но скоро придется взглянуть, нужно рассказать о его смерти, конечно, героической, а не бессмысленной.

Князя заходили в покои для переговоров не стихийно, а по- одному или подвое, бросая недоумевающие взгляды на таинственного лучника.

— Князь скоро будет?

Лучник, немного помедлив, удовлетворительно кивнул. Когда все князя расселись, где могли (за столом места не хватило), Святозар подходит к Лане поближе сразу вместе со стулом и садится рядом. На всякий случай. Лана встает и плавно подходит к укрытому телу, но одним резким движением она скидывает покрывало.

— Во время взятия города князя подстрелили еще и отравленной стрелой. Трусливо и мерзко убили великого князя!

Девичий голос под маской уже удивил, но Лана медленно сняла маску. Несомненно, это выглядело поразительно и красиво. А потом князя загалдели, Лана терпеливо ждала, пока они немного остынут-таки. До нее долетали обрывки фраз: “девчонка”, “умер он”, “княжество”, “может она сама его”.

— Я была рядом, когда князь Самбор погиб. Его убийцу я пристрелила сразу же. И есть свидетели моим словам.

Князья замолкли в ожидании того, что она скажет дальше.

— Князь назначил меня своей наследницей, пока мой брат Мечислав не подрастет достаточно для того, чтобы править самостоятельно.

Это снова вызвало бурю среди князей, и они зашептались. Но один из них осмелился громко спросить, чем заставил других замолкнуть:

— Однако же замуж вы снова выйдите?

— Только за достойного.

— Для чего мы сюда шли?! Мы сражались за вас? — вмешивается более агрессивный князь.

— Разве вам кто-то обещал меня? — Лане приходится повыситься голос. — Разве вас кто-то ущемил или оскорбил? **РАЗВЕ КТО-ТО ОБЕЩАЛ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫ ПОЛУЧИЛИ?**

Князья снова замолкли, думая, чем можно сбить с толку новую княгиню.

— Вы сказали, что выберите достойнейшего, — продолжил все тот же князь, что был, видно, спокойнее и мудрее. — Как вы это сделаете?

— Я проведу испытание, — ответила девушка под заинтригованную тишину.

Лана помнила домик ведьмы хорошо, как будто там была вчера. Она помнила и аккуратность, и шепетильность ведьмы. Все вокруг было расположено по своим местам, так чтобы ни что не заслонило другое и все было заметно человеческому глазу. На стене висела голова, а под ней лук.

— Я прекрасно стреляю. В этом у вас сомнений нет. И муж мой должен владеть луком не хуже меня.

— Чтобы быть достойным вас.

Лана даже не сомневалась, что князья не скажут что-то против при друг друге — не драться же им между собой. А испытание покажет, кто из них лучший.

***

Деян скачет достаточно быстро, так что к концу следующего дня прибывает в нужное место. И видит все тот же совсем не изменившийся домик. А самое замечательно со следами жизни. Поэтому он подходит и стучит в дверь. Сердце пробивает жалобный стук: на пороге стоит крупный, совершенно незнакомый мужчина.

— Вы кто?

— Хочу узнать, где хозяйка дома, что его продала вам.

Вот у мужчины происходит тяжелый мыслительный процесс, его морщинистое лицо совсем морщится. И он наконец выдавливает:

— Мы всегда здесь жили.

Тут теряется Деян и бормочет:

— Я ошибся. Извините.

Деян седлает лошадь под ничего не понимающий взгляд мужчины. Он и сам ничего особо не понимал, лишь одни догадки. Зачем Лане нужна эта ведьма и так ли она важна? Может, и нет смысла ее искать? Почему ее не было на сражении? Не уж- то судьбу нельзя было поменять? Или могло стать только хуже? Но лучше попытаться найти ее и ответы на вопросы.

Деяна почему-то тянуло к лесу, где же еще прятаться ведьме?

Он скачет по лесу слишком быстро и неуклюже, так что чуть не вылетает из седла, как слышит знакомый голос:

— Меня ищешь?

Деян оборачивается и видит знакомую, пусть теперь она приняла вид совсем древней старухи. Деян тормозит лошадь и направляется к ведьме.

— Вас.

— Зачем же?

— Не знаю, — пожимает плечами.

— А невеста твоя знает, — ухмыляется она. — Хватит нам, и правда, иноземных князей.

Умна, следуй за мной.

Ведьма ловко двигает в лесу, обходя ямы, крупные корни и длинные ветви. По тропинке она не идет, а только по зарослям, что мешает Деяну. Он спешивается и ведет лошадь рядом, хотя лучше все равно не становится.

— Не уж-то так спешили? — хитро спрашивает ведьма.

— Да.

— Можешь называть меня бабушкой.

— А вы меня, бабушка, не съедите? — шутит в ответ Деян.

— Вот и мой домик.

Вот этот домик был действительно похож на пристанище колдуньи. Поросший всевозможными растениями, он был стар, но крепок. Весь темный, вокруг одни деревья, погнутые жизнью, и никого из людей. Впрочем, внутри все было, как и в предыдущем доме, аккуратно и прибрано.

Они вошли под сгущающуюся темноту и Деяну невольно стало страшновато. Мороз пробежал по коже: захочет вытворить с ним ведьма что-нибудь дикое, ничего он ей не противопоставит. Отправила его Лана из огня да в полымя. Ведьма подходит к стене, на которой висит оленья голова, а под ней лук. Лук она снимает, потом что-то шепчет над ним и передает в руки Деяна.

— Думаю, именно за этим она тебя отправила. Из этого лука ты попадешь куда пожелаешь, но только один раз. Правда, взамен пообещайте заботиться о моем внуке.

— Обещаю.

— И передать в его руки княжество, когда он вырастет.

— Я не могу это пообещать за Лану.

— Значит, пообещай за себя, а потом и на жену повлияешь.

Деян напрягается и раздумывает, потом все-таки кивает и соглашается.

— Обещаю.

— Иди. Лес тебя выведет.

— Хочу спросить. Как же вы в том доме жили?

— Детское колдовство над людьми. Им теперь кажется, что они там всегда жили.

— Почему же вы не спасли Самбора? Я думаю, вы бы могли.

— Мне не все ведомо, а иногда лучше не вмешиваться в судьбу, чтобы не сделать хуже.

— Спасибо вам.

— Поспешите лучше.

Деян выходит и проходит до лошади, закидывает лук и ведет лошадь. Он немного проходит по памяти, однако в глазах начинает мутнеть. Голова раскалывается от невыносимой боли, и он останавливается, хватаясь за голову.

Деян падает, понимая, что ведьма снова их обхитрила. Он видит чью-то темную фигуру, а потом слышит крик ведьмы. Что это? Он ничего уже не понимает.

Ведьма же не хочет просто так помогать, все они ей надоели. Она выходит из дома,

чтобы посмотреть на влияние заклятия. Она замечает, как Деян останавливается, но лучше бы она посмотрела назад. Она чувствует, как кто-то резко схватил ее сильными холодными руками. Он кусает невероятно больно. Ведьма оборачивается и видит упыря, который когда-то был человеком. Человеком, которого из-за любви к Милане убили. И ведьма помнила его наивное лицо, но, как оказалось, упырь тоже запомнил лицо убийцы.

Ведьма вскрикивает от боли. Ничего из заклятий не действует на эту тварь. Сжечь бы его, но кругом темно, а единственную находящуюся рядом душу она сейчас усыпила... Теперь...

Ведьма долго мучается от боли, не умирает и долго-долго кричит. Но потом и на это нет сил, все плывет, а затем исчезает...

Упырь ложится рядом со своим убийце. Больше нет смысла куда-то идти, он закрывает глаза, сворачивается калачиком и засыпает навечно.

***

Лана оттягивала, как могла. Сразу она сказала, что нужно отдохнуть. Потом, что навести порядок в городе. Но на четвертый день нетерпеливые князья решили, что терпеть друг друга больше не могут. А, значит, нужно выбирать достойнейшего.

Конечно, Лана попыталась снова их утихомирить, но, видно, они слишком устали друг от друга. Так что пришлось начинать, но хотя бы днем. Утром у нее дело, конечно же.

Они собираются в полдень большой оравой (тут их явно больше, чем двадцать семь, наверняка и сыновей притащили, чтоб шансов заполучит княжество было больше), наблюдая за Ланой. Девушка поднимает лук и выстреливает в одно из деревьев.

— Тот, кто попадет в мою стрелу или рядом с ней и станет моим мужем.

— Невозможно, — загалдели они.

Лана поднимет лук снова, прицеливается и стреляет — попадает почти в тоже самое место.

Князья почтительно замолкают. И начинают свои бесплодные попытки, а чтобы продлить свое удовольствие. Лана предлагает им повторять свои попытки поочередно, пока кто-нибудь не попадет. Лана еле сдерживает улыбку, наконец, они почувствуют себя униженными. Пусть мучаются — они даже не дали ей ощутить горе потери. Даже, когда горел погребальный костер, она видела их самодовольные улыбки.

— Может, продолжим завтра?

Они не сопротивляются, молча расходятся. Лана же некоторое время стоит в одиночестве и смотрит на утыканное стрелами деревья, некоторые даже в траву попадали. Но где же Деян? Неужели ведьма может убить просто так? Она ведь должна понимать, что, захвати власть один из этих князей, ее внуку не сдобровать. До чего же Лана опустилась: надеется на помощь ведьмы, отправила любимого в ее лапы.

— Лана, — зовет знакомый голос, на который откликается, — Давай поговорим.

Святозар останавливается рядом с ней, уперев руки в бока и осмотрев стрельбище.

— На что ты рассчитываешь? — он обводит рукой вокруг.

— Деян должен понять.

— Куда ты его вообще отправила?

— Получится — расскажу, — хитро улыбнулась.

— Как знаешь, — он замолкает и еще смотрит на стрелу Ланы. — Я об отце и брате хочу поговорить.

— Зачем? — Лана скованно замирает.

— Вы ведь обещали.

— Обещал Самбор, но не я. Не хватит ли убийств? Заставь их работе на земле...больше пользы будет.

— Да ты из ума выжила! — горячо выпаливает он. — Неужели не хочешь отомстить?! Я ненавижу их! Он убил мою мать!

— Хватит. Успокойся, — она медленно поднимает руки и хочет его обнять, но он скидывает ее руки.

— Ты не прикажешь их убить? — а в ответ на это лишь отрицательное покачивание головой. — Ты сказала свое слово.

Он поднимает лук, стреляет и попадает ближе все из князей, но все еще недостаточно близко.

— Не зря ты меня учила. Я стреляю уже намного лучше. Но это не реально для нас, — он с ненавистью бросает лук. — И Деян твой не попадет.

Лана застывает, а по щекам текут серебристые слезинки, не видные в сумерках.

— Прости, — но он отмахивается и от этого.

Почему он не понимает ее? Неужели не хватит смертей по ее вине? Не хватит ли жестокости? Но Святозар идет туда, где держат пленных. Дружинники, охраняющие по воле Ланы, останавливают его.

— Мне кажется, вам лучше меня пропустить, — начинает Святозар, — княгине Лане не очень понравится, если вы не пропустите меня. А я здесь по ее поручению.

И они его пропускают. Святозар находит Бронислава с Брячиславом спящими. Они связаны, побиты, но синяки уже стали проходить и посветлели. Они заметно отощали, синяки залегли под глазами, одежда свисает лохмотьями, оба грязные. Он достает небольшой кинжал, быстро вонзает в сердце отца, затем достает и прокалывает сердце брата. Они даже не приходят в сознание. Совсем не мучаются. Новый князь смотрит, как кровь стекает по кинжалу и вытирает его об их одежду. Сам же он совсем не испачкался. Он выходит, кивнув дружинникам, мол, спасибо.

***

Лана уже много оправданий выслушала от дружинников. Впрочем, она их наказывать не собиралась. Виноват все-таки Святозар. Она просто сменила их на посту. Но вот что делать со Святозаром.

— Почему? Ты мог...

— Что? Ты сказала мне уже все, что хотела, вчера.

— Сегодня я уведу свое войско, князь Святозар.

— Я не власти хотел, — замер от обиды.

— Но получил.

Они грубо замолкают, но продолжают сверлить друг друга взглядами. Не выдерживает первая Лана, она закрывает лицом ладонями и мотает головой, словно что-то отрицает. Потом хватается за волосы, но все же начинает говорить, не глядя на юношу:

— У меня, как и у тебя, есть повод ненавидеть Бронислава...

— Даже больше, чем у меня, — перебивает. — Вот поэтому я тебя не понимаю. Ты хотела мести и получила ее.

— Мой дядя, человек заменивший мне отца, умер по моей вине. Я принесла войну, сбежав из дома так глупо и необдуманно. Я приказала Деяну отправиться к человеку, который меня ненавидит, чтобы помочь мне. Я приказала убить тех дружинников, что рьяно

сопротивлялись нам, но не погибли в бою. Я приказала убить тех пленных, что не сидели спокойно. Я позволила грабить город, насилловать своему войску. То, за что я хотела отомстить, я позволила сделать с женщинами этого города! Самбор бы такого не допустил! — с каждой фразой гнев ее нарастал. — Так что стоило сохранить мне, мне убийце невинных, жизнь своим мучителям? Пусть бы мучились опозоренные, жили бы, как рабы. Корячились бы до смерти на земле.

Лана уже тряслась в гневе, а ошарашенный Святозар, не зная, куда деть свою боль и заодно руки, в отчаянии бьет по столу. Лана вздрагивает, затем встает и делает то, что не смогла вчера: обнимает его. И Святозар отвечает взаимностью. Но, как раньше, уже не будет. Они лишь оттянули неизбежное, к тому же, Лана собирается покинуть город, а Святозару достается место отца.

— Скоро князья проснутся и зашумят, — Святозар улыбнулся и отошел к стене, прислонившись. — Опять начнете стрелять?

— Придется, Святозар, придется.

Но где же Деян?

***

Деян проснулся, не очень понимая, сколько он спал. Но еще больше он задумался, где он? Домик ведьмы исчез, как и она сама. Действительно ли там была тень, а потом и крик ведьмы? Но Деян больше и не думал, а действовал: рядом так и паслась лошадь, на нее он и вскочил. Мужчина проверяет, не потерял ли он лук, и гонят лошадь. Он уже узнал, где они и куда ему нужно направляться.

Пожалуй, он гнал лошадь похлеще сбегающих Святозара и Ланы, ведь ведьма сказала поторопиться. Быть может, она и не солгала. Он вздохнул с невероятным облегчением, когда замаячили нужные стены города. Солнце стояло в зените. Он сразу проскакал к княжескому терему, где и узнал о состязании. Вот он и понял все.

Деян бежит туда. Но понимает, что забыл лук. Он прикрикивает на конюхов, чтоб те принесли. А они, чуя волнение Деяна, себя ждать не заставили и понеслись со всех ног. Деян хватает лук и несется к Лане. Он далеко не сразу замечает ее среди мужчин.

Деян замедляется, но видит внезапно возникшую фигурку девушки. На фоне фигуры вырисовывается рука: заносщая кинжал— и Деян стреляет. Он не сомневается, что попадет в цель. Он уже и не думает об испытании.

Никто на Деяна и не обратил внимания, пока он не выстрелил. Все смотрят, потом на человека, в которого он попал. Лана откидывает накидку с лица человека, и узнает его.

— Это верный воевода Бронислава, — она действительно удивлена, Лана не ожидала, что его верность зайдет так далеко, он пытался защитить свою честь ценой жизни, ведь не сберег своего господина.

Лана же поднимется, она слишком рада Деяну, чтобы думать о каком-то воеводе и его чувстве долга, хоть он и пытался ее убить.

— Мне кажется, я нашла “достоинейшего”, - девушка указывает на Деяна.

Теперь князья оторвали своего внимания от трупа и взглянули на Деяна. Вот такой “достоинейший” их крайне не устраивал. Где он был? А теперь появился так внезапно и так вовремя.

— Пусть попадет в вашу стелу, — загалдели они.

Лана не сомневалась, что лук-то заколдовал ведьма, поэтому она спокойна в отличие от волнующегося Деяна. Быть может, в луке осталась хоть капля магии. Да и Лана его учила же.

Деян внимательно и аккуратно прицеливается, он задерживает дыхание, а все словно остановилось. Есть только этот чертов лук... Стреляет — попадает и насквозь рассекает свой стрелой стрелу, пущенную Ланой.

Тишина!

— Да у него лук не такой!

Один из князей вырывает лук из рук и стреляет на глазах у испуганной Ланы. Совершенно мимо стреляет. Его попытки бесплодны, но к нему присоединяются другие князья.

— Мне кажется, нам пора заканчиваться, — властно произнесла княгиня. — Пора уходить из этого города.

Лана с Деяном подверглись еще одной волне гнева, но один из князей выходит вперед вместе с луком и отдает его Деяну, затем говорит:

— Все было честно. Мы принимаем ваше решение, княгиня Лана, и не хотим с вами враждовать.

Как бы там ни было, княжество Ланы было сильно, и враждовать с ними было опасно.

— Благодарю вас всех. Я покидаю город со своей дружинной сегодня. Думаю, вам всем стоит последовать моему примеру.

Деян и Лана идут вдвоем, не задумываясь о своем будущем и радуясь своему счастью.

— Покажи мне лук.

Деян передает и говорит:

— Ведьма сказала, что он подействует один раз. Но, видно, нас обоих обвели вокруг пальца снова.

Потом он рассказывает и об остальном, в том числе и об тени и крики ведьмы.

— Думаю, это упырь.

— Упырь?

— Похоже на него. Возможно, поэтому ты так долго спал.

— Упырь не тронул меня.

— Он мстит своим убийцам. А ведьма не мало душ погубила.

— И нас она опять обманула.

Они смеются тихо друг другу, не совсем понимая, что произошло.

Город они действительно покинули, и другие князья сделают то же самое в течении недели. И пусть Лану и Деяна ждало много тревог и неприятностей, в том числе нападки со стороны недовольных князей, но они были счастливы...

Я беру эти большие яйца, которые столько всего натерпелись, я выношу их наконец-то на волю. Мы седлаем лошадей, а яйца аккуратно складываем. Пожалуй, можно покинуть это место со спокойной совестью. Разве что меня волнуют вспышки гнева Мечислава, но наверняка мои племянницы помогут ему справиться с этим.

С ними тоже связана необычная маленькая история. После смерти Самбора оказалось, что обе его наложницы в положении. Но Деян долго об этом мне не рассказывал, поскольку тогда я сильно винила себя в смерти дяди. Так что узнала я все, когда родилась первая девочка, а за ней через месяц вторая. Моему удивлению не было предела. Как удавалось скрывать это все Деяну непонятно. Девочек мы нарекли Бажена и Беляна. Я рада, что они выросли совершенно наивными и обласканными девочками. Брат в них и сейчас души не чает.

Мы сделали все, что могли. Впрочем, мы лишь люди, а не боги. Я не провела больше ни одной битвы по своему желанию, но и не проиграла ни одной. Где Деян мог, мы пытались договориться, но, если нужно было братья за оружие, брались хоть и без желания, но и без сожаления. В начале меня пугала воинственность соседей, но теперь я знаю, что нужно сказать, чтоб избежать конфликта.

Да, теперь я спокойна. Мы научили Мечислава всему, что знали за 10 лет моего княжения. Племянниц я воспитала, женихов им тоже подобрала.

Я достаю яйца и кладу их на землю, кругом ни души. Надеюсь, они смогут вырасти.

Теперь мы найдем свое место вдали, где выстроим себе прекрасный дом. Деян обсадит его деревьями, в том числе его любимой яблоней. Он создаст для нас рай. И может, тогда я смогу родить ребенка в этом спокойствии и тишине.

Наши дети будут счастливее нас вдали от всей этой грешной княжеской жизни. Я знаю, что пережил Самбор, он умер раньше княжонка на 7 лет. Мои дети познать ни его боли, ни моей. Они вырастут счастливыми...

Больше книг на сайте - Knigoed.net